

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А.Б.ГОЛОВКО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
И ПОЛЬША
В ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗАИМО-
ОТНОШЕНИЯХ
X-ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XIII ВВ.

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1988

Н

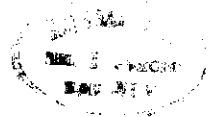
2968

В монографии исследуются межгосударственные отношения Древней Руси и Польши в X—XIII вв., показана взаимообусловленность этих отношений и внутривполитической обстановки в Древнерусском и Польском государствах. Особое внимание уделено вопросу о военном и политическом союзе Руси и Польши во второй половине XI — начале XII в.

Для научных сотрудников, преподавателей, студентов, всех, кто интересуется историей славянских народов.

Ответственный редактор *Н. Ф. Котаяр*

Рецензенты *А. И. Митряев, А. И. Рогов, Ф. П. Шевченко*

Редакция исторической литературы

881535
15

Монография

Александр Борисович Головки

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ПОЛЬША
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
X — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВВ.**

Утверждено к печати ученым советом Института истории АН УССР

Редактор *Н. О. Черкасская*. Оформление художника *В. Б. Харика*. Художественный редактор *С. П. Квитка*. Технический редактор *А. А. Нагорная*. Корректоры *З. П. Школьник, З. А. Ерохина*

ИБ № 9018

Сдано в набор 13.11.87. Подп. в печ. 26.02.88. БФ 01037. Формат 60X90^{1/16}. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,88. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 3200 экз. Заказ 7—3286. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4. ул. Репина. 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкинг». 252057, Киев, ул. Довженко, 3 в Нестеровской городской типографии. 292310 Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8. Зак. 1980.

Г 0504020000-201 КУ-1-160-88
M221(04)-88

ISBN 5-12-000116-5

© Издательство «Наукова думка», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

К рубежу X—XI вв. под воздействием сложных социально-экономических и политических процессов, происходивших в восточнославянском обществе, завершается процесс территориального объединения всех древнерусских союзов племен в составе относительно единого государства. Именно с этого времени Киевская Русь, превратившаяся в одну из крупнейших держав средневекового мира, начинает оказывать существенное влияние на исторические судьбы Европы и Азии.

Проблемы истории внешней политики и международных связей Древнерусского государства издавна привлекали пристальное внимание исследователей. Уже в трудах дворянских и буржуазных историков России XVIII — начала XX в. были выявлены и рассмотрены многочисленные отечественные и зарубежные источники по истории международных отношений Руси IX—XIII вв., предприняты попытки осмыслить разнообразные явления и события этого периода. Однако подлинно научное изучение внешнеполитических связей восточнославянского государства началось с возникновением марксистской исторической науки.

В исследованиях Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбакова, В. Д. Королюка, Г. Г. Литаврина, В. В. Каргалова, А. Н. Сахарова и многих других советских ученых представлена развернутая картина международных связей Руси с ее соседями, дана оценка роли Древнерусского государства во всемирно-историческом процессе, отмечено значение для сохранения европейской цивилизации борьбы восточных славян с кочевниками.

Одним из важнейших направлений международной деятельности Руси были ее отношения с Польшей. Зародившись в конце X в., политические связи Руси и Польши оказали большое влияние как на внутривполитическое развитие обеих стран, так и на международную обстановку.

Тесные взаимосвязи восточных и западных славян в X — первой трети XIII в. способствовали тому, что уже в современных событиях или близких к ним по времени памятниках достаточно подробно излагаются конкретные факты истории русско-польских политических отношений. Важнейшее место среди источников занимают материалы древнерусского летописания, которые содержат основную информацию по рассматриваемой нами теме. Среди этой группы источников большое значение имеют данные «Повести временных лет» (начало XII в.), Киевского летописного свода XII в., Галицко-Волынской летописи XIII в.

Начальный период русско-польских отношений (X — начало XII в.) освещен на страницах «Повести временных лет». В основу данного произведения были положены различные исторические предания, сказания, материалы народного

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ РУСЬ И ПОЛЬША В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИИ (КОНЕЦ X — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XI В.)

1. Установление межгосударственных отношений Руси и Польши в конце X в.

Оформление политических отношений древнерусского и польского народов было итогом перемен, которые произошли в жизни славянского мира в переходную от первобытного к классовому обществу эпоху, а именно: вследствие кардинальных изменений в социально-экономическом развитии, миграционных процессов второй половины I тыс. н. э., когда складывалась новая политическая карта Европы.

Уже в середине I тыс. н. э. славянские племена приняли активное участие в «Великом переселении народов», заселив территории Балканского полуострова и большей части Восточно-Европейской равнины. В результате освоения новых районов нарушается былое единство славянского мира, который распадается на три ветви: восточных, западных и южных славян. В общественной структуре славян того периода выделилась племенная верхушка, которая в перспективе станет основой для формирования будущего класса феодального общества. Консолидация знати проявилась в узурпации власти, которая постепенно превращается из общественной в публичную. Это обстоятельство было одним из определяющих признаков возникающей государственности¹. Важнейшую роль в формировании новых общественных отношений сыграла дружина — мобильный институт социального принуждения, который пришел на смену племенному ополчению. Платежи, поступавшие на содержание князя, его дружины и приближенных, стали первой формой эксплуатации. Причем тенденцией роста протофеодальной ренты было не увеличение в количественном отношении («с души»), а распространение ее на соседей. Такой «экстенсивный» рост доходов знати объясняется ограниченными возможностями эксплуатации единоплеменников на начальном этапе существования государственности, медленным процессом феодализации общины². Характеризуя этот переходный от первобытности к феодализму период, К. Маркс писал, что в то время социальные отношения определялись «вассалитетом без ленов или ленами, состоящими исключительно из даней»³.

Таким образом, стремление феодализирующейся верхушки конкретного союза племен, а затем «племенных княжений» распространить контроль в виде sporadической, а затем, по мере усиления

военного давления, регулярной дани способствовало повышенной внешнеполитической активности возникающих государственных объединений⁴. «Грабительские войны,— отмечал Ф. Энгельс,— усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть»⁵.

Тесная зависимость существования племенной верхушки и дружины от результатов военных экспедиций приводит на определенном этапе к складыванию, по образному выражению академика Б. А. Рыбакова, «союзов дружин», которые надолго отрывались от своих единоплеменников⁶. Позднее по мере роста эксплуатации последних связь дружинников с территорией, на которой они проживают, усилилась.

Процесс возникновения «племенных княжений» ознаменовался значительными столкновениями между соседними племенами, в ходе которых возникли более крупные политические организмы — «суперсоюзы», которые заняли лидирующее положение в государственно-территориальном освоении славянских территорий. В IX в. у восточных славян главным политическим образованием становится «Русская земля» — протогосударственное объединение полян и западных северян, а позже — и других восточных славян. Значительную роль в политической жизни Восточной Европы занимают суперсоюзы полочан (западной ветви кривичей), древлян, ильменских словен. [Из достаточно многочисленных племенных княжений на территории будущей Польши выделились крупные раннефеодальные образования — Вислянское, Гоплянское и Полянское.]

К началу X в. среди восточных славян становится все более ощутимым преобладание «Русской земли», [а среди северной группы западных славян в более позднее время — Полянского княжества (вокруг города Гнезно) *], что ускорило процесс государственно-территориального оформления. Складывание государственной территории Руси и Польши стало важнейшей предпосылкой установления политических отношений между двумя странами. В связи с этим необходимо рассмотреть причины включения в сферу государственного контроля обоих государств территории будущего русско-польского пограничья.

В 907 г., по данным Повести временных лет, в походе киевского князя Олега на Константинополь принимали участие хорваты⁷, представители восточнославянского союза племен, северо-западные границы которого доходили до восточных притоков Вислы. Как справедливо, по нашему мнению, отмечают некоторые исследователи, племена хорватов вряд ли в то время были подчинены киевской великокняжеской администрации, а были лишь союзниками

* Топоним «Польша», этникон «поляки» оформились к рубежу X—XI вв. и относились первоначально только к населению Великой Польши, поэтому в тексте по отношению к более раннему времени они носят условный характер.

Руси⁸. Вероятно, в военной кампании Олега принимали участие дружины не всех племен обширного хорватского племенного союза, а только жившие вдоль верхнего и среднего течения Днестра⁹. Что касается северной части группы хорватов, то, видимо, она входила в сферу влияния близлежащих западнославянских раннеклассовых образований.

В «Житии св. Мефодия» сообщается, что в третьей четверти IX в. «в Вислѣх» правил сильный князь, который оказал серьезное сопротивление крупнейшему образованию западных славян — Великоморавскому государству¹⁰. Позже, около 875—876 гг., племенное объединение вислян все же попало под контроль более сильного соседа. Однако подчинение, очевидно, не означало полного включения южнопольского княжества в состав Великой Моравии. Оно не затормозило и развитие процессов образования государства в Малой Польше¹¹. В этом отношении большой интерес представляет упоминание в конце IX в. о соседней к востоку от Моравии «стране вислян» (Visleland)¹². На рубеже IX—X вв. вследствие проникновения в Центральную Европу кочевников — венгров — Великоморавский политический комплекс распался, в результате чего Малая Польша оказалась под властью Чешского (Пражского) княжества.

О включении вислян в состав Чехии имеются прямые указания как в «Записке» Ибрагима ибн-Якуба, арабского путешественника середины X в., так и в Учредительной грамоте Пражского епископа 973 г., текст которой сохранился в «Хронике» Козьмы Пражского¹³. Причем для выяснения ранней истории Побужья важно, что в последнем документе отмечается не только подчинение Малой Польши Праге, но и указывается, что границы Чешского княжества охватывают территорию до рек Буг и Стырь. «Отсюда на восток (Пражское княжество.— А. Г.) имеет границей реки Буг и Стырь с городом Краковом и областью, которая называется Ваг, со всеми округами, относящимися к вышеназванному городу, которым является Краков»¹⁴.

Таким образом, данный источник свидетельствует, что западные районы расселения волян и северной группы хорватов вместе с вислянами в качестве единого территориального комплекса — области — входили в состав Пражского княжества. Отсутствие данных о какой-либо внешнеполитической активности Чехии в этом районе вплоть до конца X в. позволило предположить, что впервые район Побужья попал в сферу влияния не Чехии, а более ранних западнославянских государственных объединений¹⁵.

Рассматривая вопрос о западнославянском влиянии в Побужье, исследователи пришли к выводу, что, вероятно, главную роль сыграл не отдаленный великоморавский центр, власть которого была весьма эфемерной, а висляне (лендзяне) Малой Польши¹⁶. Именно лендзяно-вислянская знать, как нам представляется, построила в междуречье Вепша, Буга и Сана ряд оборонительных пунктов — Червен, Перемышль, Белз и другие, — от названия первого из которых весь этот район получил название «Червенские

грады». Исследования археологов показывают, что наиболее значительная концентрация находок западнославянского материала при общем преобладании восточнославянского наблюдается именно в районе расположения этих «градов»¹⁷. Позиции лендзян-вислян, очевидно, сохранились, а может быть, даже усилились в период вхождения висляно-воляннского комплекса в состав Пражского княжества.

В трактате Константина Багрянородного (византийского императора, 913—959 гг.) отмечается определенная миграция западнославянского населения на восток от Западного Буга в верховья западных притоков Днестра. Византийский автор сообщает, что в середине X в. некие «лендзянины» поставляли лодки-однодеревки киевскому князю¹⁸. Ученые установили, что здесь речь идет опять-таки о «ляшском» (лендзянском) населении¹⁹. Однако следует сразу отметить, что эта группа лендзян, жившая в верховьях западных притоков Днестра (вероятно, на территории современной Белоруссии), не представляла какой-то значительной этнической группы и в дальнейшем была полностью поглощена восточнославянским населением.

Середина X в. в истории Руси и Польши ознаменовалась дальнейшей консолидацией их государственно-территориального единства. В правление княгини Ольги (945—962 гг.) после подавления выступления древлян киевским двором осуществляется административная реформа, ознаменовавшая усиление контроля центра Руси над восточнославянскими землями. В то же время в состав Древнерусского государства вошли более отдаленные от Киева племена²⁰.

В 60-х годах X в. в немецких и других источниках встречается довольно много известий о Польше. Их появление не было случайным, так как в то время вокруг Гнезно происходил интенсивный процесс объединения всех этнических «польских» племен. В тот же период Древнепольское государство начинает вести активную внешнюю политику, прежде всего направленную против его западных соседей — Германской империи, Чехии и полабских славян. Около 966 г. правящая верхушка Польши принимает новую религию — христианство в его западном (католическом) варианте²¹.

В предшествующие годы в политической жизни северной группы западных славян произошли важные перемены. После подчинения висляно-лендзянского образования Великой Моравией, а затем Чехией инициатива в государственно-территориальном объединении польских племен переходит к «племенным княжествам» Великой Польши. Здесь в середине IX в. начинают играть заметную роль гоплянский и полянский союзы племен, между которыми на протяжении многих лет велась борьба за первенство. Сначала лидирующее положение в этой борьбе занимали голяне во главе с князем Попелем. Им удалось на некоторое время подчинить полян. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется отсутствие известий о западнославянских полянах в описании «Географа Баварского» и упоминание о весьма значительном территориальном

комплексе гоплян, в котором было более 400 «градов»²². Однако к концу IX в. власть в Великой Польше захватывают полянские князья, которым удалось свергнуть Попеля²³. В своеобразной полуполюгендарной форме эта борьба отразилась в «Хронике» Галла Анонима и некоторых других более поздних польских хрониках²⁴.

Приход к власти князя полян Земовита ознаменовался дальнейшим расширением границ Полянского княжества. «Земовит же, — пишет Галл Аноним, — достигнув княжеской власти, проводил молодость не в удовольствиях и забавах, а в трудах и походах и приобрел славу за свое благородство, расширил границы своего княжества дальше, чем кто-либо до него». Такую же политику проводили его наследники — Лешко и Земомысл²⁵.

К моменту прихода к власти Мешко I (ок. 960—992 гг.) к территории Полянского княжества была присоединена Мазовия. В то же время в состав Древнерусского государства вошли земли дреговичей. Ибн-Якуб свидетельствует о том, что с государством Мешко на востоке соседствует Русь, а на севере — «Бурис» (пруссы. — А. Г.)²⁶. Оформление границы двух государств было весьма знаменательным событием, которое, однако, не означало установления политических взаимоотношений двух славянских государств. Это объясняется отчасти тем, что граница между обеими странами проходила в 60—70-х годах X в. на севере от Ятвигии (Понеманья) до древнерусского города Берестья на юге, то есть по труднопроходимой местности²⁷. К тому же русская знать во главе с сыном Ольги Святославом (962—972 гг.) стремилась расширить влияние Киева на Балканах, а Гнезненское княжество вело упорную борьбу с Германией, полабскими и поморскими славянами²⁸.

Правда, ряд исследователей рассматривают сообщение в хронике Ламберта Герсфельдского под 973 г. о пребывании русских и польских послов в Кведлинбурге у императора Оттона как доказательство каких-то русско-польских связей между дворами Мешко I и Ярополка, сына Святослава (972—980 гг.)²⁹. Однако содержание известия («Туда (в Кведлинбург. — А. Г.) прибыли послы из многих народов, а именно римлян, греков, беневентцев, итальянцев, венгров, датчан, славян (под «славянами» германские источники до рубежа X—XI вв. понимали жителей Польши. — А. Г.), болгар, а также русских с большими дарами»³⁰), как видно, не дает оснований для подобных суждений, тем более в современных событиях анналах, под влиянием которых возникла информация Ламберта, свидетельств об участии русских послов в Кведлинбургском съезде нет³¹.

В начале правления князя Владимира (980—1015 гг.) киевским двором предпринимаются энергичные шаги к укреплению единства древнерусских земель, включению в состав Руси всех восточнославянских племен и территорий. «В лето 6489. Иде Володимер к ляхом и зяя грады их, Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью»³². Некоторые историки полагают, что в 981 г. действительно был осуществлен поход русского князя на польские земли³³. Однако эта точка зрения противоречит свиде-

тельствам других источников. Выше уже отмечалось, что в трактате ибн-Якуба и Учредительной грамоте Пражского епископата говорится о принадлежности Малой Польши (то есть территории, непосредственно граничащей с Побужьем) в 60—70-х годах X в. не Гнезненскому, а Пражскому княжеству³⁴. О том, что Краков не входил в состав Польского государства в начале 90-х годов, свидетельствует материал хроники «Дагоме юдекс», где впервые дано описание государственной территории Польши накануне смерти князя Мешко I³⁵. Сопоставление всех имеющихся данных поставило специалистов в довольно затруднительное положение. Часть из них, считая недостаточными данные ибн-Якуба, грамоты «Дагоме юдекс», Козьмы Пражского, предпочла в своих изысканиях опираться лишь на прямое указание летописи³⁶. Другие исследователи высказали предположение о несоответствии статьи «Повести временных лет» политической обстановке начала 80-х годов X в. и утверждают, что она была включена поздними летописцами. Так, В. Д. Королюк предполагает, что известие 981 г. было подвергнуто редактированию и в первоначальном тексте летописи речь шла лишь о походе на территорию расселения восточнославянских племен дулебов и хорватов³⁷. С. Кучинский же вообще переносит поход Владимира на 1012 г., связывая его с последующими событиями русско-польских отношений второго десятилетия XI в., а именно: с браком Святополка, пасынка Владимира, и польской княжны, дочери Болеслава I, походом последнего на Русь в 1013 г.³⁸

Отмечая невозможность столкновения Киевской Руси с Гнезненским княжеством, некоторые ученые высказывают предположение, что в 70—80-х годах X в. в Краковской земле существовало самостоятельное «польское» государственное образование — «лендзянское княжество», или «государство Болеслава Храброго» (сына Мешко I); которое не подчинялось ни Польше, ни Руси³⁹.

На наш взгляд, эти мнения недостаточно обоснованы. Прежде всего нет оснований считать, что сообщение попало в летопись под влиянием событий 1018, 1031 или 1069 гг., так как летописные статьи этих лет не имеют какой-либо антипольской направленности. Летописная статья под 981 г. не могла быть написана между 1018 и 1031 гг.⁴⁰, когда «Червенские грады» входили в состав Польши, ибо в ней упоминается о сохранении данного района в составе Древнерусского государства «и до сего дне». Если бы статья 981 г. была итогом позднейшей переработки летописи, то, очевидно, в ней была бы формулировка «Червенские грады», как в статьях 1018 или 1031 гг., а не «Перемышль, Червен и ины грады». Все это склоняет к выводу, что летописная запись была сделана в конце X в., когда, по предположению Л. В. Черепнина, был создан первый древнерусский свод летописных известий⁴¹.

В плане интерпретации статьи под 981 г. наибольший интерес представляет мнение ученых о принадлежности района «Червенских градов» Чешскому княжеству до похода Владимира. Впервые мысль о том, что в результате похода на запад Владимир занял

район, входивший в состав территории Чехии, была высказана в середине XIX в. известным чешским историком Ф. Палацким⁴². В настоящее время ее развил львовский историк Я. Д. Исаевич⁴³.

«Чешская теория» может вызвать, на первый взгляд, серьезное возражение в связи с тем, что в летописи под 981 г. названы в качестве владельцев «Червенских градов» не «чехи», а «ляхи». Однако этноним «ляхи» не мог означать в указанное время «Польшу» или «поляков» как жителей всей страны. Об этом, в частности, свидетельствуют латиноязычные источники, в которых топоним «Польша» («Polonia», «Polska» и др.) появился лишь на рубеже X—XI вв. и долгое время не мог вытеснить более распространенное название государства «Sclavia», «Sclavania»⁴⁴. Так, например, в 1000 г. Кведлинбургские анналы сообщают о Болеславе Храбром как о князе славян, а не поляков⁴⁵. Правда, уже в «Хронике» Титмара Мерзебургского (ум. в 1018 г.) неоднократно встречается по отношению к событиям начала XI в. имя «поляки» («Polenii»), но в значительно более позднем «Жизнеописании императора Конрада II», написанном германским биографом Випо в 40-х годах XI в., этот же Болеслав назван как «Bolizlaus Sclavigena, dux Polanorum» («Болеслав Славянин, правитель поляков»), то есть употребляется не только новое, но и старое этническое название⁴⁶.

Топоним «Польша» и этноним «поляки» распространились на территории проживания северной группы западных славян в ходе этнической интеграции, создания раннефеодальной народности и свелись к замене общеславянского названия «славяне» этнонимом наиболее крупного племенного объединения — полян, вокруг которого и было создано Древнепольское раннефеодальное государство. Термины «Polonia», «Polska», кроме собственно Польши, получили распространение на западе; у южных и восточных соседей «польских» славян мы встречаем другие названия, а именно «лендзанины» (у византийцев), «ляхи» (у восточных славян), «ленкас» (у литовцев), «лендзел» (у венгров), появившиеся от носителей другого этнонима — «лендзян»⁴⁷, который был, вероятно, параллельным названием вислянских славян в Малой Польше. Правда, в исторической литературе существует точка зрения, будто лендзяне и висляне — это два соседних союза племен⁴⁸, но широкое распространение этнонимов типа «ляхи», «ленкас» у южных и восточных соседей поляков, на наш взгляд, свидетельствует о том, что этноним «лендзяне» принадлежал всему населению Малой Польши, где, как мы уже выше отмечали, в середине IX в. сложилось раннефеодальное княжество и шел процесс складывания прото-народности.

Все сказанное выше дает основание предполагать, что в 981 г. Древнерусское государство еще не вошло в политические контакты с Гнезненским княжеством Мешко I, которое объединяло большинство этнически «польских» земель, хотя присоединение западных районов расселения восточных славян, контакты с «лендзянским» населением Малой Польши во многом способствовали их оформлению в будущем.

Составитель «Повести временных лет» в начале XII в., очевидно, представлял себе данное известие как сообщение о походе Владимира на Польшу, ибо в то время этноним «ляхи» приобрел характер общепольского названия. Позднее, во второй половине XII — начале XIII в. сложилась легенда о походе Владимира в глубь территории Польши, вплоть до Калиша, что нашло отражение в статье 1229 г. Галицко-Волинской летописи⁴⁹. В таком виде трактовка летописного сообщения имеется в хрониках известных польских историков средневековья — Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского, труды которых оказали значительное воздействие на развитие восточнославянской историографии⁵⁰. Возможно, под влиянием произведений этих авторов были написаны соответствующие фрагменты поздней так называемой Иоакимовской летописи, материал которой дошел до нас в пересказе В. Н. Татищева⁵¹. Некоторые историки, используя летописное сообщение под 1229 г. и пересказ В. Н. Татищева для рассмотрения русско-польских отношений, необоснованно утверждают о наличии многочисленных войн между Русью и Польшей, которых на самом деле в конце X в. не было⁵².

В конце 80-х — начале 90-х годов X в. происходит переориентация во внешней политике Польского государства (с центром в Гнезно), что проявилось в начавшемся и продолжавшемся около десяти лет конфликте с Чехией из-за Силезии и Малой Польши. К началу 992 г. Гнезненское княжество добилось определенных успехов в этой борьбе, о чем свидетельствует материал упомянутой выше грамоты «Дагоме юдекс»⁵³. Последняя была подготовлена при дворе князя Мешко I в качестве юридического документа, который санкционировала римская курия, и содержала описание границ Польского государства в начале 90-х годов X в. В грамоте показано присоединение Силезии и большей части Малой Польши к Гнезненскому княжеству, что, наряду с присоединением к Руси «Червенских градов» и в 983 г. — земель ятвягов⁵⁴, означало значительное расширение русско-польской границы. Последняя, что весьма важно, проходила не только по территории непроходимых пуш, но и через район Побужья, который занимал важное стратегическое положение на магистральных торговых путях из Центральной в Восточную Европу. Это обстоятельство, а также взаимная заинтересованность Киева и Гнезно в данном районе должны были привести к каким-то политическим контактам двух славянских стран. Видимо, не случайно мы встречаем упоминания о русско-польских отношениях.

Под 992 г. в Гильдесгеймских анналах (Германия) сообщается, что князь Болеслав (992—1025 гг.) не смог прибыть к императору Оттону III, так как ему в то время «угрожала большая война против русских, но честно прислал воинов»⁵⁵. Такая реакция гнезненского двора была вызвана военными действиями, которые вел против хорватов киевский князь Владимир. Согласно известию «Повести временных лет», в 992 г. древнерусский князь осуществил поход против этого восточнославянского союза племен⁵⁶. О походе

на хорватов упоминается (правда, годом позже) и в новгородской летописании⁵⁷. Должно быть, эти сообщения отразили лишь завершающую фазу конфликта.

Действия русского князя против хорватов, очевидно, вызвали настороженность польской знати, так как последняя вела вблизи Побужья войну с Чехией и создавалась перспектива расширения масштабов конфликта. Активность польского двора была, возможно, вызвана стремлением правителей Польского государства продолжить политику своих предшественников — лендзянских князей — по отношению к району «Червенских градов»⁵⁸, который уже в первой трети XI в. превратился в объект активного противоборства Руси и Польши. Угроза войны с Чехией и Русью одновременно (источники свидетельствуют о тесных связях киевского и пражского дворов в то время⁵⁹), а также внутренние распри в Польше не позволили окружению Болеслава прибегнуть к силе. В таких условиях польскому двору пришлось предпринять дипломатические шаги. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется то, что Болеслав, хотя и не отправился в Германию, послал к Оттону отряд рыцарей. Разумеется, если бы польский князь готовился к войне с Русью, подобной акции не могло быть.

[В статье Никоновской летописи под 992 г.: «Того же лета придоша послы от Болеслава Лятцакаго»⁶⁰. Ряд исследователей считают достоверным это сообщение поздней летописи⁶¹. Видимо, посольство польского князя прибыло в Киев еще в ходе войны Владимира с хорватами и во время своего пребывания в столице Руси договорилось о невмешательстве сторон в дела друг друга в висяно-бужском междуречье. Вскоре после этого соглашения между Русью и Польшей был подписан договор «мира и любви», что в дипломатической практике того времени означало начало межгосударственных отношений⁶².] Этот факт подтверждается фразой безымянного древнерусского летописца X в., которая дошла до нас в тексте «Повести временных лет» под 996 г.: «...и бе живя (Владимир.— А. Г.) с князи околними миром, с Болеславом Людьскимь, и с Стефаномь Угрьскимь, и с Андрихомь Чешьскимь. И бе мир межю ими и любви»⁶³. Теперь становится понятной и причина появления в летописной статье под 981 г. констатирующего вывода: «...иже суть (Червенские грады.— А. Г.) и до сего дне под Русью»⁶⁴, цель которого — подчеркнуть успешное разрешение соперничества из-за Побужья в пользу Руси. На основании летописных известий, очевидно, можно сделать вывод об установлении в начале 90-х годов X в., а именно около 992 г., дипломатических отношений между Русью и Польшей.]

Отметим, что текст летописных сообщений о контактах Кцева с западными славянами в последнее десятилетие X в. имеет некоторые неточности: во-первых, в Чехии в конце X в. правил не Андрих, а Болеслав III, во-вторых, Стефан «Святой» стал князем в Венгрии только в 997 г. Причина первой неточности в литературе объясняется по-разному. В. Д. Королюк связывает это с поздней редакторской правкой⁶⁵. А. Ф. Грабский, А. Б. Флоровский, полагая,

что под именем «Андрих» подразумевается чешский князь начала XI в. Ольдржих, относят летописное известие к 1004—1012 гг., когда, по их мнению, началась политическая деятельность этого монарха⁶⁶.

Не претендуя на полное разрешение вопроса, обратим, однако, внимание на следующее. Прежде всего утверждение об идентичности имени «Андрих» и «Ольдржих» возникло на основании недоказанного предположения польского ученого начала XX в. С. Закжевского⁶⁷. Что касается причин появления в летописной статье имени Андриха, можно допустить, что переговоры велись не только от имени пражского князя, но и от имени какого-то другого правителя Чехии, возможно, наместника восточных областей страны. В этом плане важно напомнить, что до 995 г. в Чехии пользовалась значительным суверенитетом либицкая династия князей, что свидетельствует о достаточно серьезной автономности некоторых земель, входивших в состав Чешского государства.

Вторая неточность, очевидно, вызвана тем, что летописное сообщение о посольствах западных соседей Руси под 996 г. не дает точной датировки событий (вряд ли все послы прибыли в Киев одновременно), а служит в качестве панегирика деятельности Владимира по установлению дипломатических контактов в конце X в.

В завершение следует сказать, что две крупнейшие славянские державы установили межгосударственные отношения довольно поздно, когда их раннефеодальная государственность достигла значительной зрелости. Сам факт отсутствия связей между двумя странами до начала 90-х годов X в. объясняется во многом направленностью международной деятельности Руси и Польши. Основными зонами внешней политики киевской администрации были Византийская империя, Балканы, Причерноморье, Поволжье, Кавказ, а гнезненского правительства — Германия, поморский район и полабские славяне.]

2. Политические отношения Руси и Польши в начале XI в.

Рубеж I и II тыс. был весьма важным в истории как Древнерусского, так и Польского государств, что было связано прежде всего с достижениями в социально-экономическом развитии, завершением государственно-территориального оформления в рамках этнических границ, укреплении международного престижа обеих стран.

После блестящих успехов на внешнеполитической арене во времена Олега, Игоря, Святослава и первого периода правления Владимира уже в 90-х годах X в. Киевская Русь столкнулась с экспансией печенежских орд, которые находились в апогее своего развития. Вот почему киевский двор вынужден был не только отказаться от каких-либо военно-политических акций на Балканах, в Причерноморье и на Кавказе и предпринять ответные военные действия против кочевников, но и проводить усиленные фортификационные

работы, осваивать районы к югу от Киева⁶⁸. Эта деятельность стала возможной лишь благодаря объединению всех восточнославянских земель вокруг Киева и концентрации огромных материальных ресурсов. Одновременно следует отметить, что эти затраты, безусловно, негативно отразились на других направлениях внутри- и внешнеполитической деятельности государственного аппарата Руси.

В конце X в., как мы уже вскользь отмечали, Польша стремилась присоединить Силезию и Малую Польшу (территория последней была полностью инкорпорирована в 999 г.), укрепить международный суверенитет. В 1000 г. в Гнезно состоялась встреча германского императора Оттона III и Болеслава Храброго, в ходе которой стороны договорились о том, что Польша войдет в состав «универсальной христианской империи». Подобное включение западнославянской страны в более крупное государственное образование, как это ни парадоксально, было выгодно польскому двору, так как, по замыслу Оттона III и его ближайшего соратника римского папы Сильвестра II, Польша становилась равноправной с Италией, Германией и Францией* в составе нового государственного образования. Одновременно польскому князю была обещана королевская корона, которая в международной практике средневековья давала прерогативы независимого государя — суверена⁶⁹. Кроме того, вхождение Польши в состав империи Оттона серьезно ограничивало бы агрессивные устремления восточногерманских феодалов.

В исторической литературе «универсалистско-имперские» планы Оттона III и Сильвестра II часто по традиции характеризуют как «утопические». Однако такая точка зрения нам представляется не совсем правильной⁷⁰. Подобные планы существовали в государственной практике и в последующее время: они были положены в основу как «цезарепализма», так и, в особенности, «папоцезаризма» и его основного документа «Dictatus papae», проявились в деятельности папы Григория VII и его последователей, германских императоров Фридриха I Барбароссы и, в большей степени, Фридриха II Гогенштауфена. «Универсалистской» группировке постоянно противостояла более сильная группа феодалов (как в самой Германии, так и за ее пределами), которая не желала усиления власти верховного монарха. Именно интересы такой группировки в Германии защищал средневековый историк мерзебургский епископ Титмар, хроника которого дает бесценную информацию по истории стран Центральной и Восточной Европы начала XI в. Описывая гнезненскую встречу Оттона III и Болеслава Храброго, Титмар с досадой и желчью писал об ее итогах: «Пусть бог простит императору то, что он сделал слугу (т. е. Болеслава.— А. Г.) господином»⁷¹.

Разумеется, восточногерманские феодальные круги не признали

* На подчинение последней германский император только высказывал претензии.

решений гнезненского съезда, а с 1002 г., после того, как королем в Германии стал их представитель Генрих II (1002—1024 гг., с 1014 г.— император), начинают активные антипольские действия, которые в 1003 г. переросли в длительную войну, продолжавшуюся с перерывами до января 1018 г. Война 1003—1018 гг. была столкновением правящих группировок Германии и Польши, и хотя временами носила оборонительный характер со стороны западнославянской страны, в целом ее следует рассматривать как противоборство двух феодальных государств за сферы влияния в Полабском районе.

Занятость гнезненской администрации войной с Германской империей не означала того, что она не проявляла интерес к другим странам. Однако методы внешнеполитического воздействия со стороны Польши носили не традиционный характер. С конца X в. польский князь Болеслав начал активно приглашать католических миссионеров, которых использовал как для дальнейшей христианизации Польши, отпора христианско-идеологическому давлению германских церковных иерархов, так и для решения внешнеполитических задач. Среди церковных деятелей, нашедших теплый прием при гнезненском дворе, следует назвать бывшего пражского епископа Войтеха (Адальберта), епископа Рейнберна Колобжегского, миссийного архиепископа Бруно Кверфуртского, аббата Туни⁷². Деятельность трех последних была тесно связана с событиями на Руси.

В 1856 г. в журнале «Русская беседа» русский историк-славист А. Ф. Гильфердинг опубликовал латинский оригинал и русский перевод письма Бруно Кверфуртского, написанного им в конце 1008 г. и направленного германскому королю Генриху II⁷³. Этот документ, который был фактически первым мемуарным памятником иностранца о Восточной Европе, сразу привлек большое внимание исследователей истории Руси и Польши, так как содержал ценную информацию о прошлом поляков, восточных славян и печенегов. В письме, в частности, сообщалось о прибытии миссии Бруно в Киев, о теплом приеме, оказанном гостям Владимиром, у которого архиепископ гостил на протяжении месяца. Киевский государь, по словам Бруно, отрицательно отнесся к его идее отправиться к печенегам, однако последнему удалось убедить князя дать согласие на путешествие миссионеров к врагам Руси. В ходе посещения кочевников Бруно и его соратникам удалось добиться заключения мира между восточнославянским государством и печенегами⁷⁴.

В домарксистской историографии главное внимание уделялось религиозной деятельности Бруно у восточных славян и печенегов⁷⁵. Более разносторонняя оценка пребывания миссии архиепископа Бруно дана в трудах современных историков-марксистов, хотя следует сразу отметить, что по данному вопросу еще нет единого мнения. Так, А. Грабский, В. Д. Королюк, М. Б. Свердлов, Ю. Ю. Свидерский полагают, что основной целью миссии Бруно была религиозная пропаганда, причем не только у печенегов, но и на Руси⁷⁶. Между тем, эта точка зрения требует значительного разъяснения. Как известно, мировоззрение средневековья носило

религиозный характер, и деятельность людей церкви протекала в русле конфессионального видения мира⁷⁷. Однако даже ярые фанатики занимались политической деятельностью под религиозной оболочкой. Так, очевидно, было и с деятельностью Бруно Кверфуртского. В его письме к Генриху II нет никаких данных о какой-либо религиозной деятельности миссионеров на Руси. Князь Владимир предстает как вполне благочестивый государь-христианин, «могучий своим королевством и богатством». Весьма невелики были и масштабы христианизации у печенегов, где миссионерам удалось окрестить, по словам архиепископа, всего «около тридцати душ»⁷⁸.

Вопрос о политическом аспекте деятельности Бруно Кверфуртского в Восточной Европе, ее влиянии на последующее развитие международных связей Польши и Германии с Русью и печенегами не получил однозначного решения. В. Д. Королук и М. Б. Свердлов предостерегают об опасности преувеличения влияния деятельности Бруно на последующий ход международных связей. Фактически эти авторы отрицают какое-либо воздействие миссии на развитие дипломатических связей европейских стран⁷⁹. Противоположную точку зрения высказывают Н. Н. Ильин, В. Т. Пашуто, Б. Видера и другие авторы, которые справедливо подчеркивают, что с итогами путешествия архиепископа связаны некоторые последующие события международных отношений государств и народов Центральной и Восточной Европы⁸⁰.

Сопоставление содержания письма Бруно Кверфуртского к королю Генриху II с данными других источников позволяет в значительной мере осветить указанную проблему. Из послания, главной целью которого было убедить Генриха заключить мир с польским князем, известно, что миссия на восток была организована в Польше благодаря Болеславу Храброму, который был весьма заинтересован в поездке католического деятеля⁸¹. В литературе отмечается достаточно сложный характер памятника как по языку, так и по содержанию, что во многом связано с его дипломатической направленностью⁸². Действительно, ряд обстоятельств путешествия миссионер вполне сознательно не осветил, видимо, не желая разглашать невыгодную информацию. Прежде всего это касается обстоятельств заключения мирного договора между Русью и печенегами, посредником которого был Бруно Кверфуртский. Автор письма объясняет итог переговоров распространением христианства у печенегов, стремлением последних жить в мире с северными соседями. Но этому противоречит тот факт, что за целых пять месяцев пребывания у кочевников христианство приняло, как выше отмечалось, всего около тридцати человек, к тому же не славяне, а печенеги были инициаторами набегов, для защиты от которых строились укрепления на южных рубежах Руси, о чем также пишет архиепископ⁸³.

Очевидно, печенежские вожди согласились заключить мир по другим причинам. И здесь следует вспомнить, что Бруно был не только крупным религиозным деятелем, но и сторонником Болесла-

ва Храброго — главы государства, юго-восточных рубежей которого достигали маршруты печенегов⁸⁴. Вот почему печенежская знать оказала теплый прием Бруно, которому принадлежала заслуга в установлении контактов между польским двором и кочевниками о чем свидетельствуют последующие события в Восточной Европе. Разумеется, о подобных контактах между Болеславом Храбрым и печенегами Бруно не мог писать в своем послании к Генриху II, в котором он прямо призывал к борьбе христианских государей с язычниками.

Бруно Кверфуртский провел на Руси своеобразный дипломатический зондаж. В ходе путешествия он познакомился с одним из сыновей киевского князя, который после заключения русско-печенежского мира некоторое время находился заложником у кочевников⁸⁵. Исследователи высказали предположение, что им был Святополк, самый старший из живых сыновей Владимира, спустя несколько лет ставший зятем Болеслава Храброго и впоследствии использовавший печенежские орды во внутривосточной борьбе на Руси⁸⁶.

Таким образом, не результатами миссионерской деятельности, а решением важных дипломатических задач был удовлетворен Бруно Кверфуртский, что отразилось в его послании к королю Генриху II. Архиепископ не ставил перед собой цель вернуться к печенегам или направить к ним новую миссию, что было бы естественно, если бы его интересовали только вопросы распространения христианства. Правда, из рассказа миссионера известно, что он посвятил в епископы одного из своих приближенных в период путешествия, однако вряд ли, имея серьезные намерения в отношении христианизации кочевников, Бруно мог серьезно рассчитывать на его помощь. Другие источники не дают информации о существовании у печенегов епископства⁸⁷.

Отмечая важность путешествия Бруно для последующего развития международных связей Польши на востоке, следует, однако, подчеркнуть, что свидетельства источников не позволяют говорить об участии миссионера в развитии официальных отношений Руси и Польши, как полагают некоторые исследователи⁸⁸. Видимо, в задачу Бруно и не входило заключение каких-либо соглашений между двумя славянскими странами. Изменения в русско-польских отношениях произошли не сразу. Нужно подчеркнуть, что деятельность Бруно и его соратников в Восточной Европе, безусловно, способствовала росту внимания к ней как польского, так и германского дворов и активизации дипломатических связей Германии и Польши с Киевом.

Последующая деятельность Бруно Кверфуртского была направлена на осуществление внешнеполитических планов гнезненского двора. В 1009 г. он отправился вместе с 18 спутниками в Пруссию, где погиб 14 апреля от рук язычников. Кведлинбургские анналы и Титмар Мерзебургский отмечают, что миссионер погиб где-то на границе Пруссии и Литвы с Русью⁸⁹. С 983 г. близлежащая к этому району территория, находившаяся под контролем Руси,

была Ятвягия. Можно предположить, что она была объектом экспедиции Бруно. Поздние памятники сообщают о гибели Бруно не в Пруссии, а на Руси, однако многие историки считают эти данные ошибочными⁹⁰. Как справедливо отмечает О. М. Рапов, это смешение двух географических названий было не случайной опiskой, оно отражает внимание Бруно к ятвяжским владениям Руси⁹¹. Отсюда следует вывод о возникновении у Гнезно и Киева общей сферы интересов в Прибалтике. Однако это не дает еще основания утверждать о противостоянии Руси и Польши в ятвяжско-пруссском регионе⁹².

В мае 1013 г. в Мерзебурге был подписан мир между Польшей и Германией. «После этих событий,— пишет саксонский хронист Титмар Мерзебургский,— отправился Болеслав на Русь, причем наше войско (саксонцев.— А. Г.) поддерживало его в этом походе. Там опустошил большую область страны, а когда начались распри между его войсками и печенегами, приказал перебить их полностью, хотя те и были его союзниками»⁹³. Нападение польско-печенежского войска произошло в августе—сентябре 1013 г.⁹⁴ и, очевидно, было заранее запланировано польским князем, и только продолжавшаяся война с Германией не позволила Болеславу осуществить свой замысел. Поход на Русь был осуществлен сразу после подписания мира в Мерзебурге, одним из условий которого было оказание военной помощи немецких рыцарей польскому двору против Руси.

Польские феодалы стремились расширить границы Польши, в первую очередь за счет прилегавших к ней «Червенских градов»⁹⁵. Выше уже отмечалось, что этот район, через который проходил важный торговый путь из Центральной Европы на Русь и где проживало, наряду с основным восточнославянским населением, определенное количество «ляхов» (лендзян), в конце X в. был источником осложнений в политических отношениях двух славянских стран. После возвращения его к Руси киевский князь проводил политику укрепления западных рубежей страны, организовал строительство в Побужье новых крепостей-«градов»⁹⁶. Добившись прекращения военных действий на западе, польский двор вновь проявил интерес к этому району, организовал поход на Русь, воспользовавшись русско-печенежскими противоречиями. Кочевники к началу второго десятилетия XI в., видимо, уже нарушили мирный договор с Киевом, о чем свидетельствуют не только их участие в походе Болеслава, но и возвращение сына Владимира на Русь из степи, где он был, как мы выше писали, заложником—гарантом мира кочевников и восточных славян⁹⁷.

Для изучения русско-польских отношений в первой половине 10-х годов XI в. существенное значение имеет правильное установление даты оформления брака дочери Болеслава Храброго и Святополка. Известие об этом династическом союзе содержится в IV книге хроники Титмара Мерзебургского, причем помещено до рассказа о походе польского и печенежского войск на Русь в 1013 г.⁹⁸

Немецкий историк первой половины XIX в. Р. Репель предположил, что брак был заключен до начала похода 1013 г., то есть изложил события в той же последовательности, как и хроника мерзебургского епископа⁹⁹. В принципе недоказанное мнение немецкого ученого стало аксиомой в историографии. Дискутировался лишь вопрос о конкретной дате брака, который авторы относили к довольно широкому хронологическому отрезку от 992 г. до 1012 г.¹⁰⁰ Сам же поход Болеслава часто представляется как месть польского князя за последовавший вскоре после брака арест Святополка, его жены и приближенного—бывшего колобжегского епископа Рейнберна, который был послан Болеславом на Русь в качестве духовника дочери, а фактически, видимо, выполнявший обязанности советника туrowsкого князя¹⁰¹.

Противоположную точку зрения о датировке брака высказал М. Б. Свердлов, который провел специальный текстологический анализ хроники Титмара Мерзебургского, показал хронологическую непоследовательность подачи материала в этом произведении, доказал, что брак между дочерью Болеслава и Святополком был заключен после 1013 г.¹⁰²

Мнение М. Б. Свердлова подтверждают данные хроники анонимного немецкого автора XII в., условно называемого в литературе «Саксонский анналист». Русско-польские отношения в этой хронике описаны под влиянием труда Титмара Мерзебургского, однако его продолжатель избежал хронологической непоследовательности произведения мерзебургского епископа, объединив все известия в два логически и хронологически связанных рассказа. В первом из них, посвященном событиям 1013 г., последовательно описываются съезд в Мерзебурге, где встретились Генрих II и Болеслав, поход польских и печенежских отрядов на Русь, брак сына Владимира и дочери Болеслава, деятельность Рейнберна Колобжегского на Руси. В начале второго рассказа, в котором повествуется о походе войска Болеслава Храброго на Киев летом 1018 г., «Саксонский анналист» повторяет сюжеты о браке Святополка и Болеславны, о деятельности Рейнберна, а затем сообщает о смерти Владимира (1015 г.), о разделе наследства князя между его двумя сыновьями и о бегстве третьего в Польшу¹⁰³.

Польско-печенежская акция закончилась неудачей из-за столкновения между союзниками, однако этот конфликт не привел к разрыву антирусского союза. К сожалению, данные источников ничего не говорят о реакции киевского правительства на нападение¹⁰⁴, хотя представляется вполне вероятным предположение Б. Д. Грекова о том, что провал планов Болеслава на востоке был связан с какими-то ответными действиями киевского двора¹⁰⁵.

После возвращения из похода на Русь польский князь прекратил подготовку новых военных акций против восточного соседа, но от планов вмешательства в дела восточнославянского государства не отказался. В конце 1013—первой половине 1014 г. был заключен matrimonialный союз Святополка и дочери Болеслава, который формально означал восстановление нормальных отношений

между двумя государствами. Однако фактически был использован польским князем для вербовки сторонников на Руси. Выше отмечалось, что контакты с молодым русским князем были установлены еще во времена миссии Бруно. Болеславу было выгодно недовольство Святополка отцом, которое, вероятно, объяснялось отказом киевского князя видеть в нем своего наследника. Польского князя также прельщало расположение его удела Туровского княжества по соседству с Польшей¹⁰⁶. Вместе с польской княжной на Русь прибыл Рейнберн, имевший большой дипломатический опыт. Оценивая деятельность епископа на Руси, некоторые ученые полагают, что он пытался пропагандировать среди восточных славян католицизм¹⁰⁷. Они основываются на следующем упоминании Титмара: «Уничтожал и палил (Рейнберн.— А. Г.) святыни с изваяниями идолов и очистил море, населенное злыми духами, бросив в него четыре камня, помазанные святым елеем, окропленные святой водой»¹⁰⁸. Однако, как видно из приведенного отрывка, речь в нем идет о борьбе духовника с язычеством, к тому же, очевидно, в Поморье¹⁰⁹.

В хронике Титмара Мерзебургского содержится информация о том, что Рейнберн принимал активное участие в политической деятельности на Руси, был сообщником Святополка в его конфликте с киевским князем. В связи с этим в 1014 г. Владимир, согласно данным саксонского хрониста, «приказал схватить своего сына вместе с женой и епископом, когда узнал, что тот по наущению Болеслава тайно готовит против него заговор»¹¹⁰. Речь, очевидно, шла не о попытке захватить власть в Киеве, а о стремлении туровского князя отделиться от Руси, используя при этом помощь Польши¹¹¹. В 1014 г. аналогичную попытку предпринял в Новгороде Ярослав Владимирович. Новгородский князь активно использовал для борьбы против Киева варяжские отряды, а в 1015 г. для укрепления контактов со Скандинавией женился на дочери шведского короля Олафа Ингигерде¹¹².

Заточение польской княжны, Святополка и Рейнберна не могло не встревожить польского князя. «Когда Болеслав узнал обо всем этом,— пишет мерзебургский хронист,— то захотел мести (Владимиру.— А. Г.), на какую только можно было пойти в то время»¹¹³. Но оказать прямое военное и политическое давление польский князь не имел возможности сначала из-за ареста сына Мешко в Чехии (1014 г.), а затем вследствие начавшейся в мае 1015 г. третьей войны Польши с Германией¹¹⁴. Что касается мести Болеслава Владимиру, то можно предположить, что польский князь осуществил свои планы с помощью традиционных союзников Польши начала XI в.— печенегов. Именно в конце 1014 — начале 1015 г. кочевники, по данным «Повести временных лет», совершают нападения на Русь¹¹⁵. Учитывая возможность восстановления контактов между Польшей и ее степными союзниками, можно предположить, что обострение отношений между печенегами и Русью произошло не без участия польского монарха.

В июле 1015 г. в Берестове скончался князь Руси Владимир Святославич. Слабость экономических и политических связей между отдельными древнерусскими землями стала объективной причиной вспыхнувшей междоусобной войны между многочисленными наследниками умершего правителя страны. Развязыванию борьбы за столичный град Руси благоприятствовало отсутствие четкой системы престолонаследия и завещания Владимира. О политических событиях 1015—1017 гг. рассказывают древнерусские летописи, хроника Титмара Мерзебургского и скандинавская сага об Эймунде, причем свидетельства этих источников не однозначны по содержанию. По данным летописей, после смерти Владимира главным князем Руси становится Святополк, который убил своих соперников в борьбе за власть — Бориса, Глеба и Святослава, а затем в 1016 г., потерпев поражение от новгородского князя Ярослава, бежал в Польшу к Болеславу Храброму¹¹⁶. Титмар сообщает о бегстве зятя Болеслава в Польшу сразу же после смерти Владимира и о разделе наследства между двумя другими братьями. В последующем хронист называет одного из них — Ярослава¹¹⁷. В скандинавской саге об Эймунде подробно повествуется об участии викингов в борьбе между потомками Вальдемара (Владимира) Ярицлейвом (Ярославом) и Буриславом, но ничего — о Святополке¹¹⁸. Уже во второй половине XIX в. в исследованиях Ф. Я. Фортинского и И. А. Линниченко отмечается противоречие между данными саксонской хроники и материалом русских летописей, однако эти историки, как и большинство последующих исследователей, отдали предпочтение летописным свидетельствам¹¹⁹. В 20-х годах XX в. украинский историк и археолог В. Ляскоронский отметил тенденциозность летописных известий 1015—1017 гг. и обратил внимание на значительно большую по сравнению с ними достоверность хроники Титмара¹²⁰. В то же время А. И. Лященко анализирует свидетельства о Руси из «Саги об Эймунде», сравнивая ее данные с летописными текстами. Находясь под влиянием последних, автор механически увязывает различные по содержанию свидетельства скандинавского памятника и «Повести временных лет». В частности, ученый высказал сомнительное предположение о том, что «Бурислав» саги — это Святополк¹²¹.

В 1957 г. в источниковедческой работе Н. Н. Ильина о летописных известиях, посвященных Борису и Глебу, был сделан вывод, что эти известия появились в 70-х годах XI в. под влиянием церковных житий о князьях-«святых». Это означало, что материал летописных сообщений 1015—1017 гг. не может быть использован как основной источник по истории Руси начала XI в. без глубокого его анализа и сопоставления с другими свидетельствами. В книге Н. Н. Ильина было высказано предположение о том, что Борис погиб от рук варягов, подосланных Ярославом¹²².

Мнение Н. Н. Ильина поддержал польский ученый А. Грабский¹²³. Б. А. Рыбаков в многочисленных трудах по истории Древнерусского государства, освещая события 1015—1017 гг., излагает две версии убийства сыновей Владимира, не оказывая пред-

почтения ни одной из них¹²⁴. М. Х. Алешковский также отметил противоречия в изложении событий 1015—1017 гг. в различных источниках и подчеркнул необходимость дальнейшего изучения вопроса¹²⁵.

К сожалению, в большинстве современных исследований точка зрения Н. Н. Ильина не получила сколько-нибудь серьезной поддержки¹²⁶. В то же время предпринята попытка обосновать достоверность летописной версии изложения событий. Так, О. М. Рапов на основании правильного указания в летописи дней недели убийств Бориса (воскресенье 24 июня 1015 г.) и Глеба (понедельник 5 сентября 1015 г.) считает, что текст сказания «является очень древним памятником»¹²⁷. Однако летописцу-монаху не составляло большого труда установить любой день недели события спустя многие десятилетия на основании пасхальных таблиц.

А. В. Назаренко вообще не вступает в полемику с Н. Н. Ильиным, а предпочитает трактовать события в основном по летописи. Автор считает сомнительной информацию Титмара о бегстве Святополка в Польшу в 1015 г., так как она не объясняет, почему Болеслав начал борьбу с противниками своего зятя только в 1017 г., а не раньше. По мнению А. В. Назаренко, в 1015—1016 гг. были более благоприятные условия для похода на Русь¹²⁸. Автор не учитывает того факта, что война с Германией была основной задачей во внешнеполитической деятельности Польского раннефеодального государства, и только успехи в ней позволили гнезненскому двору переключиться на решение других международных проблем. Для активного вмешательства в дела Руси важно было создание благоприятных для Болеслава условий в восточнославянских землях летом 1017 г., когда война наследников Владимира вступила в новую фазу.

При освещении истории Руси 1015—1017 гг., в том числе ее отношений с Польшей, необходимо критически изучать все сохранившиеся источники. Согласно данным Титмара Мерзебургского, как выше отмечалось, на Руси правили два брата, разделившие власть после Владимира¹²⁹. «Сага об Эймунде» указывает, что на Руси во второй половине 1015 г.* развернулось противоборство между двумя «конунгами» «Буриславом», князем «Кёнугарда» (Киева), и «Ярицлейвом», князем «Хольмгарда» (Новгорода)¹³⁰. Если абстрагироваться от житийных напластований в летописной статье под 1015 г. и учесть информацию Титмара о бегстве Святополка в Польшу, данные древнерусского памятника также свидетельствуют о том, что именно Борис, вызванный незадолго до смерти Владимиром Святославичем из Суздаля, был главным претендентом на киевский трон. В его подчинении была дружина Владимира, он возглавлял борьбу с сепаратизмом Новгорода и оборону южных рубежей Руси от кочевников¹³¹.

* Датировка событий устанавливается на основании сопоставления сведений памятника с летописями и другими источниками.

В летописи не сообщается ничего конкретного о столкновениях древнерусской дружины, возглавляемой Борисом, с кочевниками. Данное обстоятельство весьма важно, так как из «Саги об Эймунде» известно, что где-то на рубеже 1016—1017 г. новый киевский князь вступил в союз с «бьярмийцами» (печенегами). Это подтверждают также сравнительный анализ событий 1017 г. в летописи, хронике Титмара и «Саге об Эймунде» и упоминание в скандинавском источнике топонима «Тюркланд» (тюркские племена Северного Причерноморья)¹³². Каким образом Борису удалось установить союзнические отношения с кочевниками, против которых он летом 1015 г. должен был вести военные действия? Сопоставление информации в саге о событиях в 1017 г.— о совместном нападении Бориса и «бьярмийцев» на Киев («Кёнугард»), откуда князь был изгнан Ярославом,— и хроники мерзебургского епископа помогает в определенной степени осветить эту проблему. «Очень сильный город Киев,— рассказывает средневековый автор,— стал по наущению Болеслава жертвой постоянных набегов со стороны враждебных печенегов и понес большие потери вследствие пожаров»¹³³. Видимо, Болеслав Храбрый рассчитывал на поддержку одного из главных претендентов на киевский стол. Союзнические отношения князя Бориса с кочевниками сложились в тот момент, когда этот князь утратил власть в Киеве и местом его обитания стали земли, пограничные со степью, вероятнее всего, Переяславская волость Ростовского наместничества-княжества. Поддержка киевской верхушкой сначала Бориса, а затем Святополка свидетельствует о том, что эти союзники Болеслава на Руси не вели в 1015—1017 гг. борьбу друг с другом¹³⁴.

Летом 1017 г. Ярославу удалось отбить нападение противника на Киев, а несколько позже Борис погиб от рук варягов, подосланных новым киевским князем¹³⁵. В результате достигнутых успехов Ярославу удалось взять под контроль большинство древнерусских земель, хотя на местах еще сохраняли власть сыновья Владимира — Брячислав, Мстислав и другие, которые не признавали верховенство главного правителя Руси.

Зная о враждебных планах польского двора, Ярослав заключает союз с Германией о совместных действиях против Польши. В октябре 1017 г., согласно данным Титмара, «император узнал о том, что король Русов (Ярослав.— А. Г.) напал на Болеслава, как ему было обещано через посла (т. е. речь идет о предварительной договоренности Руси и Германии.— А. Г.), захватил один город, однако больше ничего не сделал»¹³⁶. Из новгородской летописи известно название этого города: «В лето 6523 (1017 г.— А. Г.) Ярослав иде к Берестью»¹³⁷. Удержать завоеванный поляками в 1013 г. город Ярославу, видимо, не удалось. Однако нападение русской дружины серьезно обеспокоило князя Болеслава. Польский монарх в конце 1017 — начале 1018 г. предпринял попытку заключить соглашение с Ярославом — предлагает оформить династический союз, взяв в жены сестру древнерусского князя Предславу¹³⁸.

Переговоры между киевским и гнезненским князьями закончи-

лись безрезультатно. Сложно предположить причины их срыва. Вполне возможно, что Ярослав опасался, что матримониальный союз с Польшей не станет гарантом невмешательства гнезненской администрации в дела киевского князя, а будет использован против него, так как при дворе Болеслава Храброго находился еще один претендент на великокняжеский стол — Святополк.

Отказ киевского князя во многом способствовал тому, что польское правительство установило контакты с Германией и форсировало подготовку к походу на Русь. В январе 1018 г. в городе Будишине (район Лужиц) состоялись переговоры между Генрихом II и Болеславом Храбрым¹³⁹. Германия, видимо, в то время нуждалась в прекращении военных действий с Польшей. С. Закжевский, А. Грабский, В. Т. Пашуто высказали мнение о том, что особый интерес у германских феодалов вызвала идея похода польского войска на Русь, так как в данный период Византия активно использовала в Италии русский военный корпус против союзников Германии¹⁴⁰. По подписанному 30 января 1018 г. договору Генрих II согласился передать Польше Лужицы и выделил Болеславу вспомогательный отряд из 300 воинов для участия в кампании на Востоке. Он же, вероятно, помог польскому двору привлечь к походу на Русь 500 венгерских рыцарей¹⁴¹. Будишинский договор положил конец кровопролитной пятнадцатилетней войне Польши и Германии. Этим же соглашением фактически был разорван русско-германский союз против Польши, что открыло перед Болеславом Храбрым и его окружением широкие возможности для вмешательства в дела восточнославянского государства.

3. Киевский поход Болеслава Храброго (1018 г.) и его итоги

Продолжавшийся около трех месяцев (с июля по сентябрь 1018 г.) поход польско-немецко-венгерского войска Болеслава I Храброго на Русь занимает особое место как в истории отношений Древней Руси и Польши, так и в историографии. 1018 г. был кульминацией внутрифеодальной войны на Руси, на ход которой, кроме собственно Польши, оказали значительное воздействие скандинавские, германские, печенежские, венгерские и, вероятно, византийские правящие круги. В ходе полной драматизма борьбы определилось преимущество лагеря сторонников князя Ярослава Владимировича — восточнославянского правителя, с именем которого связаны последующие успехи Древнерусского государства¹⁴².

Важно подчеркнуть, что первая специальная работа по истории отношений Древней Руси и Польши — книга И. Карловича «Киевский поход Болеслава Великого», написанная в 60-х годах XIX в., — была посвящена выяснению роли войск польского князя в борьбе наследников Владимира¹⁴³. В то же время исследование польского ученого не было первым историческим трудом, в котором предпринималась попытка дать обстоятельный, критический анализ источников. Еще в XVII в. автор Густынской летописи, сопоставив сведе-

ния хроник польских авторов с материалами древнерусских летописей, отметил противоречивость и тенденциозность изложения в источниках итогов похода польского князя на Русь¹⁴⁴. Однако ни в данном труде, ни в сочинениях последующих авторов XVIII—XIX вв., в том числе И. Карловича, ни в исследованиях современных ученых история похода польского войска в 1018 г. на Русь еще не получила в полной мере всестороннего, обстоятельного изучения¹⁴⁵.

Наиболее подробно освещены события 1018 г. в «Повести временных лет», хрониках Титмара Мерзебургского и Галла Анонима¹⁴⁶. Сравнительный анализ данных показывает, что свидетельства первых двух из них в целом совпадают по содержанию. Титмар почерпнул информацию о событиях на Руси у непосредственных их участников — саксонских рыцарей, побывавших в Киеве в составе войска Болеслава. Автор летописной статьи под 1018 г. весьма достоверен. Указанным источникам в плане объективности передачи фактов серьезно уступает хроника Галла Анонима, написанная в начале XII в. Материал о восточном предприятии Болеслава I изложен с тенденциозных позиций на основе фольклорных преданий польского рыцарства. Однако, характеризуя этот источник, необходимо отметить, что ряд фактов, описанных Галлом, подтверждаются другими памятниками.

Ко второму походу на Русь польский князь готовился всю первую половину 1018 г. К нему присоединились союзники — немецкие и венгерские рыцари, был скоординирован план нападения с печенежскими ханами, орды которых должны были летом совершить вторжение в южнорусские земли и подойти к Киеву¹⁴⁷.

Завершив подготовку к войне, в июле 1018 г. войско Болеслава Храброго перешло границу и вступило в пределы Древнерусского государства. Источники не дают информации о численности армии польского князя. Можно предположить, что в ней было 3—5 тыс. человек*. Летом 1018 г., по сообщению саксонского хрониста, против Ярослава и его сторонников начали военные действия печенеги, тысячная орда которых вторглась в южные районы Руси¹⁴⁸. Вместе с польским войском в походе принял активное участие и зять Болеслава, Святополк, который, очевидно, получил военную поддержку своих сторонников. Последние составили позже довольно мощный военный контингент, уступивший дружине Ярослава лишь в итоге ожесточенной битвы на Альте зимой 1019 г.

Ярослав Владимирович, очевидно, хорошо знал о готовившемся нападении. Его войска находились на Волыни в момент перехода польскими войсками границы. 22 июля 1018 г. во время форсирования армией Болеслава реки Буг в районе города Волыня между противоборствующими сторонами произошло сражение, в результате которого польский князь и его союзник Святополк одержали

* Титмар указывает численность венгерских и немецких союзников Болеслава (соответственно 500 и 300 воинов), а ибн-Якуб приводит данные о том, что отец польского князя, Мешко I, имел дружину из 3 тыс. человек.

победу¹⁴⁹. О масштабах неудачи Ярослава свидетельствуют не только факт уничтожения большей части его войска, а также отказ князя защищать недавно отвоеванный им Киев¹⁵⁰, но и то, что он, не чувствуя спокойствия даже в своем наместничестве — Новгородской земле, хотел отправиться в Скандинавию к родственникам жены. Только вмешательство новгородской верхушки, желавшей продолжения борьбы и оказавшей князю значительную помощь, заставило Ярослава отказаться от первоначальных планов¹⁵¹.

Неудача князя Ярослава в значительной мере была обусловлена наличием серьезного противника на севере Руси. Титмар сообщает, что накануне столкновения на Буге Ярослав захватил у своего брата какой-то город¹⁵². Ясно, что этим городом не мог быть хорошо знакомый мерзебургскому хронисту Киев и, разумеется, что этим братом не мог быть ни известный немецкому автору Святополк, ни убитый до 1018 г. Борис. Вопрос о противнике Ярослава помогает решить сага об Эймунде, в которой рассказано о переходе зимой 1017/18 г. крупной варяжской дружины от Ярослава к Брячиславу и нападении полоцкого князя на Новгородскую землю¹⁵³. Разумеется, в такой ситуации значительная часть новгородцев вряд ли изъявляла большое желание участвовать в военных действиях на юге Руси. Этим объясняются причины ослабления войска Ярослава и ухудшения его позиций накануне прихода на Русь Болеслава и Святополка. О напряженных отношениях Полоцка и Новгорода в 1018 г. свидетельствует летописная статья под 1021 г., повествующая о завершающей стадии конфликта Ярослава и Брячислава¹⁵⁴. Неудача дружины Ярослава на Буге вызвала обеспокоенность новгородской верхушки, которая в относительно короткие сроки оказала крупную помощь своему князю для восстановления и вооружения нового войска.

После победы над Ярославом армия Болеслава и Святополка беспрепятственно прошла по территории южной Руси около 500 километров и спустя три недели подошла к Киеву¹⁵⁵. Титмар Мерзебургский в восторженных тонах описал прибытие в столицу Руси польского войска, преувеличив заслуги саксонских воинов. «Оставленный своим бежавшим королем (Киев.— А. Г.) 14 августа принял Болеслава и давно изгнанного Святополка, который подчинил себе весь край, используя страх перед нашими (т. е. саксонцами.— А. Г.). Здешний архиепископ торжественно встретил прибывших с реликвиями святых и прочими украшениями с разнообразным великолепием в монастыре святой Софии, который из-за несчастного случая сгорел в прошлом году»¹⁵⁶. В литературе слова Титмара «in sancte monasterio Sophiae» обычно переводятся как «в монастыре св. Софии»¹⁵⁷, однако исследователь истории древнерусской церкви польский историк А. Поппэ на основании того, что в действительности такого монастыря никогда не существовало, переводит слова саксонского автора «в святом кафедральном соборе Софии»¹⁵⁸. Такой весьма вольный перевод источника не может не вызвать возражений, на что справедливо обратил внимание С. А. Высоцкий¹⁵⁹. Известие германского хрониста касалось

резиденции киевского митрополита, которая располагалась вне городской черты и была окружена крепостными укреплениями. Передавшие Титмару информацию о Софии саксонские воины восприняли сожженный собор, дом митрополита, другие постройки, окруженные рвом, валом и стеной, как загородный монастырь, что было характерным явлением для жителей средневековой Германии¹⁶⁰.

Анализ данных саксонского епископа и других источников заставляет усомниться в часто повторяющемся в литературе мнении, что Святополк в событиях 1018 г. был чуть ли не марионеткой в руках польского князя, который якобы хотел подчинить своей власти Русь¹⁶¹. Без поддержки Болеслава киевской верхушкой, которая стала возможной только благодаря тому, что князь был союзником Святополка, вряд ли польской армии удалось так легко, практически без сопротивления, занять Киев — город, который за год до описываемых событий выдержал тяжелейшее нападение кочевников¹⁶². По словам саксонского автора, именно Святополк принял решение отпустить польских союзников — печенегов, венгров, саксонцев — домой («всех этих людей отослал тамошний правитель (Святополк.— А. Г.) домой, когда мог с радостью убедиться, что жители страны хорошо относятся к нему и верность свою проявляют») ¹⁶³. Этот шаг был сделан, чтобы избежать возможных столкновений иностранцев с местным населением, и свидетельствовал об относительно спокойной обстановке в Киеве в первые дни пребывания в нем иностранного войска. Не выглядел древнерусский князь безынициативным и слабым и в последующих событиях, когда его покинула польская армия. Несмотря на уход вместе с Болеславом значительной части столичной знати, среди которой были и его сторонники, Святополк имел зимой 1018/19 г. крупные военные силы, которые войску его противника Ярослава, как выше отмечалось, удалось разгромить с большим трудом¹⁶⁴.

Занятием Киева завершился первый этап пребывания польского войска Болеслава Храброго на Руси. Но в дальнейшем польский князь не стремился вести войну с Ярославом Владимировичем. Более того, по данным Титмара, польский князь послал в Новгород авторитетное посольство во главе с лидером киевской знати и главой русской церкви митрополитом Иоанном. Одновременно Болеслав направляет послов в Германскую и Византийскую империи — своеобразный дипломатический демарш с целью подчеркнуть могущество польского князя и его государства¹⁶⁵. Накануне, как мы уже знаем, были распущены по домам союзнические отряды. Эти акции не были вызваны желанием Болеслава раздробить Русь на уделы, как это представляется В. Д. Королюком, С. Закжевским и другими авторами¹⁶⁶, а объясняются тем, что во второй половине августа — первой половине сентября 1018 г. польский князь столкнулся с перспективой затяжной войны, для которой у него не было ни материальных, ни людских ресурсов. Положение союзника Святополка на Руси усложнялось тем, что в самой Польше, как это было установлено В. Д. Королюком, в то время обострилась внутрисполитическая борьба¹⁶⁷. Посольство митрополита Иоанна в

таких условиях не требовало, вероятно, каких-либо значительных уступок от новгородского князя. Однако оно не добилось положительных результатов.

Ярослав, получив поддержку от новгородцев, стремился к единой державной власти на Руси, в связи с чем усиленно готовился к продолжению борьбы с противниками, но с польскими полками ему столкнуться уже не пришлось. Сразу после возвращения Иоанна Болеслав покинул своего союзника, разграбил Киев и вернулся домой, захватив «Червенские грады». Поздняя Устюжская летопись, сохранившая ряд оригинальных свидетельств, сообщает, что Болеслав находился в Киеве один месяц. Эта информация полностью совпадает с представлениями современной науки об уходе польского войска из Киева в сентябре 1018 г.¹⁶⁸ Вполне возможно, что в момент оставления города польским войском между ним и сторонниками Святополка произошли какие-то столкновения¹⁶⁹. Но массового, организованного выступления против иностранцев, закончившегося разгромом польской армии, в Киеве, очевидно, не было¹⁷⁰. Польский князь, захватив богатую добычу и довольно значительное число пленных, беспрепятственно покинул древнерусскую столицу.

Поход на Киев не дал гнезненскому двору желанного результата. Основная цель нападения на Русь — посадить в Киеве выгодного Польше правителя — не была достигнута, польские воины фактически отказались поддерживать Святополка. Учитывая большое количество пленных, которых увел Болеслав в Польшу (в 40-х годах XI в., по договору Ярослава с польским князем Казимиром, на Русь вернулось 800 человек), можно предположить, что не все они только под принуждением присоединились к польскому монарху. Видимо, в русском лагере Святополка произошел раскол, и часть его сторонников во главе с ктиторм церквы Богородицы (Десятинной) греком Анастасием перешла на сторону Болеслава Храброго. Это обстоятельство, а также недовольство простого люда столицы Руси постоем польских воинов, а затем разорением ими города вызвали ослабление группировки Святополка, который на следующий год в решающем сражении потерпел неудачу от Ярослава Владимировича и погиб при неизвестных обстоятельствах¹⁷¹.

Следует особое внимание обратить на сведения «Повести временных лет». Тщательный анализ данных летописи, их сопоставление с другими источниками привели историков к выводу о достоверности изложения в ней рассматриваемых событий¹⁷². Важно проследить причины появления летописной статьи под 1018 г. В отличие от обычных летописных сообщений, она довольно обширна и подробна. Заинтересованность автора «Повести временных лет» в привлечении материала о событиях 1018 г. объясняется, по-видимому, не желанием подробно описать поход Болеслава, а тесной связью последнего с рассказом об убиении Бориса и Глеба. Сравнительное изучение летописной статьи под 1018 г. с данными хроник Титмара Мерзебургского, Галла Анонима и других источников позволило утверждать, что она (а точнее, положенный в ее основу

рассказ) была составлена по свежим следам событий. Очевидно, сюжет о противоборстве Святополка и Ярослава был включен в официальную летопись вместе с рассказом, возникшим под влиянием сказания об убиении Бориса и Глеба, и должен был служить той же цели прославления братьев-мучеников и осуждения Святополка. Предположение о позднем включении сюжета о походе 1018 г. в «Повесть временных лет» подтверждается его отсутствием в Новгородской первой летописи, важнейшем древнерусском источнике, сохранившем известие о походе русской дружины Ярослава на Берестье, о котором сообщает и Титмар Мерзебургский¹⁷³.

При внесении в «Повесть временных лет» (а точнее, в предшествующий этому памятнику киевский свод 70-х годов XI в.) рассказ о походе Болеслава Храброго был несколько сокращен, о чем свидетельствует наличие в некоторых летописных сводах подробностей первоначального рассказа, не отраженных в «Повести временных лет», но совпадающих с данными иностранных источников. Например, Новгородская четвертая летопись сообщает ряд деталей о победе Болеслава на Буге и захвате там большой военной добычи, о насилии польского князя над сестрой Ярослава Предславой, дочерью Владимира Святославича, что подтверждается данными Титмара Мерзебургского и Галла Анонима¹⁷⁴.

Первоначально сюжет о событиях 1018 г. был написан, видимо, человеком, настроенным оппозиционно к Ярославу. Б. А. Рыбаков полагает, что автор был новгородцем¹⁷⁵. Позиция рассказчика подтверждается фактом его благосклонного отношения к Болеславу Храброму («но бяше смыслен»). Он не скрывает теневых сторон деятельности Ярослава (при описании попытки новгородского князя убежать из Новгорода)¹⁷⁶. Элементы этого рассказа мы находим в летописном известии под 1016 г. о битве между Святополком и Ярославом, которую Н. Н. Ильин и В. Д. Королюк справедливо относят к 1019 г.¹⁷⁷ (в 1016 г. Святополк находился в Польше и не мог воевать с Ярославом¹⁷⁸). В новгородской летописи упоминается иное место бегства Святополка после битвы с Ярославом якобы в 1016 г. По данным этого источника, он бежал не в Польшу, а к печенегам, что соответствует материалу «Повести временных лет» о событиях 1019 г.¹⁷⁹

Сравнительный анализ источников позволяет сделать вывод о том, что рассказ о событиях 1018—1019 гг., положенный в основу одновременного летописного текста, — одно из многих произведений о внутривосточных конфликтах на Руси в древнерусской литературе. Отголоски этих произведений можно найти не только в «Повести временных лет», но и в материалах Патерика Киево-Печерского монастыря, и на страницах Тверской летописи¹⁸⁰.

Изучение летописной статьи под 1018 г. вызвало многочисленные споры исследователей по поводу ее заключительной части. «Повесть временных лет» сообщает: «Болеслав же бе Киеве седя, оканьный же Святополк рече: «Елико же ляхов по городом, избивайте я». И избиваша ляхы. Болеслав же побеже ис Киева, взяма именье и бояры Ярославле и сестре его, Настаса пристави Деся-

тиньного ко имению, бе бо ся ему вверил лестью. И людей множество веде с собою, и города червеньскыя зая себе, и приде в свою землю»¹⁸¹. На основании этого известия многие историки делают вывод о массовом выступлении в Киеве против иностранцев, разгроме и бегстве армии Болеслава¹⁸². Однако, как отметили исследователи древнерусского летописания А. А. Шахматов, Н. Н. Ильин и другие, данное летописное упоминание противоречит факту захвата массовой добычи и разграбления столицы Руси¹⁸³. Разделяя мнение этих ученых, автор считает, что в крайнем случае можно признать наличие локальных стычек, видимо, инспирированных Святополком, которые не привели к фатальным последствиям для войска Болеслава. Сообщения других источников как отечественных (рассказ о Моисее Угрине из Патерика Киево-Печерского монастыря), так и иностранных (хроник Титмара, Галла Анонима и др.) вообще не дают сведений о каких-либо конфликтах в Киеве¹⁸⁴. Все это свидетельствует о редактировании заключительной части летописной статьи под 1018 г. во время включения в летопись рассказов об убиении Бориса и Глеба и о походе Болеслава на Киев. Это редактирование было произведено для того, чтобы идейно связать статьи 1015—1019 гг., и было осуществлено (как полагают многие ученые, под влиянием событий 1069 г.¹⁸⁵) около 1072 г., когда были канонизированы Борис и Глеб.

Анализ летописной статьи под 1018 г. приводит к выводу, что не восстание киевлян было причиной спешного возвращения польских воинов домой. Вспыхнувший в конце 10-х годов XI в. внутриполитический кризис в Польше на многие годы заставил польское правительство отказаться от активного внешнеполитического курса. Именно этим следует объяснить отсутствие сведений в источниках о каких-либо акциях польской стороны на завершающем этапе конфликта Ярослава и Святополка.

4. Развитие политических связей Руси и Польши в 20-х — первой половине 30-х годов XI в.

20-е годы XI в. в социально-политической жизни Руси и Польши характеризовались эволюцией политических процессов предыдущего десятилетия. Однако если в Древнерусском государстве в силу закономерного развития общества период кризиса постепенно сменился временем относительной нормализации обстановки, то в Польше внутренние и внешнеполитические сложности приводят к обратному результату, что в конечном итоге проявилось в значительных социальных потрясениях середины и второй половины 30-х годов XI в.

Киевский поход Болеслава Храброго закончился вынужденным уходом войска польских феодалов из русских земель. Болеслав не добился утверждения на Руси зависимого от Гнезно правителя; его политические планы в восточнославянских делах, несмотря на захват добычи и присоединение «Червенских градов», не были реализованы. Последующая после ухода польского войска победа Яро-

слава в войне со Святополком, возвращение первого из них на киевский стол (1019 г.) рано или поздно должны были поставить вопрос о разрешении межгосударственных противоречий с западным соседом. Польский историк М. Счанецкий, подводя итоги кампании 1018 г., полагает, что вскоре после ее завершения русско-польские отношения нормализовались¹⁸⁶. Однако конкретные факты противоречат этому выводу. Отсутствие мирного договора, захват восточнославянской территории, увод в Польшу большого количества русских пленных, среди которых были представители великокняжеской и боярских семей, создавали устойчивые условия для сохранения напряженных отношений между двумя державами. Правда, источники 20-х годов XI в. почти не сообщают о каких-то конфликтах между соседними странами, но это обстоятельство было вызвано внутренней обстановкой как в Польше, так и на Руси. В Польском государстве, как это установил В. Д. Королюк, после возвращения Болеслава и до середины 30-х годов XI в. продолжались конфликты светской и духовной власти¹⁸⁷. Приблизительно до того же времени на Руси велись феодальные усобицы киевского князя Ярослава Владимировича со своими главными соперниками: полоцким князем Брячиславом Изяславичем и тму-тараканским — Мстиславом Владимировичем. Борьба с противниками не всегда в полной мере была удачной для Ярослава. Киевский князь в 1021 г. был вынужден передать Брячиславу два города и, видимо, согласился на автономию его княжества в составе восточнославянской конфедерации¹⁸⁸. Более длительное сопротивление верховного князя Руси с Мстиславом закончилось поражением киевской дружины у г. Листвена. Эта неудача Ярослава в определенной мере была обусловлена тем, что он, вероятно, не имея достаточной опоры среди жителей столицы Руси, был вынужден искать постоянную поддержку в Новгороде и у варягов. После Лиственской битвы, несмотря на то, что Мстислав не претендовал на Киев, Ярослав предпочел два года прожить в Новгороде, а в Киеве — держать наместников¹⁸⁹.

При изучении конкретных фактов русско-польских отношений того времени определенные споры в литературе вызывает трактовка летописной статьи под 1022 г. «Повести временных лет» о походе дружины Ярослава Владимировича на русско-польскую границу к городу Берестью: «Приде Ярослав к Берестию»¹⁹⁰. На основании этого упоминания учеными часто делается вывод о русско-польском конфликте, а некоторые авторы даже заявляют, что в 1019—1022 гг. между двумя славянскими странами велась война¹⁹¹. Другие исследователи сомневаются в достоверности данного летописного известия. Как выше отмечалось, в новгородской летописи подобное известие помещено под 1017 г. и подтверждается одновременным материалом хроники Титмара Мерзебургского. Вот почему, принимая во внимание факт редактирования летописных известий киевского происхождения в 70-х годах XI в., Н. Н. Ильин, М. Б. Свердлов, А. Г. Кузьмин и другие утверждают, что позднейший летописец перенес сведения о походе с 1017 г. на 1022 г.¹⁹²

Как нам представляется, в настоящее время нет достаточных доводов для признания позднейшего переноса летописной статьи. Летописные известия Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» не одинаковы по изложению («Ярослав иде к Берестию» в первом и «Приде Ярослав к Берестию» во втором свидетельстве), не ясны возможные мотивы переноса редакторами статьи с 1017 на 1022 г. Берестье в польско-русском соперничестве занимало весьма важное значение, которое в полной мере имеющиеся письменные источники не отражают. Город на р. Мохнач, вероятно, был основан вместе с другими городами-крепостями на западной границе Руси в конце X в., после присоединения Побужья к Древнерусскому государству. В 1013 г. Берестье, как нам представляется, было захвачено польскими войсками, через четыре года переходит в руки Ярослава, однако ненадолго. В 1019 г. город, очевидно, был вновь в руках польского гарнизона, так как сюда бежал после поражения от Ярослава Святополк. В таких условиях вполне возможно, что в 1022 г. Ярослав предпринял второй поход на Берестье, однако содержание известия летописи дает основание думать, что вряд ли он дал русской стороне какие-либо желаемые результаты¹⁹³.

После смерти в июне 1025 г. Болеслава Храброго польский трон перешел к его среднему сыну Мешко II. С приходом к власти нового польского короля (незадолго до смерти Болеслав венчался королевской короной, а затем королем Польши провозгласил себя и Мешко II) отношения Польши с Русью не улучшились. Более того, после прекращения в 1026 г. конфликта с Мстиславом Ярослав постепенно укрепил свои позиции в Киеве и южной части Древнерусского государства и начал, наряду с решением других государственных задач, готовиться к активной борьбе с Мешко II.

История внутривосточной борьбы в Польше во второй половине 20-х — начале 30-х годов XI в., тесно связанной с международным положением западнославянского государства, весьма фрагментарно освещена в источниках, что приводит к большим трудностям в изучении темы. Так, серьезные сложности у исследователей вызывает вопрос о наследниках Болеслава Храброго, боровшихся за польский престол. Согласно данным Титмара Мерзебургского (хронист умер 1 декабря 1018 г.), польский государь имел трех сыновей: первый — Бесприм, второй — Мешко, третьего же, по словам средневекового автора, Болеслав «назвал именем своего любимого сеньора»¹⁹⁴. В дальнейшем тексте хроники Титмар упоминает Оттона, сына Болеслава Храброго. Это дало многим историкам основание полагать, что польский монарх назвал младшего сына в честь германского императора Оттона III¹⁹⁵.

Значительно более сложным оказался для историков анализ источников, освещающих события после смерти короля Болеслава. В них уже не встречаются вместе имена старшего и младшего сыновей Болеслава Храброго: в Гильдесгеймских анналах упоминаются лишь имена Бесприма и Мешко, в биографии императора Конрада II (1024—1039 гг.), принадлежащей перу придворного

капеллана Випо, — Мешко и Оттона. В связи с этим в литературе высказываются различные версии о наследниках первого польского короля. Р. Рёпель, Х. Бресслау и М. Б. Свердлов полагают, что «Бесприм» Гильдесгеймских анналов и «Оттон» в биографическом произведении Випо на самом деле одна и та же личность¹⁹⁶. Д. Боравская и Г. Ловмянский высказывают мысль о том, что биограф Випо ошибочно переносит события, относящиеся к Бесприму, на Оттона¹⁹⁷. Отсутствие четкой картины в определении будущих участников борьбы за гнезненский трон приводит к появлению различных спорных построений, которые противоречат или одному, или даже всем источникам, повествующим о политической истории в Польском государстве того времени. Так, например, наиболее распространена среди историков концепция, которую выдвинул более ста лет назад А. Левицкий: старший сын Болеслава Бесприм сразу после смерти отца бежал на Русь, где получил в 1031 г. военную помощь для борьбы со средним братом — королем Мешко II¹⁹⁸. Однако ни Випо, ни Гильдесгеймские анналы, ни какие-либо другие источники подобной информации не имеют.

Содержание средневековых памятников наводит на мысль о необходимости их комплексного изучения с учетом специфики происхождения каждого из них. Гильдесгеймские анналы содержат короткие, но достаточно достоверные известия о польско-германских отношениях, имеют важные свидетельства о внутренней борьбе в Польше¹⁹⁹. Этот материал существенно дополняется данными «Жизнеописания императора Конрада II» Випо. В этом сочинении сохранилась важная информация, которая не отражена в хрониках и анналах, что связано с близостью автора к императору. Однако используя эти материалы, следует помнить об определенной субъективности Випо, который к тому же писал о событиях по прошествии 10—12 лет, что привело к определенным ошибкам и неточностям²⁰⁰. Некоторые дополнительные сведения по рассматриваемой теме можно получить из Августинских, Кведлинбургских анналов и анналов Брунвилерского монастыря, а также из других источников²⁰¹.

Передача власти в Польше в руки Мешко II была связана с тем, что Бесприм не пользовался симпатией Болеслава и уже в детские годы был отправлен в Италию, о чем есть свидетельство в «Жизнеописании св. Ромуальда» Петра Дамиани²⁰². В литературе высказывается предположение о том, что Бесприм был отправлен отцом в монастырь с целью подготовки к выполнению важных церковных функций в Польше²⁰³. Однако эта версия не объясняет отсутствие в Польше молодого князя в течение десятилетий. Германские источники свидетельствуют, что Бесприм оставался за границей и после смерти отца. «После смерти Болеслава, князя поляков (в Германии не признавали законной коронацию польского правителя. — А. Г.), — пишет Випо, — оставалось два сына, Мешко и Оттон»²⁰⁴. О приходе к власти Мешко, «старшего по рождению», сообщает автор Кведлинбургских анналов, что также подтверждает отсутствие Бесприма в Польше²⁰⁵.

С первых дней правления Мешко II пришлось вступить в противоборство с младшим братом Оттоном, который при жизни Болеслава пользовался благосклонностью и доверием отца, выполнял его различные поручения²⁰⁶. В ходе борьбы Оттон потребовал у Мешко удел, а затем, потерпев неудачу в своих устремлениях, бежал на Русь, где, видимо, нашел теплый прием у киевского князя, при дворе которого прожил около шести лет²⁰⁷.

Усиление в Германии в 1027 г. позиций императора Конрада II, которому удалось нейтрализовать внутри страны многих противников, вызвало значительное ухудшение позиций Польши на европейской арене, создало угрозу нового конфликта с немецкими феодалами. В этих условиях Мешко II был вынужден вступить в союз с венграми против империи и нанести последней превентивный удар, которым в 1028 г. и началась новая польско-германская война²⁰⁸. До 1031 г. военные действия между враждующими сторонами проходили с переменным успехом, однако уже в 1030 г. обстановка начала меняться в пользу противников Мешко II, что было во многом связано со вступлением Руси в войну на стороне Германии и разгромом Венгрии войском Конрада II²⁰⁹.

Согласно данным «Повести временных лет», в 1030 г. дружина Ярослава Владимировича совершает поход на важный стратегический пункт в Побужье — Белз («Ярослав Белзы взял»²¹⁰). Этот поход, который был осуществлен, вероятно, не без участия князя-изгнанника Оттона, не привел к возвращению Древнерусскому государству всей территории «Червенских градов». В связи с этим на следующий год киевский князь начал более основательную подготовку к новому военному предпрятию. Анализ скандинавских источников позволяет предположить, что к участию в кампании против Польши Ярослав привлек своих старых союзников — варягов во главе с конунгами Харальдом и Эйливом²¹¹, вступил в союз с тмутаракано-черниговским князем Мстиславом²¹². Одновременно киевская дипломатия устанавливает тесные контакты с германским двором, в чем Ярославу большую помощь, судя по материалу Випо, оказал Оттон, который «начал просить милости (то есть поддержки.— А. Г.) у императора Конрада»²¹³.

Осенью 1031 г. происходят скоординированные выступления германских и древнерусских войск против Польши. «Так как (император.— А. Г.),— пишет Випо,— желал действовать, он (Конрад.— А. Г.) решил, что нападет со своими войсками на Мешко с одной стороны, а брат Оттон — с другой (то есть со стороны Руси.— А. Г.). Не имея возможности сопротивляться, Мешко бежал в Чехию, к князю Удальриху»²¹⁴. В сообщении Випо нет информации об участии русских князей в военной кампании, отсутствуют в биографии Конрада II и конкретные реалии в описании похода германских феодалов против Польши. Однако сведения об этом есть в немецких и древнерусских хрониках. Так, Гильдесгеймские анналы под 1031 г. сообщают: «Император с немногочисленными саксонцами преследовал славян, осенью напал на них, и у Мешко, который ему сопротивлялся, область Лужицы захватил, в чем ему

помогли знатные саксонцы, после чего была заключена мирная клятва»²¹⁵. О походе древнерусских князей рассказывает летописная статья под 1031 г. «Повести временных лет»: «Ярослав и Мьстислав собрата вой мног (выделено нами.— А. Г.), идоста на Ляхы, и заяста грады червеньския опять, и повоеваста Лядскую землю, многы ляхы приведоста, и разделивша я. Ярослав, посади своя по Ръси, и суть до сего дне»²¹⁶. Таким образом, изучение двух последних источников позволяет сделать вывод о том, что поход германских войск хотя и привел к занятию Лужиц немецкими феодалами, однако завершился не изгнанием Мешко, а мирным соглашением польского короля и Конрада II. Очевидно, подобное соглашение было заключено польским двором и с союзниками императора — древнерусскими князьями Ярославом и Мстиславом, которые вернули в состав Руси «Червенские грады».

Более обстоятельно, чем Випо, рассказывают Гильдесгеймские анналы об изгнании Мешко II: «Лишь через месяц Мешко внезапно столкнулся с братом Беспримом, был изгнан и бежал после изгнания к Удальриху в Чехию»²¹⁷. Из этого можно заключить, что Випо, зная о бегстве Мешко II в Чехию после переворота, организованного Беспримом, ошибочно связывает его непосредственно с военной акцией, предпринятой Конрадом и Оттоном, приписав последнему выступление против короля Польши. На самом же деле события развивались, как нам представляется, в другом направлении: узнав о тяжелом положении, в котором оказался Мешко II после потери Лужиц, «Червенских градов»*, в страну вернулся Бесприм, получивший, видимо, какую-то поддержку немецких феодалов и части польской знати, и организовал переворот.

Вполне понятно, что новому главе Польского государства следовало побеспокоиться об укреплении своей власти, однако опорой Бесприм искал не внутри страны, а вне ее. Он отказался от претензий на королевскую корону, которую отправил в Германию вместе с женой Мешко, дочерью германского палатина Эзона Рихезой, объявив себя вассалом Конрада²¹⁸. Разумеется, такая политика нового князя не могла не вызвать недовольства в Польше, что привело к новому перевороту в первой половине 1032 г., подготовленному Мешко II и Оттоном. Гильдесгеймские анналы сообщают о нем: «В этом же году (1032 г.— А. Г.) Бесприм проявил жестокость и тиранство, что привело его, не без участия в этом братьев (выделено нами.— А. Г.), к смерти, а Мешко без задержки вернулся домой»²¹⁹. Большую помощь Мешко II в борьбе с Беспримом, по предположению И. Довяты, оказал живший в Польше венгерский князь-изгой Бела I²²⁰.

Прочитанный выше отрывок из Гильдесгеймских анналов не только свидетельствует, что именно Бесприм погиб в 1032 г., но и явно подчеркивает враждебную позицию к нему двух братьев — Мешко и Оттона.

* Г. Лябуда полагает, что в то время Польское государство лишилось Моравии и Словакии.

После возвращения в Польшу перед Мешко II стояла важная задача сохранения власти, тем более что международное положение страны оставалось весьма сложным. На это прямо указывают Августинские анналы, сообщив о нападении Германии на Польшу²²¹. Вот почему польский правитель был вынужден начать переговоры с Конрадом, пойти на значительные уступки в духе обязательств Бесприма. 7 июля 1032 г., как отмечают Гильдесгеймские анналы, на съезде в Мерзебурге Мешко II отказался от претензий на королевскую корону, признал зависимость от императора, выделил удел своему племяннику Дитриху²²². Випо уточняет детали раздела Польши, отмечая, что император «провинцию Польшу разделил на три части, Мешко назначил ее правителем, двух других (князей.— А. Г.) сделал его вассалами, чем уменьшил их силу, грозившую безрассудством»²²³. Правителем второго выделенного удела, видимо, был Оттон (об этом свидетельствует указание Випо о предоставлении императором помощи Оттону для получения власти в Польше). Однако в конце 1033 г. польский князь Мешко, воспользовавшись смертью Оттона, лишил Дитриха удела и восстановил единство польского государства. Трагическая гибель Мешко в 1034 г. прервала его борьбу за укрепление внутреннего и международного положения Польши²²⁴. В последующее после смерти польского князя время происходят дальнейшее ослабление централизованной власти в Польше и раскол страны на части, вспыхивают острые социальные конфликты, что поставило западнославянское государство перед угрозой потери самостоятельности.

Анализ событий в Польше в 1030—1034 гг. позволил более подробно осветить обстоятельства проведения похода дружины Ярослава и Мстислава в 1031 г., который, как нам представляется, получил в историографии весьма спорную оценку. Так, практически все исследователи считают, что в ходе военной акции русские князья совершили вторжение в глубь Польши, помогли Бесприму занять польский трон²²⁵. Единственным источником по истории похода Руси на Польшу фактически является (если не считать косвенное свидетельство Випо о совместном выступлении Конрада и Оттона в 1031 г.) летописная статья под 1031 г.— лаконичное и весьма сложное по характеру происхождения информации известие, которое подвергалось редактированию позднейшими хронистами²²⁶. При описании события авторы летописного сообщения стремятся оправдать поход, в связи с чем пытаются представить его как ответ на массовое выступление польских крестьян (фактически состоялось в 1037—1039 гг.), преувеличивают его масштабы — «повоевала Лядскую землю» (Ярослав и Мстислав.— А. Г.)²²⁷. Если бы поход 1031 г. на «Червенские грады» был таким крупным, то к власти в Гнезно пришел бы Оттон, а не Бесприм, а в Польше возобладало бы не германское, а русское влияние. О незначительных размерах военного столкновения косвенно свидетельствует и факт отсутствия сведений об этом конфликте в немецких хрониках. Захваченные в 1018 г. пленные, среди которых были родственники Ярослава и Мстислава, вернулись домой лишь в 40-х годах XI в.,

когда был заключен союз между правительствами Казимира I (1039—1058 гг.) и Ярослава Владимировича. Разумеется, при значительном успехе похода на Польшу проблему русских пленников было несложно решить в начале 30-х годов XI в. Все это дает основание утверждать, что в 1031 г. древнерусские князья ограничились возвращением территорий «Червенских градов».

Для того чтобы укрепить свои позиции в Побужье, киевская администрация выселила отсюда польское население, проживавшее в этом регионе наряду с основным восточнославянским населением, и расселила его в Поросье, где строились многочисленные крепости-«грады». Важно отметить, что элементы западнославянской материальной культуры в этом районе выявлены в ходе археологических раскопок²²⁸. После выселения западнославянского населения из Побужья из «Повести временных лет» исчезает понятие «Червенские грады», которое отражало особенность данного района как своеобразного буфера между Русью и Польшей.

Изучая обстоятельства похода Ярослава и Мстислава на «Червенские грады», особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на решение вопроса, какую территорию заняла польская армия в 1018 г. и отвоевали русские князья в 1031 г. В. Д. Королюк, Я. Д. Исаевич и А. Грабский полагают, что после присоединения к Руси в X в. Перемышль постоянно находился в составе древнерусских земель²²⁹. Однако это положение требует определенного уточнения. Изучение летописных материалов «Повести временных лет» о Побужье позволяет утверждать идентичность летописных понятий «Перемышль, Червен и иные грады» (статья под 981 г.) и «Червенские грады» (статьи под 1018 и 1031 гг.)²³⁰. Выделение в первой из них Перемышля можно объяснить тем, что он был центром управления Побужья в период вхождения последнего в состав Чешского княжества (до начала 80-х годов X в.). Позднее главным городом этого региона становится Червен, по наименованию которого район между Западным Бугом, Саном и Вепшом в начале XI в. получил название «Червенские грады». О том, что Перемышль входил в состав территории, занятой в 1018 г. Болеславом Храбрым и отвоеванной русскими князьями в 1031 г., свидетельствует не только факт идентичности и взаимосвязи летописных свидетельств, но и анализ талмудического источника первой половины XI в.— записки Иехуды бен меир ха Кохена, в которой отражены события русско-польского столкновения 1031 г., а именно: разгром еврейской торговой общины в Перемышле (наличие ее в городе подтверждается археологическими материалами²³¹) и продажа евреев в рабство²³². Данные рассматриваемого источника, таким образом, не только сообщают о возвращении Перемышля Руси, но и подтверждают мнение о массовом выселении части населения из Побужья в 1031—1032 гг. Можно предполагать, что князь Ярослав в пограничном с Польшей районе, также как и на р. Рось, проводил укрепление старых и строительство новых крепостей. В это время, видимо, здесь был основан и город Ярослав²³³.

Установление русско-польских политических отношений тесно связано с процессом государственно-территориального оформления двух славянских стран. Распространение влияния киевской и гнезненской администрации соответственно на районы Побужья и Малой Польши, складывание русско-польской границы способствуют в начале 90-х годов X в. установлению дипломатических связей между двумя раннефеодальными государствами. Правда, в последние годы X — начале XI в. отношения между Русью и Польшей в силу специфики их внешней политики практически не развивались, однако уже во второй половине первого десятилетия XI в. Польское государство предпринимает активные акции на востоке, широко используя внутренние усобицы и международные осложнения Руси. Так, в 1013 и 1018 гг. гнезненское правительство подготавливает два похода против Древнерусского государства, которые, однако, не принесли ему каких-то значительных выгод. Несмотря на участие на стороне польских феодалов некоторых членов правящей династии и части феодализирующейся знати Руси, эти внешнеполитические действия Польши носили по отношению к восточнославянскому государству в целом враждебный характер. Последнее обстоятельство вызвало в 20-х годах XI в. серьезные осложнения в отношениях двух стран, а в 1030—1031 гг. стало причиной вооруженного конфликта между ними. Помимо общих причин, порождающих столкновения между классовыми, в данном случае феодальными, государствами, важным фактором, повлиявшим на напряженность в отношениях Руси и Польши конца X — первой трети XI в. было отсутствие между ними четких этнических и государственных границ, что вызвало длительный спор из-за района «Червенских градов», где обитало в основном восточнославянское население. Возвращение «Червенских градов» Руси, укрепление влияния Киева в западных районах расселения восточнославянских племен создали условия для стабильных и в целом добрососедских отношений между славянскими странами. В этом крупную роль сыграли изменения в социально-экономическом развитии двух славянских государств, а также перемены на международной арене в середине и второй половине XI в.

Глава II

ДРЕВНЕРУССКОЕ И ПОЛЬСКОЕ РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД СТАБИЛИЗАЦИИ ИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (КОНЕЦ 30-Х ГОДОВ XI — 30-Е ГОДЫ XII В.)

1. Военно-политический союз Руси и Польши в конце 30-х — 40-х годах XI в.

Период с середины XI до середины XII в. в социально-экономическом развитии Руси и Польши характеризовался интенсивной феодализацией как восточно-, так и западнославянского общества. В течение сравнительно короткого времени некогда свободная славянская община превращается в один из институтов феодальной общественной системы. Ф. Энгельс применительно к аналогичному процессу в германском обществе писал, что общинники в то время «должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в виде зависимого держания на различных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброка; раз попав в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу...»¹.

Феодализация общины совпадает и связана с оседанием на землю племенной знати, постепенным превращением ее в феодальный класс. Помимо землевладения светских феодалов возникает и постепенно растет земельная собственность церкви, что в целом приводит к изменениям в социальной структуре общества, отражается на характере внутривнутриполитического развития Руси и Польши. Именно конец 30-х — начало 40-х годов XI в. характеризовались значительными успехами во внутренней консолидации двух стран, которые объясняются не только энергичными мерами киевской и гнезненской администраций, направленными на окончательное упрочение единства древнерусских и польских земель, но прежде всего ростом экономических, культурно-этнических и церковных связей между отдельными районами восточно- и западнославянских конфедераций. Важную роль в укреплении внутреннего единства двух государств играли города — центры административного управления, ремесла и торговли. Большое значение для консолидации древнерусских территорий имела также внутренняя колонизация Восточной Европы восточнославянским населением, освоение им не заселенных ранее земель.

Важным моментом в политической жизни древнерусского и польского обществ в период наибольшего расцвета раннефеодальной государственности было то, что верховные правители и их окружение отражали в своей деятельности уже не только интере-

сы сравнительно небольшой по численности киевской и гнезненской знати, как это было в IX—X вв., а и запросы всего класса в целом.

Дальнейшее развитие феодальных отношений во второй половине XI — начале XII в. приводит к вызреванию и укреплению местных центров феодальной власти, что в свою очередь способствовало дальнейшей трансформации структуры государственного управления в обеих странах. В этот переходный к феодальной раздробленности период в политической жизни Руси и Польши начинают все большую роль играть удельные князья, рост власти которых приводит к усилению внутренних конфликтов между представителями правящей династии, возглавлявших отдельные группы феодалов. На Руси княжеские междоусобицы фактически не прерывались после смерти князя Ярослава Владимировича. Энергичные меры киевских князей Владимира Всеволодовича Мономаха и его сына Мстислава (1113—1132 гг.), предпринятые с целью сохранения единства централизованной власти в Древнерусском государстве, не смогли дать значительного, длительного эффекта.

Внутриполитические изменения в эволюции древнерусского и польского обществ наложили свой отпечаток на развитие международных связей Руси и Польши в середине XI — первой четверти XII в. В этот период основная масса представителей господствующего класса перестает быть в такой степени, как в предыдущие десятилетия, заинтересованной в дальних походах, так как эксплуатация крестьян становится источником основного дохода феодального класса, к тому же не связанным с военными опасностями.

Вторым отличительным моментом развития внешней политики славянских государств в условиях нарастания децентрализации было вызревание полицентрических тенденций, когда, помимо дипломатов столичных городов, в международные связи все больше втягиваются представители зарождавшихся центров удельных княжеств.

К середине 30-х годов XI в. кризисные явления в социальной и политической жизни Польши обострились, однако уже к концу 30-х годов поступательное развитие польского феодального общества способствовало постепенному выходу страны из кризиса. Господствующие классы двух ведущих областей государства — Великой и Малой Польши, а также главы Руси и Германии, обеспокоенные внутренними потрясениями в Польском государстве, прежде всего крестьянским восстанием 1037—1039 гг., территориальным распадом страны, стремились к восстановлению стабильной обстановки в Польше. Во главе сил, борющихся за объединение польских земель, стал сын Мешко II Казимир I «Восстановитель» (1039—1058 гг.), который, опираясь на помощь крупных польских феодалов, поддержку Германской империи и Киевской Руси, возвратился из изгнания на родину².

Одним из ключевых вопросов, требовавших активных действий администрации князя Казимира, была проблема восстановления и

развития отношений Польши с восточным соседом. Для освещения древнерусско-польских взаимосвязей важное значение имеет установление даты возвращения польского князя домой, так как сразу после этого, по словам Галла Анонима, Казимир женился на русской княжне, что было, безусловно, связано с началом нового этапа в отношениях Руси и Польши³. Ряд исследователей предполагает, что польский монарх вернулся на родину в 1040—1042 гг., причем главным аргументом служит не анализ источников, а общее рассуждение о затяжном характере кризиса в Польше⁴. Так, Б. Влодарский считает, что еще в 1040 г. прибывшее в Альштадт к германскому императору Генриху III русское посольство решало вопрос о совместной борьбе Руси и Германии против Мазовии, основного противника Польши, и о возвращении Казимира в Польшу⁵. Однако предположение польского ученого не подтверждается материалом хроники «Саксонского анналиста», который он использует в качестве доказательства. В источнике не сообщается конкретно о ходе переговоров в немецком городе. К тому же более раннее известие этого источника прямо противоречит мнению историка, так как упоминает о возвращении Казимира в Польшу в 1039 г.⁶

Именно последняя информация «Саксонского анналиста» заставляет согласиться с точкой зрения тех авторов, которые относят заключение династического союза Руси и Польши к 1038—1039 гг.⁷ «В это время (т. е. в 1039 г.— А. Г.) Казимир, сын князя Польши Мешко, возвратился на родину, где его охотно поддерживали поляки, взял в жены дочь короля Русов, которая родила ему двух сыновей: Владислава и Болеслава»⁸.

Хотя в средние века не каждый династический союз был политическим, однако этот брак, безусловно, способствовал развитию сотрудничества между древнерусским и польским княжескими домами. Причем материал хроники «Саксонского анналиста» в сопоставлении с данными позднего источника — «Рочника Красиньских» — о рождении в 1039 г. сына Казимира Болеслава наводит на мысль о том, что соглашение о матримониальном союзе было подписано где-то в середине 1038 г., то есть в пору, когда польский князь еще находился вне родины⁹. Это обстоятельство является еще одним аргументом политических мотивов брака.

При заключении союзных отношений между Ярославом Владимировичем и Казимиром были согласованы условия их осуществления. Об одном из них, а именно: о возвращении пленных, захваченных Болеславом Храбрым в 1018 г. в Киеве, прямо сообщают источники¹⁰. Кроме того, очевидно, сторонами была окончательно решена в пользу Руси проблема «Червенских градов»¹¹, обсуждены вопросы борьбы с общими противниками.

Еще в середине 30-х годов XI в. из состава Польши выделилось Мазовецкое княжество во главе с князем Меславом (Моислав русских летописей), которое с конца 30-х годов в союзе с Поморьем, Пруссией, Литвой вело активную борьбу как с Великопольско-Малопольским государственным комплексом, так и с Ки-

евской Русью¹². В ходе переговоров было решено, что киевское правительство начнет борьбу с главным противником Казимира — Мазовией. О развитии этого конфликта есть известия в русских летописях, причем неоднозначные. Последнее обстоятельство вызвало большие трудности у историков, прежде всего в вопросе о количестве походов дружины Ярослава против Мазовии. Решению проблемы не помогли даже специальные исследования летописных свидетельств, так как предложенная в них трактовка проблемы носит спорный характер¹³. В. Т. Пашуто считает, что было три похода Ярослава против Меслава, — 1041, 1043 и 1047 гг. В. Д. Королук добавляет к ним еще один — в 1039 г., хотя значительная часть авторов предполагает, что их было только два — в 1041 и 1047 гг.¹⁴

«Повесть временных лет» сообщает о двух походах — 1041 и 1047 гг., а также упоминает в летописной статье под 1043 г. о браке между Казимиром и русской княжной и приданом, которое сводилось к возвращению Руси захваченных польскими войсками в 1018 г. пленных¹⁵. Свидетельства «Повести временных лет» делятся на две группы: погодные известия (два первых свидетельства) и вставка, осуществленная, видимо, более поздними летописцами конца XI — начала XII в. (сведения о браке и приданом: «В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людей 8 сот»¹⁶). Следует отметить, что помещение последнего сообщения в летописную статью под 1043 г. не является хронологической ошибкой, противоречащей информации «Саксонского анналиста», так как летописец, вводя материал о браке Казимира в канву своего повествования, отнюдь не относит событие к 1043 г., а употребляет формулу: «В си же времена» («В те же времена»).

Сложнее обстоит дело с изучением данных новгородских летописей. Известия Софийской первой летописи о мазовецкой политике Ярослава Владимировича появились на основе как более раннего новгородского, так и киевского летописания. Сведения под 1041 г. возникли на основании одновременного сообщения «Повести временных лет», а известия под 1043 и 1047 гг. повторяют соответственно статьи 1041 и 1047 гг. более ранней Новгородской четвертой летописи¹⁷. Не является протографом и единственное известие о мазовецкой политике Ярослава в Новгородской первой летописи, в которой сжато изложен материал уже упомянутой Новгородской четвертой летописи¹⁸. Что касается данных последнего источника, то их анализ показывает, что они восходят к устным историческим преданиям о походах на Мазовию, в которых новгородские воины принимали весьма активное участие. Поместив свидетельства устных преданий, новгородские авторы воспользовались также погодными известиями киевского летописания. Такое механическое соединение различных материалов привело к хронологическим неточностям. Так, в Новгородской четвертой летописи материал о браке Казимира из статьи под 1043 г. «Повести временных лет» попадает в сообщение под

1041 г., причем формула «в си же времена» заменяется на «тое же осени», то есть информация приобрела хронологическую определенность — 1041 г.¹⁹

Отмечая сложность и хронологическую неточность новгородских известий 40-х годов XI в., мы в то же время не можем отрицать их значение как источника, который в деталях весьма существенно дополняет более достоверный материал киевской летописи. В частности, особую ценность представляют свидетельства о переговорах Ярослава и Казимира, вероятно, в 1038 г. Автор новгородской летописи, видимо, воспринял информацию о них от непосредственных участников переговоров («...и рече Казимиру ели отец твои победив мене, и полони люди мои за ся, то даи ми за вено и собра Казимир люди его Руси полоненых осьмсот, кроме жен и детей, и еда за вено Ярославу, шурина своему»²⁰). В новгородском летописании помещено также ценное упоминание о браке в 40-х годах в то время новгородского, а в будущем (1054—1078 гг.) киевского князя Изяслава Ярославича с польской княжной Олисовой-Гертрудой²¹. Вероятно, этот брак был заключен после успешного завершения войны Руси и Польши с мазовшанами в 1047 г.

Рассмотрим вопрос о взаимоотношениях Древнерусского государства с Польшей (т. е. с Великопольско-Малопольским княжеством Казимира I) и Мазовией в конце 30-х — 40-х годов XI в. В 1036 г. на Руси произошло весьма важное событие, имевшее большое значение для последующего политического развития Древнерусского государства. Русские воины недалеко от Киева нанесли решающее поражение печенегам, в результате которого был ликвидирован на многие годы постоянный источник опасности для восточных славян со стороны «степи», существовавший с конца 60-х годов X в. Это создало благоприятные возможности для развития экономических связей с Причерноморьем, Византией, позволило активизировать внешнеполитические акции в других направлениях.

Особое значение в 30-х годах XI в. приобрел «прибалтийский вопрос». Главными противниками Древнерусского государства в Прибалтике были прусские и литовские племена, которые противились проникновению в этот регион киевского влияния и вступили в союз с поморянами и Мазовией²². Эта прибалтийско-поморско-мазовецкая коалиция, созданная во второй половине 30-х годов XI в., заставляет древнерусскую дипломатию искать союзника в борьбе, каковым и стала Польша. В 1038 г. русские дружины совершили поход против ятвягов, который закончился неудачей²³. Такое развитие событий, видимо, и стало одной из непосредственных причин поиска контактов русского двора с окружением Казимира, находившегося в то время в Германии. Осенью того же 1038 г. после завершения переговоров к польскому князю был направлен брачный поезд с русской княжной Марией-Добронемой.

В начале 1039 г. Казимир с отрядом немецких рыцарей вступил в пределы Великой Польши²⁴. Возвращение польского князя домой произошло в сложный исторический момент, когда во многих районах страны еще продолжались крестьянские выступления, а Малая Польша и Силезия были захвачены войсками чешского князя Бржетислава. Вот почему в первые годы своего правления Казимир и его окружение главное внимание в своей политике уделяли борьбе с Чешским княжеством за отвоевание Малой Польши (присоединена к Польскому государству в 1040 г.) и Силезии (возвращена в 1050 г.). Казимир первоначально не имел достаточно сил для противодействия Мазовии, князь которой Меслав сразу занял по отношению к новому польскому монарху враждебную позицию. Не мог начать в конце 30-х годов военные действия против Мазовии и киевский князь, так как русские в этот период не разрешили конфликтную ситуацию в Прибалтике, которая имела для правительства Ярослава Владимировича более важное значение, чем борьба с мазовшанами.

Только после успешного завершения в 1040 г. нового военного предприятия в Прибалтике русский князь смог подготовить выступление против Мазовии. В 1041 г. древнерусские отряды совершили поход в мазовецкие земли. Польские феодалы в этой акции, очевидно, не приняли участия, так как в то время сохранялась острая конфронтация Польши и Чехии, в которой на стороне правительства Казимира выступала Германская империя. Русская дружина во время нападения на Мазовию, хотя и вела с противником ожесточенную борьбу, о чем свидетельствует новгородская летопись под 1041 г. («Ходи Ярослав двожды на мазовшаны»)²⁵, но решающего успеха в войне не добились. В результате похода Руси, видимо, произошло значительное ослабление хозяйственного и военного потенциала государства Меслава²⁶.

Безрезультатность похода 1041 г. заставила киевское правительство временно отказаться от планов дальнейшей борьбы с Мазовией. В 1043 г. Русское государство вступило в большой конфликт с Византийской империей²⁷, что также серьезно повлияло на ослабление активности Киева в прибалтийском вопросе в 1044—1046 гг., когда мы не встречаем в достоверных источниках сведений о русско-мазовецких столкновениях. Правда, В. Д. Корольков и В. Т. Пашуто предполагают, что в 1043 г. состоялся еще один поход Руси против государства Меслава, однако информация о нем, как отмечалось выше, содержится лишь в Софийской первой летописи, которая повторила более раннее известие Новгородской четвертой летописи²⁸. Только после 1046 г., когда между Константинополем и Киевом был заключен мир (под 1043 г. летопись сообщает: «По трех же летех миру бывшю», то есть в 1046 г.), древнерусское правительство вновь возвращается к мазовецкой проблеме.

В середине 40-х годов XI в. внутри- и внешнеполитическое положение Польского государства Казимира I окрепло. К тому времени польская армия добились ряда побед над Чехией и Помор-

ским княжеством, что дало возможность польской дипломатии в 1046 г. заключить с этими государствами перемирие²⁹. После этого польский двор (который переехал в Краков) начинает принимать непосредственное участие в конфликте с Мазовией. Правитель последней в рассматриваемый период утратил поддержку со стороны значительной части феодалов, которые возвратились в Великую и Малую Польшу из Мазовии, где они спасались во второй половине 30-х годов, в годы крестьянских выступлений. Этот отлив феодалов серьезно подорвал военный потенциал войска Меслава.

В 1047 г. русское и польское войска совершают совместный поход против Мазовецкого княжества. Это событие получило освещение не только в русских летописях, но и в хронике Галла Анонима. Сопоставление источников, которые излагают ход военных действий довольно тенденциозно, позволяет сделать вывод о том, что главная заслуга в разгроме Меслава принадлежит русским отрядам. В польской хронике нет конкретных данных о походе войска Казимира против мазовшан, однако в конце рассказа имеется упоминание о малочисленности польской дружины по сравнению с мазовецкой в связи с тем, что вся «Польша была разорена»³⁰. Что касается союзников Ярослава Мудрого в конфликте с Мазовией, можно предположить, что кроме Казимира в походе 1047 г. участвовали отряды полоцкого князя Всеслава, а в 1041 г. — его отца Брячислава³¹.

Разгром мазовецкой дружины Меслава и присоединение Мазовии к основной польской территории были крупными политическими событиями в истории Польши XI в., способствовавшими восстановлению территориального единства Древнепольского государства. В этом большую роль сыграло русско-польское военнополитическое сотрудничество, которое открыло широкие возможности для ликвидации территориальных споров между двумя славянскими государствами, заложило основу нового этапа связей, для которого была характерна тенденция к поддержанию добрососедских взаимоотношений.

2. Развитие русско-польских связей в 60—70-х годах XI в.

Начало второй половины XI в. в политической жизни Европы ознаменовалось значительными переменами, связанными во многом с возросшим значением на международной арене папства, которое в условиях наступившей в большинстве стран феодальной раздробленности, роста земельной собственности и других богатств церкви превращается в мощную политическую силу, оказавшую колоссальное воздействие на историю католических государств и их соседей. «Западноевропейский мир,— писал Ф. Энгельс,— представлявший собой группу народов, развитие которых происходило в условиях постоянно изменявшихся взаимоотношений, объединялся католицизмом. Это теологическое единство было

не только идейным. Оно действительно существовало и не только в лице папы, монархического средоточия этого единства, но прежде всего в лице церкви, организованной на феодальных и иерархических началах. Владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом»³².

На пути к теократическому господству Рим столкнулся с Германской империей, правители которой на протяжении ста лет (с середины X в.) постоянно выдвигали идеи создания универсальной империи. В конфликт папства и империи, вошедший в историю как борьба за инвеституру, оказались втянутыми не только Польша, Франция, Чехия, Венгрия, но и в определенной мере Русь³³.

Польша в середине XI в. добилась значительных успехов в преодолении последствий кризиса 30-х годов XI в., важнейшим из которых было восстановление ее территориального единства. Перед новым польским князем Болеславом II Смелым (1058—1079 гг.) встала проблема дальнейшего укрепления международного положения Польского государства, что было связано с вопросом восстановления архиепископата в стране, а также коронацией польского монарха королевскими инсигниями, от которых в 1032 г. в силу сложных политических коллизий был вынужден отказаться его дед Мешко II³⁴. Для достижения этих целей польские феодалы вступили в союз с римской курией, вели активную борьбу с союзником Германской империи — Чехией, оказывали поддержку антиимперским силам в Венгрии³⁵. Напряженная международная ситуация в Центральной Европе требовала от правительства Болеслава II Смелого сохранения дружественных отношений или хотя бы нейтралитета с Русью.

50—60-е годы XI в. характеризовались для Древнерусского государства определенными переменами в политическом развитии. После смерти князя Ярослава Владимировича в 1054 г. в стране установилась система «княжеского триумvirата» — результат своеобразного компромиссного решения проблем государственной власти. Кроме верховного киевского князя Изяслава Ярославича значительную политическую силу в управлении страной имели его братья: черниговский князь Святослав и переяславский — Всеволод. Появление новой системы управления было связано с социально-экономическими изменениями на Руси, вызреванием новых феодальных центров на местах, что привело к возникновению элементов политической децентрализации. Система «княжеского триумvirата» была весьма неустойчивой формой государственного управления, однако просуществовала почти два десятилетия, чему способствовали важные как международные, так и внутривосточные факторы. Прежде всего, в 50—60-х годах XI в. для Древнерусского государства возникла угроза со стороны новой волны кочевников — торков и половцев, что заставило сыновей Ярослава предпринять ряд военных экспедиций «в степь». Позже Ярославичам пришлось начать противоборство с полоцким князем Всесла-

вом, что также требовало от братьев сохранения союзнических отношений друг с другом³⁶.

Сложившееся в конце 30-х — 40-х годах XI в. военно-политическое сотрудничество между правящими кругами Руси и Польши объективно отражало внешнеполитические потребности двух раннефеодальных государств. С конца 40-х до конца 60-х годов XI в. в источниках нет известий о русско-польских контактах, но последующие события, а также тесные династические связи между двумя княжескими домами дают основание утверждать, что и в середине XI в. между Киевом и Краковом продолжал сохраняться политический союз.

В сентябре 1068 г. в результате крупного восстания в Киеве князь Изяслав Ярославич был вынужден покинуть столицу Руси и искать убежище у своего племянника Болеслава II Смелого. События в Древнерусском государстве привлекли внимание краковского двора, поскольку наступивший временный перерыв в столкновениях с Германией и Чехией создавал возможность для вмешательства в дела Руси, чтобы обеспечить прочность тыла для Польши на востоке накануне нового конфликта с противниками.

Весной 1069 г. польская армия во главе с князем Болеславом II Смелым вступила в пределы восточнославянского государства. На освещение в научной литературе пребывания войска польского князя на Руси традиционно влияет трактовка истории похода Болеслава I Храброго на Киев в 1018 г., причем между двумя событиями чуть ли не ставится знак равенства³⁷. Само же появление Болеслава II в древнерусских землях большинство исследователей рассматривает как интервенцию польских феодалов на Русь (или польско-русскую войну), одним из итогов которой было восстановление князя Изяслава на киевском столе³⁸. Однако анализ имеющихся данных заставляет пересмотреть эту точку зрения.

Основным источником знаний о пребывании Болеслава II Смелого на Руси является статья под 1069 г. «Повести временных лет». Что касается польских хроник (прежде всего ранних — Галла Анонима и Винцентия Кадлубека), то их сообщения об этом носят весьма тенденциозный и неконкретный характер. Большое значение для правильной оценки событий на Руси в 1069 г. имеют выводы, сделанные В. А. Кучкиным при изучении «Поучения» Владимира Мономаха. Им уточнена датировка мира у Сутейска, который, по мнению ученого, был заключен не в 1073 или 1074 г., как это ранее считалось, а в апреле 1069 г.³⁹

Главными политическими противниками Изяслава и Болеслава были полоцкий князь Всеслав и его соратники, захватившие власть в Киеве («поиде Изяслав с Болеславом на Всеслава»⁴⁰). Вскоре после бегства старшего брата в Польшу осенью 1068 г. Святослав и Всеволод Ярославичи взяли под контроль Волынскую и Новгородскую земли — владения бывшего киевского князя. В то же время трудно согласиться с мнением В. А. Кучкина, что между Всеславом и младшими Ярославичами существовало ка-

кое-то соглашение, которое регулировало сложившееся после восстания киевлян в 1068 г. положение. Даже если признать возможность добровольной передачи Всеславом земель Изяслава Ярославича братьям (к такому выводу пришел В. А. Кучкин на основании свидетельств «Слова о полку Игореве»), это не дает оснований утверждать, что Святослав и Всеволод добровольно согласились с пребыванием полоцкого князя на киевском столе⁴¹. Младшие Ярославичи, не желавшие ни возвращения Изяслава в Киев, ни пребывания Всеслава в столице Руси, но не имея реальных политических и юридических оснований для борьбы за верховную власть в Древнерусском государстве, заняли нейтральную, выжидательную позицию в конфликте. Однако быстрое развитие событий, активное участие в них жителей стольного града Руси заставили троих братьев вступить во взаимные контакты.

Узнав о вступлении войска Болеслава и Изяслава в пределы Руси, Всеслав со своей дружиной, а также, видимо, с киевским ополчением двинулся навстречу противнику. Однако до военного столкновения не дошло: не имея ни достаточно сил, ни прочного тыла в столице, где боярско-купеческая верхушка желала возвращения Изяслава, Всеслав решил не испытывать судьбу и, воспользовавшись первой предоставившейся возможностью, покинул своих воинов у г. Белгорода (25—30 км от Киева) и бежал в родной Полоцк. Весть о бегстве князя в середине апреля 1069 г.⁴², потенциальная опасность нападения на город побуждают киевлян искать защитников в лице Святослава и Всеволода. Горожане обращаются к братьям-князьям с просьбой о посредничестве в переговорах между жителями Киева и Изяславом с целью предотвращения возможного кровопролития.

По данным «Повести временных лет», Святослав и Всеволод решили направить посольство к Изяславу и Болеславу. «Всеслав ти бежал,— заявили посланцы Изяславу,— а не води ляхов Киеву, противне бо ти нету, аще ли хоцещи гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола»⁴³. Таким образом, Святослав и Всеволод, заинтересованные в укреплении своего престижа на Руси, не уклонялись от предложения киевлян, стремясь уравнять свои права с правами старшего брата.

Изяслав был вынужден согласиться с предложением младших Ярославичей, после чего большая часть польских воинов была отправлена домой. Лишь сравнительно небольшой отряд продолжил поход на Киев. Таким образом, не только со Всеславом, но и со Святославом и Всеволодом польские феодалы и их союзник Изяслав в какую-либо конфронтацию не вступали. Это же подтверждают и данные «Поучения» Владимира Мономаха, которые существенно дополняют известие «Повести временных лет». Освещая события 1069 г., князь Владимир сообщает о сожжении польскими рыцарями пограничной крепости Берестья, которое, видимо, произошло еще до начала похода Болеслава на Русь — зимой или ранней весной 1069 г., а затем — о заключении Ярославичами мира возле города Сутейска, который был оформлен «по Велице

дне» (после Пасхи.— А. Г.), то есть во второй половине апреля 1069 г.⁴⁴

Факт подписания соглашения вблизи пограничного города некоторое время спустя после перехода границы дружиной Болеслава свидетельствует, что польский князь даже в благоприятных для себя условиях колебался — продолжать ли оказывать помощь Изяславу или вернуться домой. Заключение договора позволило Болеславу принять решение. «Изяслав,— пишет об этом русская летопись,— остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляхов поим»⁴⁵. Данное свидетельство не позволяет согласиться с мнением М. Ю. Брайчевского, считающего, что Изяслав не выполнил условий соглашения с братьями⁴⁶.

В начале мая 1069 г. Болеслав и Изяслав с отрядом польских воинов, к которому, вероятно, присоединились русские сторонники бывшего киевского князя, вошли в столицу Руси. Простые киевляне, как это следовало ожидать, не избежали репрессий. Преследованиям подверглись также непосредственные сторонники Всеслава из среды дружинников («чади») и духовенства⁴⁷.

Пребывание польских дружинников в городе, в котором еще не забыли о недавнем восстании, оказалось для них небезопасным. Об этом свидетельствует летописное известие о гибели отдельных воинов, расселенных «на покорм». Однако это сообщение не означает какого-то организованного выступления киевлян и разгром иностранцев в Киеве⁴⁸. Летописец, которого отнюдь нельзя отнести к поклонникам Болеслава II, подчеркивает, что их убивали «отай», то есть тайно⁴⁹. К тому же добившись главной цели — восстановления Изяслава на троне, польский князь, видимо, счел свою миссию выполненной и вскоре покинул Русь.

Таким образом, важно отметить, что в 1069 г. русско-польского вооруженного конфликта не было. Пребывание польской дружины Болеслава Смелого на Руси было связано со стремлением краковского двора восстановить князя Изяслава на киевском троне, то есть фактически речь шла о сохранении дружественного союза с Русью, необходимого Польскому государству для успешной борьбы в Центральной Европе против Германской империи и Чехии. В связи с этим мы не разделяем мнение тех историков, которые на основании позднейших данных хроники Я. Длугоша и произвольного переноса Я. Карловичем сведений Галла Анонима о походе 1018 г. на события 1069 г. считают, что Болеслав оставался в Киеве 10 месяцев⁵⁰. Нет в современных событиях источников свидетельств о подчинении в начале 70-х годов XI в. польскими феодалами территории «Червенских градов», о котором сообщает Длугош⁵¹. Известный исследователь произведения средневекового хрониста А. Семкович установил, что его данные являются достоверными⁵².

В исторической литературе под влиянием факта так называемого раскола христианской церкви в 1054 г. часто преувеличиваются религиозные противоречия между восточными славянами и поляками в период пребывания военного отряда последних на

Руси весной 1069 г.⁵³ Материал источников не дает оснований утверждать, что спор между константинопольским патриархом и римским понтификом получил широкую поддержку в среде древнерусского духовенства, главной задачей которого и во второй половине XI в. была борьба с остатками язычества. Не могут служить аргументами и свидетельства антилатинских трактатов, распространенных в то время на Руси, так как они имеют «мало самобытно русского и составлены исключительно по византийским источникам»⁵⁴. Необходимо отметить, что древнерусская церковь, несмотря на противодействие со стороны греческих иерархов, во второй половине XI в. поддерживала постоянные связи с Римом, что, безусловно, противоречило церковной политике Константинополя⁵⁵. Наиболее интересным примером этих связей является введение на Руси католического праздника переноса мощей Николая Мирликийского, культ которого не был принят в Византии⁵⁶. Для русского духовенства XI в. не была характерна религиозная нетерпимость. «Милуй не только своея веры, но и чюжия, аще нага и голодна или зимою или бедою одержима, аще то буде жидовин, или срацин, или болгарин, или еретик, или латинянин или от всех поганых — всякого пожалуй и от беды избави я, яко можеш»⁵⁷, — провозглашал Феодосий Печерский.

К вопросу о влиянии религиозных противоречий на развитие политических связей Руси со странами католического мира, в том числе с Польшей, следует подходить более обстоятельно и осторожно. Антилатинские выступления греческой верхушки русской церкви в конкретных условиях исторического развития восточнославянского общества находились в противоречии с интересами широких слоев населения страны, в том числе и значительной части духовенства, и отражали споры константинопольской патриархии с римской курией.

После возвращения в Польшу Болеслав Смелый начал новую войну с Чехией (1070—1072 гг.). В 1073 г. германский император, исчерпав все возможности дипломатического давления, обеспокоенный активизацией Польского государства, начал готовиться к вторжению в его пределы. Однако вспыхнувшее восстание саксонских феодалов позволило Болеславу не только сохранить преимущество, но и подготовиться к решающим сражениям в Чехии, которая на протяжении второй половины XI в. стремилась вновь подчинить Силезию. В это напряженное для Польши время события на Руси вновь обратили внимание краковского двора на проблемы соседнего государства.

События 1068—1069 гг. нарушили равновесие сил между участниками «княжеского триумvirата». Младшие Ярославичи, увидев определенную слабость позиций Изяслава на великокняжеском троне, стали предъявлять претензии на киевский стол. В 1073 г., потерпев неудачу во вспыхнувшем конфликте с братьями, Изяслав Ярославич вновь покидает древнерусскую столицу и прибывает к Болеславу Смелому. «Изяслав же, — рассказывает об этом летописная статья под 1073 г., — иде в Ляхы со именем многым,

глаголя, яко: «Симь налезу вои». Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь от себе»⁵⁸.

Страна находилась под угрозой вторжения германской феодальной армии, а события в Венгрии требовали срочной поддержки польских ставленников. Разумеется, в таких условиях не могло быть и речи о походе на Киев, тем более что соперником Изяслава теперь был не Всеслав, а значительно более сильные Ярославичи, готовые к борьбе за верховный стол Руси.

У исследователей сложилось представление о недолгом пребывании Изяслава у Болеслава Смелого. Однако польский князь не мог сразу решительно отказать в поддержке своему близкому родственнику, тем более что он не знал, какую позицию по отношению к Кракову займет новый правитель Киева Святослав. Сопоставление информации статьи летописи под 1073 г. о занятии столицы Руси Святославом Ярославичем в июле 1073 г. с данными германского хрониста Ламберта Герсфельдского, отметившего приезд в Майнц (Германия) русского князя Изяслава в январе 1075 г.⁵⁹, позволило сделать вывод, что Изяслав находился в Польше около полутора лет.

Очевидно, материал о пребывании Изяслава Ярославича в Польше был занесен в летопись только после его возвращения на Русь в 1077 г. Источником летописного сообщения, видимо, был или рассказ самого князя, или одного из его приближенных. Причину изгнания Изяслава из Польши древнерусский книжник объясняет попыткой бывшего киевского князя с помощью казны нанять войско⁶⁰.

Сравнение известия «Повести временных лет» под 1073 г. с летописными сообщениями того же памятника под 1018, 1069, 1077 и 1086 гг. о помощи польских князей своим венценосным союзникам приводит к выводу о том, что автор не случайно акцентирует внимание на попытке Изяслава нанять воинов в Польше как на особом, не имеющем прецедента в дипломатической практике древнерусского и польского династических домов случае⁶¹.

Очевидно, не получив помощи от Болеслава, который был занят венгерскими делами, Изяслав сделал попытку самостоятельно нанять армию в Польше, что вызвало возмущение польского монарха. В конце 1074 г. древнерусский князь был изгнан из Польши, а деньги, выделенные им на наем воинов, конфискованы. Эта конфискация не привела, видимо, к полному разорению Изяслава, так как он прибыл в Германию, имея значительные средства⁶².

В Германии Изяслав Ярославич встретился с Генрихом IV, которому вручил богатые дары и рассказал об обстоятельствах как своего конфликта с Болеславом II Смелым, так и о внутриполитической ситуации Руси. Вскоре после переговоров с князем-изгоем германский император направляет посольство в Киев⁶³. Этим шагом Генрих IV, вероятно, стремился натравить Русь и Польшу друг на друга. Однако германское посольство не добилось каких-либо дипломатических успехов. Киевский князь Святослав,

хотя и одарил послов императора, отказался вступить в союз с Германией⁶⁴.

На неудачу посольства Генриха IV во многом повлияло заключение соглашения между киевским и краковским дворами о совместном военном предприятии против Чехии, которое можно приблизительно датировать концом 1074 — началом 1075 г. Вполне возможно, что именно переговоры Болеслава и Святослава толкнули Изяслава на шаг отчаяния — попытку самостоятельно нанять войско в Польше в конце 1074 г. Оказывая военную помощь Кракову, Святослав Ярославич стремился добиться, очевидно, полного отказа Болеслава от поддержки противников киевского князя.

«В лето 6584. Ходи Володимер, сын Всеволожь, и Олег, сын Святославль, ляхом в помощь на чехы», — сообщает летопись о союзнической акции древнерусских и польских феодалов⁶⁵. Владимир Мономах, один из руководителей похода, в своем «Поучении» уточняет: «Та посла мя Святослав в Ляхы; ходив за Глоговы (Глоггов — город в Силезии. — А. Г.) до Чешьскаго леса, ходив в земли их 4 месяца»⁶⁶. До недавнего времени в литературе этот поход датировался суммарно 1076 г., но В. А. Кучкин высказал обоснованное мнение, что военное выступление русских князей началось в сентябре 1075, а закончилось в феврале 1076 г., то есть фактически происходило не в 6584, а в 6583 г.⁶⁷

Т. Войцеховский, изучая историю конфликта Польши с Германией и Чехией, обратил внимание на сообщение Ламберта Герсфельдского о внезапном уходе армии Генриха IV из Саксонии в Чехию в конце августа — начале сентября 1075 г., однако не смог объяснить причины этого ухода, видимо, потому что относил поход русско-польского войска к 1076 г.⁶⁸ Вероятно, Болеслав II Смелый, узнав о неудаче восставших саксонских феодалов 9 июня 1075 г. на реке Унструт, срочно обратился за помощью к русским союзникам и совершил вместе с ними нападение на Чехию.

Сопоставление материала немецкой хроники и данных древнерусских источников уточняет дату начала военного предприятия, — не в сентябре, как считает В. А. Кучкин, а во второй половине июля — первой половине августа 1075 г. Нападение русской и польской дружин на Чехию и вынудило Генриха IV отказаться продолжать противоборство в Саксонии, где он мог без труда завершить разгром противника, и спешно направиться в Чехию. Это отвлечение сил императора и его сторонников от мятежной Саксонии имело определенное положительное значение в борьбе антиимперских сил в Центральной Европе. Так, вскоре после похода папа Григорий VII отлучил Генриха IV от церкви, в Германии оппозиционные императору силы провозгласили антикоролем Рудольфа Швабского, а князь Болеслав добился к концу 1076 г. провозглашения его королем, что способствовало укреплению международного авторитета Польского государства.

В историографии на основании непроверенной информации из «Истории Российской» В. Н. Татищева, почерпнутой из какой-то поздней летописи⁶⁹, делается вывод о неудаче русско-польского

похода. На наш взгляд, ближе к истине русский историк М. Э. Шайтан и современный польский исследователь Т. Грудзиньский, которые считают, что рассматриваемая военная акция завершилась успешно для Кракова и Киева, отмечают, что благодаря этому стала возможной коронация Болеслава Смелого⁷⁰.

Следует обратить внимание на то, что Изяслав Ярославич, прибыв в Германию, быстро сориентировался в конфликте между папой и императором и, понимая нереальность получения помощи от Генриха IV, не стал дожидаться возвращения германского посольства из Руси. В начале весны 1075 г. в Рим прибыл сын Изяслава Ярополк, который обратился к Григорию VII с просьбой помочь отцу вернуть киевский стол. Ярополк обещал передать Русь под покровительство престола св. Петра. Это предложение, подкрепленное переходом Ярополка в католичество, не могло не привлечь папу к проблемам далекой от Италии Руси⁷¹.

В исторической литературе иногда преувеличивается угроза, которая якобы исходила от переговоров Ярополка с папой, для внешнеполитического суверенитета Руси⁷². Подобные колебания между Римом и Константинополем как религиозными центрами были характерны для многих европейских государств средневековья — Венеции, Хорватии, Венгрии, Болгарии и других, были связаны с их внешнеполитической деятельностью и не задевали международные интересы этих стран⁷³. Тем более нет оснований думать, что единичный эпизод относительно активных контактов римской курии с русскими династами, к тому же лишенных реальной политической власти, мог отразиться на внешнеполитическом положении отдаленного Древнерусского государства.

В апреле 1075 г. Григорий VII написал письма к Изяславу Ярославичу и Болеславу II Смелому. В первом послании римский понтифик обещал помощь русскому князю в возвращении киевского стола. В письме к польскому правителю, уделив основное внимание реформе польской церкви, папа выразил недовольство захватом Болеславом казны русского князя и настаивал на ее возвращении потерпевшему⁷⁴.

В историографии распространено мнение, что возвращение Изяслава в Польшу из Германии тесно связано с этими посланиями, а последовавшая после этого реставрация русского князя на киевском столе была осуществлена краковским двором при прямом воздействии римской курии⁷⁵. Эта точка зрения требует, однако, серьезного уточнения. Польша в период правления Болеслава II вела борьбу не за реализацию церковно-политических планов папства, а исходя из собственных расчетов⁷⁶. Нельзя согласиться и с мнением, что отказ Болеслава II помочь Изяславу весной 1075 г. привел к разрыву русско-польского союза⁷⁷. Важно обратить внимание на то, что папа Григорий VII, будучи трезвым политиком⁷⁸, вряд ли хотел отвлекать силы своего главного союзника от борьбы в Центральной Европе, о чем прямо свидетельствует текст его письма к Болеславу II, где нет ни единого слова о возвращении Изяслава в Киев.

Не влияние папства, а собственные планы вынудили Болеслава II Смелого на рубеже 1076/77 г. вновь обратить внимание на события в Древнерусском государстве. Благоприятные русско-польские отношения в предшествующее время имели большое значение для активизации политики краковского двора в Центральной Европе, способствовали провозглашению королем Болеслава II Смелого, восстановлению архиепископата в Польше. Разумеется, новый польский король и его окружение были заинтересованы в поддержании добрососедских связей с восточным соседом Польши и в дальнейшем.

В декабре 1076 г. в Киеве неожиданно умирает князь Святослав, и великокняжеский стол становится вакантным. В этих условиях краковский двор решил вновь оказать поддержку дружественному Польше правителю, в связи с чем Болеслав II «вспомнил» о своем родстве с Изяславом. Всеволод Ярославич, брат Изяслава, в условиях ожесточенных усобиц с младшими представителями княжеской династии — Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем — не имел реальных сил для удержания двух крупнейших центров Руси — Киева и Чернигова. Столичное боярство испытывало большие симпатии к Изяславу, который сохранял юридическое право старшего из Ярославичей для занятия киевского трона. Благоприятная обстановка сделала излишним личное участие Болеслава в экспедиции на Русь. Польский король ограничился поддержкой русского князя вооруженным отрядом⁷⁹. Как показали дальнейшие события, этот отряд оказался в роли почетного эскорта, так как до военных действий между Ярославичами дело не дошло. Всеволод, нуждавшийся в сильном союзнике, но отнюдь не в новом противнике, встретившись с Изяславом на Волыни, без особых возражений вернул Киев старшему брату⁸⁰. Эти факты свидетельствуют о том, что не только папа Григорий VII, император Генрих IV, но и польский король Болеслав II не смогли оказать решающего воздействия на развитие внутрисполитических событий на Руси в середине 70-х годов XI в.

3. Русско-польские отношения в последнем двадцатилетии XI в.

Серьезные перемены в социально-экономическом развитии Руси и Польши, связанные прежде всего с процессом феодализации на местах, приводят в 80—90-х годах XI в. к значительным изменениям в политической жизни двух стран, а именно: к усилению тенденций к феодальной раздробленности, увеличению внутрисполитических конфликтов в древнерусском и польском обществах.

В Древнерусском государстве после смерти летом 1078 г. Изяслава верховным князем становится последний представитель былого «триумvirата» — Всеволод, который правил в Киеве до 1093 г. И хотя княжение Всеволода Ярославича непрерывно продолжалось пятнадцать лет, политическая обстановка в стране

характеризовалась постоянными межкняжескими столкновениями, в ходе которых наиболее серьезными противниками Всеволода оказались сыновья Изяслава Ярославича Ярополк и Святополк, наследник Святослава Олег, а также правитель Полоцкого княжества Всеслав Брючиславич.

Князья Изяславичи, державшие крупнейшие владения — Новгородскую и Волынскую земли, стремились ограничить влияние киевской администрации в своих княжествах, а в перспективе не отказывались и от притязаний на столицу Древнерусского государства. В противоборстве с верховным князем Руси Всеволодом и его сыном Владимиром Мономахом эти князья, в первую очередь Ярополк, использовали традиционные внешнеполитические связи «дома Изяславичей», в том числе союз с Польшей. Но происшедший в 1079 г. в этой стране государственный переворот, в результате которого был изгнан в Венгрию Болеслав II Смелый, привел к крупным переменам во внешнеполитическом курсе краковского двора, негативно отразился на отношениях двух славянских государств.

Анализ политических контактов Руси и Польши в последнем двадцатилетии XI в. тесно связан с политической историей Польского государства того времени. В литературе под влиянием исследований Т. Войцеховского данный период освещается как начало феодальной раздробленности в Польше, полного отказа краковской дипломатии от каких-либо внешнеполитических инициатив⁸¹. Однако такая трактовка внутрисполитического и международного положения западнославянского государства представляется упрощенной. Изучение сохранившихся источников, которые, к сожалению, носят весьма фрагментарный характер, позволило Г. Лябуде, И. Довяту и другим ученым утверждать, что исторические процессы в Польше последней четверти XI в. носили значительно более сложный и противоречивый характер и отражали борьбу централизирующих и децентрализирующих тенденций социально-политического развития феодального общества⁸². Прежде всего данный период следует рассматривать не как начало эпохи феодальной раздробленности, а как период ослабления центральной власти, что было характерно для отдельных этапов политической истории раннефеодального государства. Сложная внутрисполитическая обстановка, противоборство различных группировок, стремившихся к установлению контроля над новым князем Владиславом-Германом (1079—1102 гг.), отличавшимся политической безынициативностью, приводит к частым изменениям не только во внутренней жизни Польши, но и в ее внешней политике.

В конце 70-х — первой половине 80-х годов правящие круги Польши стали поддерживать германского императора. В то же время краковский двор отказался предпринимать какие-либо активные внешнеполитические акции. Такой резкий поворот был осуществлен Владиславом-Германом под давлением крупных феодалов — участников переворота 1079 г., а также из-за боязни перед возможной реставрацией Болеслава II (умер в изгнании в

1081 г.). Польское правительство разорвало союз с близким Болеславу II венгерским королем Владиславом. Был заключен брак нового польского правителя с чешской княжной. Владислав-Герман отказался от королевской короны, что создавало условия для нормализации отношений с Чехией и Германской империей⁸³. Все эти обстоятельства способствовали и резкому ухудшению русско-польских связей. Источники тех лет умалчивают о контактах двух стран. Внутренние распри на Руси привели к общему ослаблению внешнеполитической активности восточнославянского государства.

В середине 80-х годов XI в. в отношениях двух государств наметились серьезные перемены. В Польше под воздействием широких слоев средних и мелких феодалов, недовольных падением международного авторитета государства, правящие круги, постепенно преодолев внутривластическое противоборство, вернулись к курсу Болеслава II Смелого. В 1086 г. из изгнания приехал сын Болеслава Мешко, с именем которого польские феодалы связывали свои надежды на укрепление международного положения страны и в лице которого видели возможного претендента на княжеский стол⁸⁴. В то же время налаживаются контакты краковского двора с Венгрией, ведутся поиски союзников на Руси и одновременно резко ухудшаются отношения с Германией и Чехией. В 1086 г. на съезде в Майнце император Генрих IV даже объявил пражского князя Вратислава королем Чехии и Польши, причем для юридического подтверждения прав чешского монарха на польские земли была использована учредительная грамота Пражской епископии, в состав которой, как выше отмечалось, в 973 г. входили земли Малой Польши⁸⁵.

Необходимо отметить, что союзником краковского двора стали Изяславичи. Верховный киевский князь Всеволод с середины 80-х годов, напротив, установил тесные связи с противником Польши — германским императором Генрихом IV, за которого в 1089 г. была выдана замуж русская княжна Евпраксия Всеволодовна⁸⁶. Это обстоятельство осложнило развитие контактов Руси и Польши.

В 1084 г. сыновья князя Ростислава Ярославича, державшие Перемышльскую и Теребовльскую земли, в результате конфликта с волынским князем Ярополком изгнали его из Волыни. В это столкновение, по приказу Всеволода Ярославича, вмешался Владимир Мономах, который восстановил права Ярополка на волынский стол. Однако уже на следующий год волынский правитель выступил против киевского князя. В тексте «Повести временных лет» нет прямых указаний на обстоятельства, вызвавшие усобицу. Возможно, что в 1084 г. киевской администрацией были ущемлены интересы Ярополка. Вероятно, причина этого нового столкновения — не только передача Давыду Игоревичу города Дорогобужа, который входил в сферу влияния Волыни, но и сохранение фактического управления в Перемышле и Теребовле враждебных Ярополку Ростиславичей с согласия киевского двора⁸⁷.

«В лето 6593,— сообщает «Повесть временных лет»,— Ярополк же хотяше ити на Всеволода, послушав злых светник. Се

уведав, Всеволод посла противу ему сына своего Володимера. Ярополк же, оставив мать свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхы»⁸⁸. Возникает вопрос: кто были эти «злые советники» Ярополка. А. Н. Насонов полагает, что ими были представители местного волынского боярства⁸⁹. Вполне возможно также, что Ярополк установил в то время какие-то контакты с краковским двором. В пользу этого свидетельствуют не только место бегства князя, но и некоторые последующие события.

В 1086 г., как сообщает летопись, «приде Ярополк из Ляхов, и створи мир с Володимером»⁹⁰. Видимо, соглашение с Мономахом, в результате которого Ярополк, недавний соперник Киева, вновь получил свои владения, было подписано киевским двором из-за поддержки Изяславича польскими феодалами. Во время пребывания в Польше между сторонниками Мешко Болеславича и Ярополком велись переговоры, в ходе которых стороны договорились поддерживать друг друга. На основании установившихся союзнических отношений волынскому князю, очевидно, и была оказана военная помощь. Эту помощь должен был, вероятно, использовать Ярополк и в борьбе с Ростиславичами, войну с которыми он начал сразу по возвращении на Волынь. Однако довести ее до конца не сумел⁹¹, так как погиб во время военных действий.

Союзнические отношения Руси и Польши продолжали развиваться и после смерти Ярополка. Так, в 1088 г. контакты «дома Изяславичей» с краковским двором были скреплены браком княжны Евдоксии и Мешко Болеславича⁹². Лидером княжеского дома после смерти Ярополка стал его брат Святополк, который в том же 1088 г., очевидно без санкции верховного киевского князя, переезжает из Новгорода в Туров («Иде Святополк из Новагорода к Турову жити»⁹³). Князь стремился продолжить борьбу старшего брата за укрепление в западной части Руси позиций Изяславичей. Желая сохранить и в дальнейшем дружественные отношения с польской династией Пястов, Святополк поддержал соглашение с Польшей о матримониальном союзе, которое первоначально, видимо, было согласовано с Ярополком.

Таким образом, в 80-х годах XI в. наметилась тенденция к установлению тесных политических связей между краковским и волынским дворами, направленных против Ростиславичей. В 90-х годах Владислав-Герман поддерживал хорошие отношения с Давыдом Игоревичем, занявшим волынский престол после Ярополка. Краковский двор находился в конфликте с теребовльским и перемышльским князьями. Однако наметившийся военно-политический союз Пястов с Волынью практически не состоялся. Это объясняется не только большей политической нестабильностью в юго-западных землях Руси (на ее появление в первую очередь оказывало большое воздействие соперничество двух союзников Польши — туровского князя Святополка и волынского — Давыда), но и новым поворотом в политической истории западнославянского государства.

В 1088—1089 гг. к власти в Польше пришла группировка знати во главе с палатином великокняжеского двора Сецехом, который пользовался значительной поддержкой новой польской княгини Юдифи, дочери императора Генриха IV. В исторической литературе часто высказывается мнение, что Сецех занял ведущую роль в политической жизни Польши сразу после переворота 1079 г.⁹⁴, однако в хронике Галла Анонима показано, что возвышение этого политического деятеля началось в конце 80-х годов⁹⁵. Новая правящая группировка оттеснила сторонников Мешко Болеславича, отравленного в 1089 г. приближенными палатина. О власти Сецека свидетельствуют монеты, которые чеканились с его именем. Палатин, придя к власти, стремился подчинить своему контролю несовершеннолетних сыновей Владислава-Германа — Збигнева (родился от незаконного брака) и Болеслава и даже, как сообщает Галл Аноним, предпринял попытку расправиться с ними⁹⁶.

Внешнеполитический курс Польского государства с 1088—1089 до 1092—1093 гг. можно охарактеризовать как компромиссный. Правительство Сецека в то время стремилось сохранить хорошие отношения как с Германией и Чехией, так и с Венгрией, а также осуществило походы (в 1090—1091 гг.) против поморских племен, которые в правление Болеслава II Смелого вышли из-под контроля Польши. В 1093 г. в Польском государстве вспыхивают междоусобные войны, которые фактически продолжались до конца правления Владислава-Германа и были связаны с борьбой сторонников Збигнева и Болеслава против узурпировавшего власть палатина. Эти войны приводят к ослаблению внешнеполитической активности Польши, в том числе и ее отношений с восточным соседом.

Русско-польские связи 90-х годов XI в. осуществлялись в условиях внутривосточных конфликтов в юго-западных районах Руси. Это обстоятельство вынудило польский двор поддерживать контакты фактически не с одним, а по крайней мере с тремя политическими центрами, то есть появившаяся в 80-х годах во внешней политике Древнерусского государства тенденция к полицентризму получила дальнейшее развитие в следующем десятилетии. Причем характер взаимоотношений с каждым из центров Руси был различен. С Волынью, а с середины 90-х годов и с Киевом (с приходом к власти в столице Руси Святополка Изяславича) краковский двор стремился развивать, и не без успеха, нормальные отношения, которые уже не имели во внешней политике Польского государства такого веса, как его связи с Русью в 60—70-х годах XI в. В то же время конфронтация с теребовльским и перемышльским князьями Ростиславичами в 90-х годах достигает своего апогея.

Под 1092 г. в «Повести временных лет» имеется краткое упоминание: «В се же лето воеваша половци ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ»⁹⁷. Материал других источников также свидетельствует о большой военной активности половецких орд в районе Карпат. Так, о сильном разорении Польши сообщает «Летописец

Переяславля-Суздальского»⁹⁸. О столкновениях того времени половцев с Венгрией имеются данные в венгерских хрониках⁹⁹. Все это подтверждает возможность упомянутого в известии под 1092 г. союза Ростиславичей с кочевниками уже в начале 90-х годов XI в. Не исключено, что, готовя нападение на Польшу, Василько и его союзники половцы воспользовались вспыхнувшей там гражданской войной.

Выяснить характер отношений Ростиславичей и Польши помогает материал «Повести об ослеплении Василька» — эпического произведения, помещенного в текст «Повести временных лет». Посвящая свой труд жестокой расправе Давыда Игоревича и Святополка Изяславича над теребовльским князем Васильком (1097 г.), автор «Повести» галицкий дружинник Василий не мог обойти молчанием важный для Юго-Западной Руси вопрос отношений ее князей с Польшей. В «Повести» рассказывается о том, что Василько даже после того, как его ослепили, хотел обратиться за помощью против Польши не только к кочевникам и брату Володарю, но и к Давыду, что говорило об остроте антагонизма Теребовльского княжества с западным соседом: «И рекох в уме своем: оже ми будут берендичи, и печенези, и торци, реку брату своему Володаревии Давыдови: дайта ми дружишу свою молотшою, а сама пийта и веселитася. И помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лето и возму землю Лядскую, и мьшу Русьскую землю»¹⁰⁰. Содержание «Повести» свидетельствует о сильной тенденциозности ее автора, который, помимо основной цели — прославления своего сеньора Василька, стремится оправдать его постоянные контакты с кочевниками, которые разоряли южнорусские земли. В связи с этим автор основное внимание стремится акцентировать на том «зле», которое, по его мнению, сделали поляки «Русьской земле».

М. Э. Шайтан и В. Т. Пашуто, опираясь на данные древнерусских источников, предполагают активную восточную политику Польского государства в конце XI в.¹⁰¹ Сопоставление материалов летописей и «Повести об ослеплении Василька» со сведениями из хроники Галла Анонима дает основание сделать другой вывод. Рассказывая о подвигах своего героя Болеслава, сына Владислава-Германа (1099—1100 гг.), польский хронист пишет о большом вторжении половцев, отряды которых «по своему обыкновению» распространились по Польше, что свидетельствует о частых нападениях половцев на западнославянское государство, приводивших к значительному разорению его юго-восточных районов¹⁰². Такие походы не могли происходить без поддержки или участия Ростиславичей, через земли которых проходили маршруты половцев на запад.

О конфликте Ростиславичей и Польши, на наш взгляд, свидетельствует также фрагмент из «Жизнеописания Оттона, епископа бамбергского», которое было написано в конце 50-х годов XII в. немецким монахом Гербордом. В отрывке автор, касаясь событий русско-польских отношений рубежа XI—XII вв., повествует о том,

что русский «король» и его приближенные находились во враждебных отношениях с Польшей, однако позже заключили династический союз и даже оказывали помощь полякам¹⁰³. Сопоставляя эти известия с данными других источников, немецкий историк Р. Репель, справедливо увязав указанный Гербордом матримониальный союз с браком Болеслава III Кривоустого (1102—1138 гг.) и Збыславы, дочери киевского князя Святополка Изяславича, высказал предположение о том, что накануне этого события между Польшей и Русью шла война¹⁰⁴. Однако последний вывод, к которому присоединился польский историк конца XIX в. А. Малецкий¹⁰⁵, вызвал возражения у многих исследователей, справедливо указавших на отсутствие в источниках фактов о враждебных отношениях между киевским и краковским князьями¹⁰⁶. Думается, что у писавшего спустя полвека на основании полученной из вторых рук информации Герборда произошло смешение двух правителей, а именно: киевского князя (когда шла речь о браке Болеслава и русской княжны) и Володаря Ростиславича (когда он сообщал о сложных отношениях русского «короля» с Польшей). В пользу этого свидетельствует тот факт, что, упоминая о похищении Володаря, немецкий автор называет перемышльского князя тем же титулом, что и Святополка, — «король русских» (*rex Ruthenorum*)¹⁰⁷. В западноевропейской дипломатической практике данный титул применялся по отношению к независимому, суверенному государю. Володарь действительно практически не зависел от верховного древнерусского монарха.

«Повесть об ослеплении Василька» рассказывает и о политических контактах волынского и киевского князей с Краковом. Расправа над Васильком вызвала сильное возмущение среди русского правящего класса, чем воспользовались противники Давыда и Святополка во главе с Мономахом. Под давлением обстоятельств киевский князь в таких условиях был вынужден обещать, что накажет волынского князя, непосредственного организатора преступления. Однако опасаясь преследований, князь бежал из Руси и нашел убежище в Польше, у Владислава-Германа. Несколько позже Святополк также отправился на запад, где у города Берестья при посредничестве польского монарха состоялись переговоры между киевским и волынским князьями¹⁰⁸. В литературе роль Польши в этом эпизоде традиционно преувеличивается, на что косвенно влияют многочисленные подробности в «Повести об ослеплении Василька»¹⁰⁹. Однако в действительности роль польской стороны в переговорах 1098 г. была незначительной, поэтому нет оснований увязывать с ними, как это делает Б. Влодарский, установление русско-польского союза начала XII в.¹¹⁰

Завершая характеристику русско-польских отношений в конце XI в., следует отметить, что на их развитие, как и в 80-х годах XI в., серьезное воздействие оказали феодальные усобицы, происходившие как на Руси, так и в Польше, что закономерно привело к ослаблению политических контактов двух государств. Внутрифеодальные войны на Руси ослабили восточнославянское государство

перед лицом усилившейся военной опасности со стороны кочевников. Начавшаяся в первые годы XII в. под руководством Святополка Изяславича и Владимира Мономаха борьба с половцами объективно была весьма важной для Польского государства. Усиление централизаторских тенденций в Польше, ослабление феодальных столкновений на Руси создали в то же время условия для расширения связей между двумя странами, возобновления военно-политического союза крупнейших славянских государств.

4. Русь и Польша в первой трети XII в.

События последнего десятилетия XI в. на Руси и в Польше ярко продемонстрировали рост центробежных сил, которые проявились прежде всего в феодальных усобицах, выделении независимых и полузависимых от великокняжеской власти удельных центров. Однако тенденция к единству на рубеже XI—XII вв. еще оставалась значительной, что привело в первой трети XII в. к воссозданию относительного единства изучаемых нами раннефеодальных государств.

На Руси в конце XI — начале XII в. политическая власть сконцентрировалась в руках киевского верховного князя Святополка и переяславского князя Владимира Мономаха. Несколько позже, в 20—30-х годах XII в., Мономах и его сын Мстислав восстановили относительно единоличную власть киевского князя практически над всеми восточнославянскими землями. При этом следует отметить, что верховный монарх Руси был вынужден считаться с правами его вассалов, удельных правителей на местах.

В Польше в конце XI в. после разгрома Сецеха и его сторонников сложились две группировки, возглавляемые сыновьями Владислава-Германа, которые после смерти отца в 1102 г. вступили в полосу междоусобиц. Противоречия внутри феодального класса в Польше и на Руси вызвали потребность в союзниках за границей, создали условия для складывания русско-польского союза, который при наличии нескольких политических центров в каждом из государств носил в известной мере полицентрический характер. Последнее обстоятельство в условиях ожесточенного внутривнутриполитического противоборства придавало русско-польским отношениям неустойчивый характер.

Политические группировки, ведущие борьбу за власть в Польше, отличались довольно существенно своими политическими планами. Первая из них, во главе со Збигневом, состояла в основном из сторонников децентрализации, пассивной внешней политики, опиралась на международной арене на традиционных противников сильного Польского государства — германских и чешских феодалов, поморскую знать. Лагерь Збигнева не был прочным, так как вскоре значительная часть польской знати, примкнувшая первоначально к его группе, обеспокоенная тесными связями своего лидера с такими заграничными «союзниками», покинула его и перешла на сторону Болеслава III Кривоустого, который возглавлял

другую партию. Программа Болеслава и его окружения, стремившихся укрепить международное положение Польши, восстановить устойчивую центральную власть, нашла широкую поддержку среди не только рыцарства, но и многих магнатов¹¹¹.

Смерть Владислава-Германа летом 1102 г. ускорила развязывание конфликта между братьями. Понимая неизбежность столкновения с лагерем Збигнева, группировка Кривоустого, в котором, видимо, главную роль играли краковский епископ Балдвин и воевода Скарбимир, стремилась установить тесные связи с Русью и Венгрией. В 1103 г. между дочерью киевского князя Святополка Збыславой и Болеславом были оформлены брачные отношения.

Обе стороны, очевидно, были заинтересованы в союзе. Русская княжна покинула Киев 11 ноября 1102 г., то есть спустя всего пять месяцев после смерти Владислава-Германа¹¹². Галл Аноним, известный своей нерасположенностью к русским, был вынужден в связи с этим даже подчеркнуть значение данного брака для Польши. Краковское правительство, сообщает польский хронист, послало в Рим специальное посольство во главе с Балдвином, которое для получения разрешения заключить брак между близкими родственниками выдвинуло в качестве важнейшего аргумента его «необходимость... для родины»¹¹³. Согласие папы Пасхалия II указывает на особую заинтересованность римской курии в установлении союза Польши с Русью, который мог сыграть положительную роль в борьбе папства с Германской империей.

Збигнев и его сторонники, видимо, осознавали, против кого был направлен союз Болеслава с киевским князем. Поэтому они обратились за помощью к чехам, которые напали на принадлежащую брату Силезию¹¹⁴. В ходе ожесточенных военных действий в 1105—1106 гг. Кривоустый, ощущая, вероятно, недостаток в собственных силах, попросил поддержку у киевского князя и венгров¹¹⁴. Поддержка союзников способствовала тому, что в конце 1106 г. Болеслав разгромил Збигнева, который после этого, согласно сведениям Галла Анонима, «переплыл реку Вислу»¹¹⁵, то есть побежденный князь отправился на восток. Под 1106 г. киевский летописец сообщает: «Прибеже Избигнев к Святополку»¹¹⁶. Збигнев пытался в столице Руси добиться расстройства союза Святополка с Кривоустым, однако этого ему сделать не удалось. Более того, русские отряды во главе с сыном киевского князя Ярославом вскоре вновь прибыли в Польшу и вынудили Збигнева подчиниться брату. «Тогда же,— пишет польский хронист,— Збигнев, придя в отчаяние, под влиянием Ярослава, князя русского, и Балдина, епископа краковского, явился к брату, обещая выполнить все его требования и повиноваться ему»¹¹⁷.

В исторической литературе обычно принижается значение этого договора для Болеслава Кривоустого, помощь русских союзников этому польскому князю¹¹⁸. Однако, на наш взгляд, деятельность волынского князя Ярослава Святополковича способствовала укреплению позиций Болеслава III, который после соглашения со

Збигневом становится фактически единоличным правителем Польши¹¹⁹.

Среди историков существуют определенные разногласия по вопросу о времени заключения соглашения между братьями. Ряд исследователей относят его к 1106 г.¹²⁰ По-видимому, правильна точка зрения Л. М. Поповой, которая датирует событие 1107 г.¹²¹ В разделе 37 книги II польской хроники рассказывается о неудаче князя в войне с Кривоустым, его переправе через Вислу. По данным следующего раздела хроники, Збигнев покинул страну, очевидно, отправившись на Русь, что подтверждает цитированное выше известие «Повести временных лет» под 1106 г., и только спустя некоторое время вновь появляется на территории соседней с Русью Мазовии. Путешествие Збигнева на Русь произошло в конце 6614 г., то есть зимой 1106/07 г., а значит, мир между противниками был подписан весной — летом 1107 г.¹²²

В 1108 г., воспользовавшись войной, которую вел Болеслав III в Поморье, Збигнев снова начал враждебные действия против брата. И как и ранее, помощь правителю Польши оказали отряды русских и венгерских феодалов, которые сыграли значительную роль в окончательном разгроме противника Кривоустого¹²³.

Усиление внутреннего и международного положения Польши, наметившееся после окончания внутренней войны в стране, привело к обострению отношений краковского двора с Германской империей. В 1109 г. германский император Генрих V совершил нападение на Польшу. В сложных условиях вражеского вторжения в страну польский князь в очередной раз обратился за поддержкой к союзникам, о чем есть сведения в хронике Галла Анонима¹²⁴. К. Малечинский и Б. Влодарский полагают, что только на основании упоминания в средневековом памятнике о приглашении в Польшу союзников нельзя говорить о помощи русских и венгерских феодалов польскому двору¹²⁵. На наш взгляд, такая позиция исследователей требует уточнения. Галл Аноним писал о приглашении русских и венгерских отрядов как о привычном явлении, которое не требовало каких-либо дополнительных комментариев. Наоборот, если бы помощь не была оказана, тогда польский хронист обязательно обратил внимание на нарушение союзнического долга. Поэтому мы разделяем мнение тех ученых, которые признают помощь русских союзников Польше в отражении германских феодалов в 1109 г.¹²⁶

Русско-польские взаимоотношения имели еще одну область интересов — Прибалтику, о чем свидетельствуют древнерусские и польские источники. В 1112 г. «Ярослав ходи на Ятвязи, сын Святополк, и победи», — пишет летописец¹²⁷. Тесно с этим известием переплетается другое известие: «В лето 6621 (1113 г.— А. Г.). Ходи Ярослав, сын Святополчъ, на Ятвягы второе, и победи я»¹²⁸. Между тем Галл Аноним сообщает о двух походах Болеслава Кривоустого в Прибалтику¹²⁹. В. Т. Пашуто высказал предположение о возможной согласованности действий польских и русских феодалов против прусских племен. К сожалению, ученый не

рассмотрел хронологию упомянутых Галлом походов, ссылаясь на сложность ее установления¹³⁰. Л. М. Попова в комментариях к хронике отмечает, что второй поход польской дружины в Пруссию произошел зимой 1110/11 г.¹³¹ Можно определить датировку и первого похода Кривоустого на пруссов. Польский хронист сообщает нам о нем после рассказа о перемирии Болеслава со Збигневом, которое произошло, как выше отмечалось, в первой половине 1107 г., и перед описанием войны польского правителя с моравами в 1108 г. Это дает основание предполагать, что поход произошел во второй половине 1107 — первой половине 1108 г. Информация Галла Анонима о борьбе польских феодалов с пруссами дополняется известием Свентокжичских анналов, которые сообщают: «1115. Болеслав третий Пруссию разорил»¹³². К. Малечинский высказал мнение, что этот поход был осуществлен в 1114 г.¹³³ Хронологическая близость второго и третьего походов Болеслава с военными предприятиями Ярослава Святополковича*, основного союзника польского князя в борьбе с внутренними противниками и агрессией извне, фрагментарность данных источников о войнах Руси и Польши с прусскими племенами подтверждают предположение В. Т. Пашуто о русско-польском сотрудничестве в Прибалтике.

В 1113 г. в ходе бурных политических выступлений после смерти Святополка Изяславича главный стол Руси занял Владимир Мономах, получивший большую поддержку столичного боярства, которое в сложных условиях городского восстания сделало ставку на сильного переяславского князя¹³⁵.

К середине второго десятилетия XII в. новый киевский монарх добился значительных успехов в укреплении власти на Руси. Единственный серьезный его противник — Ярослав Святополкович — должен был больше думать о сохранении Волыни, чем о претензиях на Киев. Новая расстановка сил в Древнерусском государстве вызвала значительные перемены в его внешней политике, в частности отразилась на развитии русско-польских отношений. В это время складывается ситуация, во многом напоминающая историю русско-польских отношений 80-х годов XI в. После смерти верховного правителя Руси союзником Польши становится не новый киевский, а сравнительно слабый волынский князь, который, опираясь на сложившиеся в первые годы XII в. отношения с Краковом, мог рассчитывать на поддержку польских феодалов. Другим важным фактором, вынудившим правительство Болеслава III Кривоустого обратить внимание на обстановку в Древнерусском государстве, были складывающиеся контакты Киева с Ростиславичами, потенциальными соперниками Польши. Следует отметить, что возможный конфликт с великим киевским князем в условиях сложной внутривосточной (бунт палатина Скарбимира против Болеслава) и международной (война в Поморье, про-

* Ярослав Святополкович был близким родственником Болеслава, так как, помимо брака последнего со Збыславой, волынский князь вступил в первом десятилетии XI в. в брачный союз с сестрой Кривоустого¹³⁴.

тивоборство с Германией и Чехией) ситуации не был желанным для Польского государства. Эти обстоятельства наложили определенный отпечаток на отношение польского правительства к вспыхнувшей в конце второго десятилетия XII в. феодальной войне в юго-западных районах Руси. Основной материал о событиях этого времени находится в сообщениях Ипатьевского и Лаврентьевского летописных сводов, сведения которых дополняют друг друга¹³⁶.

В 1117 г. Владимир Мономах и его союзники, среди которых были Ростиславичи, совершили поход на Волынь, который завершился для этой коалиции неудачно. Между противниками было подписано соглашение, по которому Ярослав сохранял свои владения, но признавал власть киевского верховного князя¹³⁷. Киево-волыньское соглашение не удовлетворило ни Владимира, который стремился к полному непосредственному владению Волынью, ни Ярослава, не желавшего подчиниться киевскому князю. В 1118 г., видимо, не без влияния Мономаха, против Ярослава начинают мятеж волыньские бояре, в результате которого Святополкович покинул Русь и бежал в Венгрию. Бегство волыньского князя в Венгрию, а не в Польшу следует объяснить политическими трудностями, которые испытывал польский князь в связи с подавлением бунта Скарбимира и войной польских феодалов в Поморье¹³⁸. В 1119 г., не найдя поддержки у венгерского короля, Ярослав Святополкович прибывает в Польшу¹³⁹. Активизация Мономаха на Волыни, его тесные связи с перемышльским и теребовльским князьями Ростиславичами заставляют польского князя оказать военную помощь родственнику.

В 1120 г. летопись сообщает: «Тогда же посла Володимер Андрея (сын Мономаха.— А. Г.) с погаными на Ляхы и повоеваста е»¹⁴⁰. Это свидетельствует, скорее всего, об ответной акции киевского князя на военные действия, начавшиеся на русско-польском пограничье в конце 1119 г. В 1121 г. между противниками вновь происходит военное столкновение («приходи Ярослав с Ляхы к Чьрьвну при посадничи Фоме Ратиборичи и воротишася опять не вспевше ничто же»¹⁴¹). К борьбе против Польши Владимир Мономах привлек кочевников-«поганых».

В военных действиях 1119—1121 гг. приняли участие и Ростиславичи, которые традиционно были заинтересованы как в противостоянии Польше, так и в распространении своего влияния на Волынь. Участие перемышльско-теребовльских князей в коалиции Мономаха, их значительное влияние на обстановку в юго-западных районах серьезно беспокоили польский двор, заставили его отказываться от «обычных» способов ведения борьбы. В 1122 г. по заданию Болеслава Кривоустого воевода Петр Власт организовал похищение перемышльского князя Володаря Ростиславича. «В то же лете яша Ляхове Володаря Василкова брата», — лаконично сообщает об этом русская летопись¹⁴². Более подробно об этом событии пишет немецкий хронист Ортлиб Цвифальтенский: «Совершил (Петр Власт.— А. Г.) также грех величайшего веро-

ломства, а именно: некоего короля Руси, враждовавшего с его сеньором, князем поляков, своим коварством обманул; после того, как дал ему присягу и перешел к нему на службу и стал поддерживать его сына, его же (русского государя, то есть Володаря.— А. Г.) коварно, в результате заговора, выдал в руки врагов, которые присудили его к большому выкупу»¹⁴³.

О похищении галицкого князя есть ряд свидетельств и в других источниках, однако главным для исследователей, несмотря на определенную тенденциозность, является подробная информация хроники Винцентия Кадлубека, в которой, в частности, отмечается большая опасность Ростиславичей для Польши¹⁴⁴.

Захват русского князя польскими феодалами ослабил позиции Мономаха в юго-западных районах Руси, так как родственники Володаря, помимо выплаты крупного выкупа полякам, были вынуждены разорвать союз с киевским правителем и, вероятно, в обмен на освобождение Ростиславича — перейти на сторону Ярослава Святополковича¹⁴⁵. В следующем 1123 г. на территорию Волыни вторглась армия, в которой Ярославу удалось объединить польских воинов, чешских и венгерских наемников, а также отряды Володаря и Василька Ростиславичей. Спешно подготовленное нападение быстро закончилось неудачей. Во время осады Владимира-Волынского руководитель похода Ярослав Святополкович был убит, а его наспех собранное войско распалось¹⁴⁶.

Вскоре после этих событий вспыхивает конфликт между Польшей и Ростиславичами, о чем сообщает Винцентий Кадлубек, упоминая о нападении русского войска на Вислицу¹⁴⁷. Известие об этом походе вызвало определенные затруднения у историков, потому что в польском источнике, вероятно, в результате описки вместо имени Володаря было помещено имя его сына Владимирка. Р. Репель, отказавшись от использования материала Кадлубека, останавливается на аналогичном свидетельстве более поздней хроники Я. Длугоша, утверждая при этом, что поход на Вислицу не мог быть осуществлен. Главными аргументами немецкого историка являются факт смерти перемышльского князя вскоре после освобождения из плена, а также якобы отсутствие в более ранних источниках известий об этом столкновении¹⁴⁸. И. А. Линниченко и некоторые другие исследователи считают, что поход русских дружин на Вислицу имел место не в 20-х, а в 30-х годах XII в., когда на Галичине (историческое название земли-княжества, оформившегося в середине XII в. на базе Перемышльского и Теребовльского княжеств) действительно правил Владимирко, связав известия Винцентия со сведениями венгерских источников о нападениях в то время венгерских отрядов на Вислицу¹⁴⁹. К. Малечинский, Б. Влодарский, Ю. А. Лимонов признают факт похода Володаря, однако опираются не на хронику Винцентия, материал которой первые два автора, подобно И. А. Линниченко, относят к 30-м годам XII в., а на сведения Я. Длугоша¹⁵⁰.

На наш взгляд, все изложенные выше мнения требуют серьезного уточнения. Достоверность сведений Винцентия о походе рус-

ской дружины не вызывает у нас сомнений. Во-первых, реальность события — разорения польского города Вислицы — подтверждается фактом признания его хронистом — апологетом польских князей; во-вторых, по содержанию хроники Винцентия нападение Володаря тесно связано с предшествовавшим ему похищением перемышльского князя, что не дает оснований переносить конфликт из-за Вислицы на более позднее время; в-третьих, представляется искусственной попытка историков связать описанные Кадлубеком события с правлением Владимирка Володаревича, так как в тексте хроники постоянно идет речь об его отце. Сравнение материала Винцентия с данными хроники Длугоша¹⁵¹ приводит к выводу о том, что в текст первого автора вкралась ошибка: вместо имени Володаря было записано имя его сына.

Поход Володаря на Вислицу, ответная акция польских князей на перемышльские земли были последними событиями русско-польского пограничного конфликта конца 10-х — начала 20-х годов XII в. Давая общую оценку противоборству русских и польских феодалов в то время, следует отметить, что оно не имело глубоких причин, не было вызвано какими-то серьезными задачами внешнеполитического курса Руси и Польши и в целом носило локальный характер, хотя, безусловно, наложило определенный негативный отпечаток на развитие отношений двух стран.

С середины 20-х годов обстановка на границе Руси и Польши постепенно нормализуется. Этому в известной степени способствует смерть основных участников конфликта: Ярослава Святополковича, а затем Мономаха и обоих Ростиславичей. Ни пришедший к власти в Киеве в 1125 г. Мстислав, ни польский князь Болеслав III не стремятся больше сохранять друг с другом враждебных отношений. Однако следует сразу отметить, что ни во второй половине 20-х годов, ни в первой половине 30-х годов XII в. мы не наблюдаем каких-либо оживленных дипломатических контактов, как это было, например, в начале XII в. Известно лишь, что в 1126 г. дочь Болеслава III Кривоустого была выдана замуж за муромского князя Всеволода Давыдовича, однако установление этого матримониального союза не дает основания говорить об автоматическом развитии политических контактов между древнерусским и польским княжескими домами¹⁵².

В 30-х годах XI в. в Венгрии развернулись военные действия короля Белы II и претендента на трон Бориса Коломановича, внука Владимира Мономаха. В этот конфликт, судя по фрагментарным сведениям источников, вмешались русские князья из Галичины — Владимирко звенигородский и Ростислав перемышльский, которые, в свою очередь, враждовали друг с другом¹⁵³, а также Польша, Германия, Австрия, Чехия¹⁵⁴.

Звенигородский князь Владимирко оказывал активную поддержку королю Беле против Польши и союзного с ней Бориса Коломановича. Об этой помощи свидетельствует Киевская летопись под 1152 г., в которой рассказывается, что Владимирко, обращаясь в указанном году к сыну Белы Гейзе, говорил: «Яз

отцу твоему досыти послужил своим копием и своими полкы, за его обиду, и с Ляхы ся есмь за него бил»¹⁵⁵. Венгерские хроники отмечают неоднократную помощь русских и поляков Борису Коломановичу против Белы¹⁵⁶. Видимо, русские отряды, воевавшие на стороне Бориса, прибыли от противника Владимирка Ростислава. Успех Белы II в борьбе с Польшей и ее союзниками (1135 г.) способствовал в определенной степени завершению конфликта в Галичине в пользу Владимирка, который к рубежу 30—40-х годов становится единоличным правителем края.

К. Малечинский и Б. Влодарский полагают, что на почве поддержки Бориса устанавливаются политические контакты и между краковским и киевским дворами, однако аргументированные доказательства отсутствуют¹⁵⁷.

Русско-польские отношения 30-х годов XII в., затронув на Руси в основном Галичину, не оказали значительного влияния ни на развитие международной обстановки в Центральной Европе, ни на внутривосточное положение Древнерусского и Польского государств. В литературе встречается предположение о том, что определенные неудачи Болеслава III Кривоустого на съезде в Мерзебурге в 1135 г., где обсуждались вопросы польско-германских отношений, явились следствием вмешательства польских феодалов в дела Руси, но в источниках нет тому подтверждений¹⁵⁸.

С середины 30-х годов XII в. наблюдается новое сближение между княжескими домами, которое проявилось в оформлении двух матримониальных союзов. В 1136 г. Болеслав III отдает замуж дочь Риксу за сына Всеволода Мстиславича Владимира, а в 1137 г. заключается брак Болеслава Кудрявого, сына Кривоустого, и Верхуславы, дочери князя Всеволода¹⁵⁹. Б. Влодарский высказал интересное предположение, что этими матримониальными союзами с Мономаховичами польский князь хотел усилить на случай своей смерти позиции младших сыновей в противовес старшему Владиславу¹⁶⁰. Однако захват власти в Киеве родом Ольговичей в 1139 г., выход этой группировки Рюриковичей на передний план политической жизни Руси осложнили процесс складывания взаимоотношений младших Болеславичей с русскими князьями.

* * *

Анализ русско-польских отношений с середины 30-х годов XI в. до второй половины 30-х годов XII в. позволяет выделить четыре основных этапа их истории, а именно: конец 30-х — 40-е годы XI в., 60—70-е годы XI в., 80—90-е годы XI в., первая треть XII в. В 30—40-х годах оба государства после установления союза проводят ряд совместных внешнеполитических мероприятий, приведших к укреплению их положения на международной арене. С конца 60-х и в 70-х годах в условиях ожесточенной борьбы Польши с Германской империей и Чехией и острых социальных

конфликтов на Руси дружественные связи изучаемых стран не только сохраняются, но и укрепляются. Первые проявления феодальной раздробленности отрицательно отразились на отношениях двух стран в 80—90-х годах, однако и в то время тенденции к заключению военно-политического союза сохранились, что проявилось в первые тринадцать лет XII в., когда между Киевом и Краковом был установлен новый военно-политический союз. Изменение политической ситуации на Руси, связанное с приходом к власти в Киеве Владимира Мономаха, повлекло за собой определенные осложнения на русско-польской границе, которые в целом не оказали серьезного влияния на ухудшение отношений Руси и Польши, о чем свидетельствуют факты их быстрой нейтрализации во второй половине 20—30-х годов XII в.

Все сказанное выше дает основание рассматривать вторую половину XI — первую треть XII в. как время стабилизации русско-польских отношений, их относительного моноцентризма. Основным стержнем в контактах двух славянских стран оставалась проблема сохранения военного и политического союза, а конфликты носили локальный характер.

Усиление тенденций к феодальной раздробленности способствовало установлению полицентрических связей в отношениях Руси и Польши, вызвало рост их конфликтности. Стремление к установлению союза во взаимоотношениях двух государств не исчезает, а резко ослабевает, а сами союзы не имели того веса и монолитности, как в раннефеодальный период.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ДРЕВНЕРУССКИХ И ПОЛЬСКИХ КНЯЖЕСТВ
В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
(40-Е ГОДЫ XII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII В.)**

**1. Изменение характера русско-польских отношений
в 40—70-х годах XII в.**

Достигнутый к 30—40-м годам XII в. уровень развития социально-экономических отношений на Руси и в Польше свидетельствует о вступлении этих двух государств в пору развитого феодализма. Процесс феодализации славянских стран достиг к этому времени такой степени, при которой стало невозможным сохранение, как это было ранее, даже непрочного, номинального государственного единства. Вопрос о государственном устройстве как Руси, так и Польши эпохи феодальной раздробленности вызывает большой интерес у исследователей-марксистов и является предметом значительных дискуссий¹. Как нам представляется, государственное устройство в новую эпоху можно определить как систему (или конфедерацию) феодальных княжеств.

Государственность эпохи феодальной раздробленности, как и раннефеодальная монархия, в ходе эволюции проходит ряд этапов. Для Руси и Польши середины XII в. характерно наличие сеньората — системы управления, когда главный правитель государства (великий князь, или принцепс) сохраняет довольно значительные прерогативы по сравнению с другими феодальными владетелями. Существование системы сеньората объясняется наличием общединастического домена (Киевская земля, Малопольское княжество), экономическим потенциалом родовых владений правившего в столице верховного монарха, общегосударственными тенденциями к централизму, некоторыми правовыми традициями раннефеодального периода, сохранившимися в новую историческую эпоху.

Дальнейшая децентрализация во второй половине XII в. усилила дробление Руси и Польши, способствовала выделению не только крупных, но и мелких (удельных) княжеств. К концу XII в. происходит ликвидация великокняжеской (сеньоральной) власти на Руси и в Польше.

С конца XII и в первой половине XIII в. возникли новые тенденции в общественной эволюции славянских стран, которые в первую очередь проявились в развитии экономических и культурных связей. Отмечая эти новые явления и прежде всего давая оценку роли городов как центров экономических районов, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что в данное время «города вступают в связь друг с другом, из одного города в другой привозятся новые

орудия труда, и разделение между производством и торговлей вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности. Мало-помалу начинает исчезать первоначальная ограниченность»².

Параллельно с указанными внутренними процессами произошли важные перемены и в международных отношениях Древнерусского и Польского государств. Резко усилился и стал господствующим явлением во внешней политике наметившийся в XI в. полицентризм межгосударственных контактов двух стран, а отношения Руси и Польши постепенно свелись к связям близлежащих княжеств. В случае, когда в эти отношения оказались втянутыми более отдаленные регионы (Великая Польша, Владимиро-Суздальское или Черниговское княжество), основной объект взаимоотношений, как правило, касался русско-польской пограничной зоны. Влияние русско-польских связей на международную обстановку в Европе ослабело, а общая интенсивность этих отношений в то же время (особенно с конца XII в.) усиливается. Переход к новому виду международных отношений произошел в 40—70-х годах XII в.

С конца 30-х годов XII в., как отмечалось в предыдущей главе, важным фактором, влиявшим на международное положение в Центральной и Восточной Европе, был военный и политический союз Руси и Польши. Этот союз не был постоянно действующим, и на это во многом влияла их внутренняя эволюция, в частности развивавшиеся тенденции к дроблению. Ранее (до середины XII в.) военно-политический союз выполнял две основные функции: помогал князьям Руси и Польши в отношениях с соседями и был гарантом политической власти союзников в противоборстве с внутренними противниками. С наступлением феодальной раздробленности последний аспект доминировал, пока по мере усиления усобиц не исчезла прочная социально-экономическая основа для существования подобного союза вообще.

С середины 30-х годов XII в. в связи с обострением внутривосточных противоречий представители правящих династий Руси и Польши стремились к возрождению тесных политических контактов друг с другом. Однако династические браки между Пястами и Рюриковичами не привели к установлению союза политического. Это было связано с тем, что в 1138 г. верховным принцепсом Польши становится старший сын Болеслава Кривоустого Владислав (1138—1146 гг.), который имел натянутые отношения с младшими братьями, установившими родство с Мономаховичами. Вспыхнувшая на Руси война (1136—1139 гг.) привела к ослаблению позиций последних и захвату власти в Киеве представителем черниговской династии Ольговичей — князем Всеволодом (1139—1146 гг.). Разумеется, и черниговский князь не имел прочного положения в столице Руси, так как захват им общерусского домена вызвал не только сопротивление со стороны Мономаховичей, но и недовольство у родственников главы рода Ольговичей. Это обстоятельство привело к тому, что Всеволод, не имея возможности серьезно воздейство-

вать на события в Северо-Восточной Руси, главное внимание уделял сохранению позиций верховного киевского сюзерена в южно-русских землях.

В 1140 г. киевский князь нанес удар по Волинскому княжеству Изяслава Мстиславича. В походе Всеволоду, судя по данным Киевской летописи, помогали какие-то польские отряды³. К сожалению, материал источника не дает конкретной информации о принадлежности этих отрядов. Б. Влодарский полагает, что речь шла о военной поддержке верховного правителя Владислава⁴. Соглашаясь в целом с этим мнением, следует уточнить, что в Польше в данный период между феодальными группировками не было конфронтации, а младшие братья подчинялись Владиславу. Дальнейшее обострение отношений с соперниками на Руси заставило Всеволода Ольговича пойти на установление более тесных контактов с польскими союзниками, среди которых постепенно наметился раскол.

В Киевской летописи к началу 40-х годов относятся два упоминания о браке дочери Всеволода Звениславы и Болеслава Высокого, сына Владислава II. Под 6649 г. русский источник сообщает: «Приведена бысть дщи Всеволожа в Ляхы», а под 6650 г.: «Того же лета отда Всеволод дчерь свою Звениславу в Ляхы за Болеслава»⁵. Известный исследователь хронологии древнерусского летописания Н. Г. Бережков отмечает, что трудно установить, когда в действительности был заключен брак⁶. Ряд историков, не приводя особых доказательств, относит его к 1141 г.⁷ По нашему мнению, задачу правильной датировки события можно решить, если помнить о том, что киевское летописание развивалось параллельно и во взаимосвязи с переяславским, а записи из сводов одного княжества порой попадали в тексты другого. В Лаврентьевской летописи, в которой отразились материалы переяславского летописания, нет известий о династическом союзе киевского и краковского дворов, но это обстоятельство не должно нас смущать, так как сообщение об этом могло быть сокращено последующими редакторами. Важнее другое. Переяславские сведения записывались годом раньше⁸, а значит, позднейший киевский летописец позаимствовал у своих переяславских коллег упоминание под 6649 г., сохранив его датировку в своей хронике. Поэтому одно и то же упоминание попало в Киевскую летопись под разными годами. Аргументом служит известие о посажении переяславского епископа под 6649 г. в Киевской летописи вслед за упоминанием о династическом союзе, что также говорит о переяславском происхождении упомянутого сообщения⁹. Таким образом, можно предположить, что брак между Болеславом Высоким и Звениславой был заключен в 1142 г.

Уточнение времени заключения династического союза помогает четче представить предшествующие ему события в Польше. В 1141 г. отношения между Владиславом и его младшими братьями ухудшились. Можно допустить, что в это время Болеславу Кудрявому и Мешко Старому стало известно о каких-то переговорах польского принцепса с киевским князем. О конфликте Болеслави-

чей рассказывает «Хроника» Ортлиба Цвифальтенского. В ответ на враждебные действия старшего брата остальные Болеславичи собрались на съезд в Ленчицу. На встрече ее участники решили выдать свою трехлетнюю сестру Агнету замуж за сына «короля Руси»¹⁰. Б. Влодарский полагает, что этим браком младшие Болеславичи хотели расширить свои контакты с Мономаховичами¹¹. Однако такое предположение представляется спорным. В начале 40-х годов XII в. основной политической силой на Руси была группировка Ольговичей, главу которой Всеволода, очевидно, и называл немецкий хронист «королем Руси». О том, что младшие братья Владислава хотели установить родственные связи с Всеволодом, свидетельствует сопоставление данных немецкой хроники с вышеупомянутым материалом Киевской летописи о женитьбе Болеслава Высокого и дочери киевского князя Звениславы. Ортлиб прямо пишет, что братья Владислава с целью «опередить его в дружественных связях» предприняли ответные шаги¹². Но это не дало желаемых результатов. В 1142 г. между домами Всеволода Ольговича и Владислава II был оформлен союз. Все сказанное выше, на наш взгляд, подтверждает мнение авторов о том, что младшие братья-князья стремились к установлению политических связей с Киевом¹³.

В первой половине 1142 г. конфликт принцепса Польши с братьями перерос в феодальную войну. Не рассчитывая, видимо, на собственные силы, Владислав обращается за помощью к русскому союзнику. Всеволод посылает против мазовецкого князя Болеслава Кудрявого большую дружину во главе с сыном Святославом, Изяславом Давыдовичем черниговским, Владимиром (Владимирком) Володаревичем галицким¹⁴. Поход прошел для русских феодалов без особых осложнений. Противники встретились возле города Черска, однако до военных действий, судя по характеру летописных известий, дело не дошло¹⁵. Между враждующими сторонами состоялись переговоры, в ходе которых младшие Болеславичи пообещали Владиславу и его союзникам подчиниться своему сеньору. Во время похода русские дружинники захватили много трофеев и пленных, причем «вземше боле мирных, неже ратьних»¹⁶.

Достигнутый результат способствовал в дальнейшем развитию киево-краковских контактов, упрочению контактов между участниками межгосударственного союза. Так, в 1143 г. польские вельможи присутствовали на свадьбе Святослава Всеволодовича, в связи с чем летописец отмечает, что на празднестве «скупишася братья вся и безбожнии Ляхове и пиша у Всеволода и тако разидошася»¹⁷. Негативное отношение летописца к полякам («безбожнии Ляхове»), которое сразу бросается в глаза читателю, приводит некоторых авторов к выводу о враждебности русских к полякам, религиозной нетерпимости первых ко вторым¹⁸. Однако, на наш взгляд, материал летописного известия, скорее всего, говорит об общей отрицательной реакции древнерусского книжника на свадьбу Святослава, что было связано с негативным отношением киевлян к Всеволоду Ольговичу и его окружению.

Энергичные усилия, предпринимаемые киевским князем в 1142—1143 гг. для подчинения Мономаховичей, не давали реальных результатов. А в 1144 г. Всеволоду Ольговичу пришлось столкнуться с новым противником в лице недавнего союзника, Владимира галицкого, на стороне которого выступили волынские князья Изяслав и Ростислав Мстиславичи. Это обстоятельство заставляет Всеволода обратиться за поддержкой к польскому союзнику. Военная помощь Владислава II русскому союзнику, видимо, не была очень большой, так как польскому князю приходилось постоянно считаться с возможным выступлением младших братьев¹⁹.

В 1145 г. обстановка как на Руси, так и в Польше для их верховных князей резко осложняется. Всеволод Ольгович, стремясь сохранить власть своего рода в Киеве, собирает княжеский съезд, который утвердил наследником столичного престола Игоря. Расстановка сил на съезде заставляет подчиниться его решениям волынского князя Изяслава Мстиславича («и много замышляв Изяславу Мстиславичю но уже быс целовати крест»²⁰). Во время княжеского съезда или вскоре после его окончания к киевскому князю приходит послание от Владислава II, в котором сообщалось о новой вспышке усобиц в Польше. Поводом для начала нового конфликта польских князей стал спор из-за освободившегося после смерти Соломеи (вдовы Болеслава Кривоустого) удела. Владислав II, как и три года назад, обратился за военной помощью на Русь к киевскому князю, и тот вновь решил поддержать союзника. Киевский двор весьма серьезно отнесся к подготовке похода, который, помимо решения польских проблем, должен был помочь укрепить лагерь Всеволода. К участию в военном предприятии, которое возглавил Игорь Ольгович, были привлечены многие южнорусские князья. Был приглашен, в частности, и волынский князь Изяслав Мстиславич, который, однако, по словам летописца, «разболеся не иде из Володимеря»²¹. Некоторые ученые выдвинули предположение о том, что отказ волынского князя следует объяснить его враждой со Всеволодом²². Возможно, здесь сыграли какую-то роль связи Изяслава с младшими Болеславичами.

Прибытие русской дружины значительно усилило позиции Владислава II. Винцентий Кадлубек, который негативно относился к верховному князю Польши и его союзникам, прямо пишет, что недоверие краковского князя к своим отрядам заставило его обратиться к русским²³. По данным русских и польских источников, встреча противников произошла в центральных районах Польши («на серед земли Лядское», по словам Киевской летописи) на реке Пилице, однако оценку она получила различную. Польский хронист Винцентий тенденциозно пишет о страшном разгроме русских отрядов в итоге сражения, что противоречит его же сведениям о последующем участии союзников Владислава в дальнейшей борьбе в Польше²⁴. Более объективны сведения русской летописи, хотя они и исходят из среды противников Всеволода Ольговича. Летописец отмечает: «...наидоша брата два Владиславе Болеслава и Мъжеку, стояча за болотом, и переехавша на сю сторону и покло-

нистася Игореву и с братьею его целовавъше крест межю собою и тако рекоша: «Аще кто переступит крестное целованье, на того быти всим»,— даста брата своему Владиславу 4 города, а Игореву с братьею Визну и тако узвратишася в свояси мног полон вземше»²⁵.

При оценке военного предприятия русских князей в Польшу и его влияния на развитие внутривосточной ситуации в этой стране трудно дать однозначное решение. Разумеется, Владислав и его русские союзники добились успеха над младшими Болеславичами. Польский князь-сеньор получил во владение значительный удел (очевидно, наследие Соломеи). Русские князья, кроме военной добычи, заняли важный стратегический пункт Визну²⁶, что говорит о сохранении в то время внимания Киева к Литве и Прибалтике в целом. Однако сам факт решающего столкновения, статьи договора между Пястами говорят о фактической ликвидации сеньората в Польше, так как объективно признавалось равенство всех Болеславичей, гарантом которого стали не только сами польские князья, но и прибывшие в Польшу русские феодалы. Поэтому следует признать, что договор 1145 г. носил половинчатый характер и вряд ли полностью удовлетворил хотя бы одну из соперничающих сторон²⁷. На наш взгляд, нет оснований преувеличивать успех Владислава и его союзников в кампании 1145 г.²⁸

Усиление младших братьев Владислава II проявилось вскоре после ухода основных русских отрядов домой (по данным Винцентия, которым у нас нет основания не доверять, русские наемники оставались в Польше после ухода войска Игоря Ольговича²⁹). Исходной точкой новой фазы противоборства в Польше послужили репрессии Владислава против могущественного польского магната Петра Власта³⁰. Переход многих представителей знати на сторону оппозиции привел лагерь князя-принцепса к полному разгрому, а сам он уже в марте 1146 г. очутился в изгнании в Германии³¹.

Прибывший на Русь еще до изгнания отца сын Владислава Болеслав Высокий нашел теплый прием при киевском дворе у своего тестя Всеволода Ольговича, выполнял его поручения (так, например, Всеволод посылал его в качестве посланника к Изяславу Мстиславичю), однако польские союзники Киева никакой конкретной помощи не получили. И это было связано не только с отсутствием реальной опоры у Владислава и Болеслава Высокого в Польше, но и со сложным положением на Руси самого Всеволода Ольговича, который в первой половине 1146 г. вновь вступает в конфликт с галицким князем. Молодой польский князь в составе дружины Всеволода принимает участие в походе против Владимирка³², чем, вероятно, надеялся снискать поддержку в будущей войне за возвращение Кракова. Однако события середины 1146 г. свели на нет все усилия Болеслава Высокого.

После смерти Всеволода Ольговича и непродолжительного правления его брата Игоря (13 дней) к власти в Киеве в середине августа 1146 г. пришел волынский князь Изяслав Мстиславич. Провозглашение внука Мономаха киевским князем не привело к

восстановлению былой «империи Мономаховичей», так как Изяслав, захватив великокняжеский стол, вступил в противоборство с сыном Мономаха — ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким. Помимо потенциального, а спустя некоторое время и реального конфликта с Северо-Восточной Русью Изяславу Мстиславичу с самого начала своего правления приходилось постоянно считаться с враждебной позицией галицкого князя Владимирка. В такой обстановке Изяслав Мстиславич, как и его предшественники на столичном троне, стремился заключить военно-политический союз с польскими Пястами, разумеется, уже на новых условиях.

Болеслав Кудрявый, новый польский верховный князь-принцес, и его братья, очевидно, также желали установить подобные отношения с Киевом, что и произошло в 1147 г. В рассматриваемое время Польша подверглась многочисленным нападениям прусских племен. Не случайно поэтому новые союзники организуют первую совместную акцию в Пруссию. Магдебургские анналы сообщают, что в 1147 г. Болеслав «с неисчислимым войском выступил против Прусов, безжалостных варваров», причем его поддержали русские «с многочисленными вооруженными отрядами»³³. За три месяца прусские отряды были полностью разгромлены польско-русской армией. В Магдебургских анналах нет указаний на то, чьи интересы представляли в Прибалтике русские отряды. Б. Влодарский полагает, что это трудно установить³⁴. Но ряд косвенных фактов свидетельствует о том, что в военных действиях, видимо, участвовали дружинники Изяслава Мстиславича. Это подтверждается существовавшими связями киевского князя с младшими Болеславичами в конце 40-х годов XII в., а также то, что поход проходил в русле традиционной прибалтийской политики Киева. Вполне возможно, что в нем принимали участие и отряды смоленского князя Ростислава Мстиславича³⁵, который часто поддерживал брата в военных начинаниях³⁶.

Известно, что в середине XII в. апологет католицизма Бернард Клервоский энергично выступал с призывом распространить католическое вероисповедание на Русь, о чем, в частности, вел переписку с краковским епископом Матвеем. Однако эти письма не привели к каким-то действенным результатам. В то же время представители польского духовенства обвинили Владислава II в использовании «схизматиков» в борьбе с братьями³⁷. Выступления иерархов польской церкви прежде всего были проявлением политической борьбы, происходящей в Польше, хотя и были облачены в религиозную форму. С приходом к власти в Кракове Болеслава Кудрявого, который также поддерживал контакты с русскими феодалами, эти обвинения исчезли. О том, что религиозные противоречия не были серьезной преградой для осуществления международных контактов Руси с латинскими странами Запада, свидетельствует и материал Магдебургских анналов. Описывая поход польских и русских дружин в Прибалтику, который считался частью широко разрекламированного Римом второго крестового похода, хронист отмечает, что русские, «хотя и меньше, чем католики,

однако отмечены именем христиан»³⁸. Таким образом, за религиозной оболочкой скрывались конкретные политические интересы феодальных кругов Западной Европы, поддерживавших войну против языческих народов Прибалтики.

Не были распространены антилатинские настроения и на Руси XII в. Русское население развивало тесные экономические, политические и культурные связи со многими западными странами, иностранцы-католики жили без каких-либо ограничений и притеснений со стороны православного населения в древнерусских городах³⁹. Отсутствие религиозной нетерпимости на Руси подтверждает и факт поддержки древнерусским книжником конца XII в. третьего крестового похода и одного из его организаторов и руководителей Фридриха Барбароссы, воинов которого в летописи даже сравнивали со «святыми мучениками»⁴⁰. Только после начала крестово-экспансии против Руси и ее соседей на рубеже XII—XIII вв., идеологическим лидером которой была римская курия, религиозные противоречия между католическим Западом и православной Русью резко возросли и стали серьезным препятствием в развитии их международных взаимосвязей⁴¹.

Удачные военные действия в 1147 г. не разрешили для польских князей проблему борьбы с прибалтийскими племенами, которые продолжали совершать нападения на север Польши. Весьма сложной в 40-х годах XII в. оказалась и обстановка на Руси, где развернулось ожесточенное соперничество между Изяславом Мстиславичем и Юрием Владимировичем за овладение киевским столом. В эту крупнейшую усобицу оказались втянутыми феодалы большинства древнерусских земель-княжеств. В августе 1149 г. Изяслав был вынужден покинуть столицу Руси и направиться в свою «вотчину» Владимир-Волынский. Ощущая недостаток в собственных силах для возвращения Киева, Изяслав осенью 1149 г. обращается за помощью к венграм, чехам и Болеславичам. Положение последних в Польше было довольно сложным, так как стране угрожало новое нападение прибалтийских племен; к тому же не исчезла вероятность реставрации Владислава II, нашедшего убежище при дворе германского императора Конрада III. Однако отказать своему недавнему союзнику по походу в Прибалтику польские князья не решились. Согласие их участвовать в феодальной войне на Руси во многом было, видимо, связано с переоценкой в Польше военно-политических возможностей лагеря Изяслава Мстиславича, а также, очевидно, с надеждой получить в походе военные трофеи. Киевский летописец очень подробно рассказывает о переговорах Изяслава с поляками: «Лядский же князи рекоша ему: «Мы есмь у тебя близ, а одниного себе оставим, стеречи земле своя, а два к тебе поедета». Вскоре после этого дружины польских феодалов вступили в пределы Волынской земли. «Болеслав же сам,— продолжает летописец,— поеха с братом Индрихом, полкы своими, а Мъжеку остависта стеречи земле своя от Прус»⁴².

Через некоторое время в Луцк, где собрались польские и волыньские отряды, пришло известие о приближении сильного войска.

Юрия Долгорукого. Это сообщение, а также полученная весть о нападении на Польшу пруссов, резко снизили боевой дух польских князей («убояшася Ляхове») ⁴³. Под давлением союзников Изяслав Мстиславич согласился на переговоры с соперником. Ростово-суздальский князь, явно чувствуя свое превосходство, потребовал, чтобы иностранцы покинули Русь, а Изяслав отказался от претензий на Киев и оставался на Волыни. Польские и венгерские союзники Изяслава, воспользовавшись таким поворотом дел, покинули волынского князя и вернулись на родину. В 1150 г. Изяслав Мстиславич вновь занимает на некоторое время столицу Руси, а затем, будучи изгнанным оттуда суздальским князем, как и год назад, вновь обращается за поддержкой в Польшу и Венгрию. Однако если венгерские феодалы откликнулись на просьбу, что, видимо, объясняется их особыми интересами в Прикарпатье, то о помощи волынскому правителю польскими князьями летопись ничего не сообщает ⁴⁴. Аналогичная ситуация повторяется и в 1152 г., когда на обращение к полякам Изяслав Мстиславич не получает ответа: «Ляхове не идоша» ⁴⁵. В 1155 г. после смерти Изяслава за помощью к польскому двору обращается его сын Мстислав, однако безрезультатно ⁴⁶.

Ослабление русско-польских контактов было связано не только с тяжелым внутренним положением Болеславичей в Польше, не позволявшим оказывать помощь лагерю Изяслава Мстиславича, а в большей степени неустойчивым характером власти русских союзников Пястов. Позиция польских князей, видимо, объяснялась также тем, что в условиях ожесточенной затяжной войны они вряд ли могли рассчитывать на ответную помощь волинских князей. Проведенный анализ событий заставляет нас не согласиться с мнением Б. Влодарского, считающего, что Изяслав Мстиславич и Пясты в 40—50-х годах XII в. продолжали поддерживать тесные союзнические связи ⁴⁷.

Ослабление централизованных политических контактов между Русью и Польшей (которые фактически прервались после потери Изяславом Мстиславичем столицы Древнерусского государства) не означало затухания в середине XII в. русско-польских отношений вообще. Последние продолжали развиваться, и об этом свидетельствуют нарративные источники. Так, на Руси жило довольно значительное население из Польши, в основном купеческого происхождения. Польский феодал Владислав длительное время был даже воеводой у русских князей ⁴⁸. Не исчезают в 50—60-х годах и государственные связи двух славянских стран, однако они, как выше отмечалось, теперь свелись к политическим отношениям между близлежащими древнерусскими и польскими княжествами. К сожалению, немногочисленные сохранившиеся сведения позволяют представить взаимоотношения третьей четверти XII в. только в общих чертах.

Прежде всего следует отметить, что в рассматриваемое время представители династии Пястов проявляют интерес к установлению тесных связей с Галицким княжеством Ярослава Владимиро-

вича Осмомысла (1153—1187 гг.). Уже в первый год своего правления Ярослав выдает замуж свою дочь за великопольского князя Одона ⁴⁹. Несколько позднее Фридрих Барбаросса, описывая военные успехи в Польше в сентябре 1157 г., подчеркивал, что он их добился, несмотря на помощь его противникам «народов Русских, Партов, Пруссков, Поморцев, собравших большие отряды» ⁵⁰. Из всех союзников, разумеется, наибольшая поддержка Польше могла исходить только от русских. С. Кучинский склонен думать, что это мог быть Ярослав Владимирович, но не отрицает участия Мстислава Изяславича ⁵¹. Видимо, волинский князь вряд ли имел возможность и повод оказать помощь западным соседям, учитывая недавний развал союза волынского Мономаховича с Пястами. Что касается галицкого князя, то его союзнические связи подтверждаются последующими событиями. Возвращаясь к русско-польским контактам в 1157 г., следует отметить, что некоторые авторы уменьшают роль помощи русских отрядов Польше, хотя в этом случае о ней вряд ли писал бы Фридрих Барбаросса ⁵².

Ведя в 1158 г. борьбу с претендентом на галицкий трон Иваном Берладником, Ярослав обратился за помощью к польским князьям, которую ему тотчас же предоставили ⁵³. В 1159 и 1169 гг. польские феодалы дважды оказывают поддержку галицкому князю и его союзникам в борьбе за киевский трон ⁵⁴. Киев, таким образом, и в это время оставался в сфере внимания польской дипломатии, однако уже не как город, где правил ее союзник, а как объект, к тому же опосредствованный, ее действий в пользу Ярослава.

Под 1163 г. в Киевской летописи имеется краткое упоминание о нападениях польских отрядов в районе Червена ⁵⁵. В литературе встречается мнение о том, что русский летописец рассказывает здесь о походе польских князей по просьбе киевского князя Ростислава Мстиславича против местного князя Святослава Мстиславича ⁵⁶. Однако нам такое предположение представляется спорным. В сложных перипетиях политической борьбы на Руси в 60-х годах XII в. у киевского князя вряд ли было время вмешиваться в дела Червенского удела. Скорее всего, этот район должен был интересоваться союзника польского двора Ярослава галицкого, который предъявлял претензии на Червен в 70-х годах XII в. ⁵⁷

В 70-х годах XII в. княжества Юго-Восточной Польши и Юго-Западной Руси продолжали поддерживать друг с другом политические отношения, однако их интенсивность резко падает, а сам политический союз Галича и Кракова развалился. Это было связано прежде всего с общим ослаблением княжеской власти не только на Волыни, которая распалась на ряд уделов ⁵⁸, но и в Галичине, где власти Ярослава начинают противостоять резко усиливающееся боярство. В 1173 г. боровшийся с галицким князем его сын Владимир вместе со многими боярами нашел убежище в Польше у Болеслава Кудрявого. Здесь оппозиционные Ярославу Владимировичу силы, видимо, получили большую помощь, так как сразу после возвращения из Польши добились заточения любимого сына Ярослава Олега, расправились с незаконной женой князя Настасьей и

перебили его дружину⁵⁹. Осложнение отношений Галичины с Малопольским княжеством продолжалось недолго. В октябре 1173 г. к власти в Кракове пришел Мешко Старый⁶⁰, который сразу восстановил нормальные отношения с галицким двором. Уже в 1174 г. Ярослав набирает в Польше крупную дружину для борьбы с противниками⁶¹.

Приведенный фактический материал свидетельствует о том, что в 40—70-х годах XII в. в отношениях Руси и Польши произошли значительные перемены, связанные с окончательным переходом от относительно централизованных связей к взаимоотношениям, построенным на принципах полицентризма. Причем если с польской стороны главным политическим центром, поддерживающим эти контакты, оставался Краков, который теперь представлял не всю Польшу, а лишь Малопольское княжество, то на Руси главными княжествами, развивающими связи с западнославянским государством, становятся Волынь и Галичина.

2. Русь и Польша в последнем двадцатилетии XII — начале XIII в.

В последней четверти XII в. процесс феодальной децентрализации на Руси достиг апогея. Феодальные земли раздробились на многочисленные уделы, острые внутривластные конфликты постоянно перекраивали карту Восточной Европы. В то же время социально-экономическое развитие восточнославянского общества постепенно привело к вызреванию политических образований, которые в перспективе могли превратиться в централизованную монархию. Именно к данному этапу истории Руси может быть применена характеристика Ф. Энгельса, который писал, что «повсюду, как в городах, так и в деревне, увеличивалось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг...»⁶². Однако огромная территория Руси, большое количество феодальных владений в ней создавали дополнительные трудности для преодоления децентрализации.

В Польше в 80—90-х годах XII в. наблюдалась некоторая стабилизация процесса дробления. Правивший в Малой Польше князь-принц Казимир Справедливый (1177—1194 гг.) добился ликвидации системы сеньората, что обеспечивало его наследников краковским престолом, ему подчинялся ряд феодальных владений в других землях Польши. Это обстоятельство, несмотря на угрозу, исходившую со стороны Германской империи, и усобицы Малопольского и Великопольского княжеств, создавали некоторый перевес Польше в ее отношениях с соседними русскими землями, так как Галицко-Волынская Русь в рассматриваемый период состояла из ряда феодальных владений, между которыми постоянно происходили столкновения. Так, во Владимире-Волынском сидел Ро-

ман Мстиславич, в Белзе — его брат Всеволод, в Луцке — Ярослав Изяславич, в Галиче — Ярослав (а с 1187 г. — Владимир) и т. д. Юго-западные земли Руси и Малая Польша в то время оставались главными участниками русско-польских отношений. Другие пограничные территории: Мазовия, Западная Русь (кроме Берестья, которое исторически тяготело к Волыни) в развитии этих связей большой роли не играли.

По сведениям Кадлубека, в 1182 г. краковский двор вмешался в дела небольшого Берестейского княжества, из которого незадолго до этого был изгнан местный князь. На Берестье был совершен поход польской армии, а вскоре после его завершения город попал под контроль племянника Казимира волынского князя Романа⁶³.

В польском источнике не указано, кем был свергнутый жителями Берестья князь. Б. Кюрбис и В. Кабан полагают, что польский хронист имел в виду, вероятно, князя Святослава Мстиславича⁶⁴. Описание реальных обстоятельств похода польских феодалов против западнорусского княжества, который краковский монах-хронист пытается представить как важную акцию во внешнеполитической деятельности его сеньора Казимира, на самом деле свидетельствует о весьма скромном и локальном характере событий. Известия о столкновениях в Берестье отсутствуют в древнерусских летописных сводах.

Военное предприятие польских феодалов осуществлялось не с целью захвата территории Руси, а для поддержки союзного Кракову русского удельного князя. Большая армия, во главе которой стоял воевода Миколай, во время осады столкнулась со значительным сопротивлением его защитников, что вызвало сначала брожение, а затем открытый бунт среди польских воинов. Позже, правда, польской армии удалось нанести удар дружине белзского князя Всеволода, который шел на помощь осажденным, и занять Берестье, однако этот успех оказался временным. Позиции польского ставленника Святослава Мстиславича, вновь занявшего княжеский стол, продолжали оставаться слабыми, а сам он вскоре был отравлен.

По сведениям Винцентия Кадлубека, после смерти этого князя Берестье было передано польским принцем Роману Мстиславичу, который якобы признал свою зависимость от польского монарха. Однако слова польского хрониста, очевидно, не лишены предвзятости. Скорее, наоборот, испытав значительные затруднения в поддержке неугодного берестянам князя Святослава, краковский правитель был вынужден согласиться на присоединение Берестья к владениям сильного волынского князя Романа. Возможно, это было сделано, чтобы создать противовес Всеволоду белзскому, надеясь найти в лице Романа союзника на Руси.

В исторической литературе свидетельство Кадлубека о походе на Берестье иногда дополняется ссылкой на пространный рассказ В. Н. Татищева об участии польских князей в борьбе между дрогичинским князем Васильком и минским князем Владимирком⁶⁵. Однако последнее известие не согласуется со сведениями современ-

ных событию памятников и в связи с этим не может быть использовано в качестве источника по рассматриваемому вопросу.

В конце 80-х годов XII в. в Галичине разворачиваются важные события, которые привлекли внимание не только князей из других восточнославянских земель, но и западных соседей Руси. В 1187 г. в Галиче скончался Ярослав Владимирович, и судьба галицкого трона решалась в противоборстве его сыновей Владимира и Олега, в которое активно вмешалось могущественное местное боярство. Последнее, недовольное победившим в борьбе Владимиром Ярославичем, подготовило заговор против него и тайно пригласило в Галич волынского князя Романа Мстиславича. В ходе переговоров с боярами Роман принял их предложение. Чувствуя недостаток в силах для одновременного удержания Волыни и Галичины, Роман Мстиславич решил передать первое княжество своему брату Всеволоду.

Вскоре в результате боярского мятежа Владимир Ярославич бежал в Венгрию, а Роман занял галицкий стол⁶⁶. Кадлубек сообщает, что Роману в овладении Галичиной оказал поддержку Казимир краковский⁶⁷. На основании этих данных ряд авторов полагает, что польская помощь сыграла чуть ли не решающую роль в получении Романом Галича⁶⁸. Однако тенденциозность свидетельств Кадлубека, тот факт, что вскоре Казимир был вынужден оказывать действительную военную помощь противнику Романа Владимиру, умалчивание русских источников о польском влиянии на Руси в то время заставляет нас усомниться в справедливости подобной оценки.

Несколько позже Роман Мстиславич был изгнан прибывшими по приглашению Владимира венгерскими отрядами. Находясь в тяжелом положении, Роман решает вновь вернуться во Владимир-Волынский, однако встретил противодействие в этом со стороны Всеволода. Роман добивается оказания помощи у великопольского князя Мешко III. «...Из Ляхов же приде (Роман.— А. Г.) к Володимеру,— сообщает Киевская летопись,— и не пусти его брат в Володимерь, Роман же бяшетъ пришел с Ляхы на брата с Межькуем своим»⁶⁹. Поддержка великопольского князя оказалась недостаточной, но спустя некоторое время Роман возвратил себе Владимир, опираясь на дружину тестя — киевского князя Рюрика.

Поддержка Мешко Старым Романа объясняется, видимо, не тем, что в то время Мешко помирился с родственником Романа Казимиром Справедливым⁷⁰, а тем, что последний отказался оказать помощь русскому князю. Великопольский князь, содействуя Роману в возвращении Волыни, очевидно, надеялся использовать его во внутривосточной борьбе в Польше. Однако союз волынского и великопольского князей, как показали последующие события, не сложился.

События в Галиче вновь привлекли внимание краковского стола. Позвавший на Русь венгров Владимир Ярославич был схвачен и увезен в Венгрию, где по приказу короля заточен в башню. Однако вскоре он бежал в Германию, где нашел убежище при

дворе Фридриха Барбароссы. Узнав, что Владимир — близкий родственник владими́ро-суздальского князя Всеволода, недавно провозгласившего себя великим князем Руси, Фридрих оказал теплый прием изгнаннику и, хотя не смог оказать непосредственной военной помощи (император собирался в третий крестовый поход), однако перепоручил заботу о своем госте князю Казимиру. Краковский князь, получив послание из Германии, незамедлительно организовывает военное выступление на Русь, и вскоре армия из Малой Польши во главе с воеводой Миколаем вступает в Галич и восстанавливает Владимира на троне (1189 г.)⁷¹.

При оценке этого события высказывается мнение о том, что этим походом Казимир краковский нарушил дружеские отношения с Романом, а само выступление польских отрядов было предпринято под давлением Барбароссы⁷². Эту точку зрения, очевидно, следует уточнить. Прежде всего, тесные политические связи Романа и Казимира были нарушены задолго до похода польского войска на Галич. Недовольный, видимо, усилением позиций венгерских феодалов в Юго-Западной Руси малопольский князь сделал ставку на изгнанного галицким боярством Владимира, надеясь укрепить свое влияние в Прикарпатье⁷³. Однако события вскоре стали разворачиваться совсем не так, как хотел Казимир Справедливый.

Новое правление Владимира в Галиче вряд ли продолжалось бы долго, если бы не поддержка Всеволода Большое Гнездо. Могущественный владими́ро-суздальский князь добился не только от русских князей, но и от венгерского и польского монархов обещания не вмешиваться в дела Галича («Галича не искати»)⁷⁴. Гарантом этого соглашения и фактическим сюзереном Владимира Ярославича стал владими́ро-суздальский правитель, княжество которого в то время имело значительное влияние на Руси.

Провал планов Казимира Справедливого в Прикарпатье вызвал серьезные разногласия при краковском дворе. Они были связаны, в частности, как с нежеланием части малопольской феодальной верхушки конфликтовать с Венгрией из-за Галича, так и с натянутыми отношениями польских феодалов с Владимиром Ярославичем в предшествующий походу 1189 г. период. Возможно, что эту оппозиционную Казимиру группировку поддерживал Роман Мстиславич, имевший тесные связи с польской знатью. В таких условиях Казимир был вынужден пойти на улучшение отношений с волынским князем. Примирение с Волынью явилось для Кракова своевременным. В начале 90-х годов между Малопольским и Великопольским княжествами вновь вспыхивают усобицы, в которых Казимиру весьма кстати была оказана русская помощь. Так, в 1191 г., когда Краков заняли отряды великопольского князя Мешко, Казимир Справедливый обратился за помощью к Роману и Всеволоду Мстиславичам, дружины которых заставили нападавших оставить город⁷⁵. Союзнические отношения Волыни и Малой Польши проявились в традиционной для обеих славянских стран прибалтийской политике. В 1193 г. Казимир совершил, по данным Винцен-

тия Кадлубека, поход в союзе с русскими отрядами против ятвягов, а спустя три года аналогичное военное предприятие провел князь Роман⁷⁶. Тесные связи Кракова и Владимира-Волинского в 90-х годах дают основания говорить о согласованности их военных действий в Прибалтике.

Еще более усилилось волынское влияние в Малой Польше после смерти Казимира Справедливого (1194 г.), что прежде всего было связано с обострением противоречий среди Пястов, оспаривавших краковский стол. Мешко III, недовольный отменой сеньората, по правилам которого он должен был стать верховным князем Польши и правителем Кракова, стремился лишить власти в Малой Польше наследника Казимира Лешко Бялого (1194—1227 гг.)⁷⁷. Усиление Мешко не было выгодно Роману Мстиславичу. Волынский князь в данный период вел ожесточенную борьбу с многочисленными противниками за упрочение своих позиций на Руси и видел в молодом Лешко возможного союзника в осуществлении своих широких планов.

В 1195 г. Роман Мстиславич обратился за поддержкой к Лешко и его брату Конраду (последний правил в Мазовии). Однако непосредственная угроза Кракову со стороны великопольской армии заставляет Казимировичей самих просить содействия волынского князя. Роман, видя тяжелое положение союзников, решил вмешаться во внутривосточную борьбу в Польше. Он собрал значительную дружину и прибыл в Польшу. 13 сентября 1195 г. на реке Мозгаве произошло сражение между войсками великопольского князя Мешко и его противников — Лешко, Конрада и волынского князя Романа.

Битва на реке Мозгаве нашла подробное, но неоднозначное освещение в источниках. Польский хронист Винцентий Кадлубек отмечал большие полководческие заслуги и личный героизм Романа в сражении. Кадлубек пишет, что оно закончилось безрезультатно⁷⁸. Киевская летопись, как и польский хронист, также подробно рассказывает о столкновении в Польше, однако утверждает, что Роман и его союзники потерпели поражение⁷⁹.

Кадлубек, несмотря на общее негативное отношение к русским, в целом объективно описывает их участие в сражении, показывает вклад воинов Романа в столкновении с войском Мешко Старого. Материал Киевской летописи (так называемая летопись Рюрика) высказывает ярко выраженную негативную оценку деятельности волынского князя⁸⁰. Роман неразумно, по летописи, не захотел слушаться советов своих сподвижников — бояр, отказался подписывать мир с Мешко. Это привело к закономерному, с позиций русского книжника, результату — «потопташа Ляхове Русь и победи Межька Романа».

Близкой к Винцентию оценки битвы придерживаются и польские «рочники», большинство из которых отмечают победу князя Лешко над великопольским князем⁸¹.

Таким образом, анализ источников позволяет говорить о том, что в битве под Мозгавой в ходе ожесточенного сражения ни одной

из сторон не удалось добиться решающего перевеса. В то же время последствия Мозгавского сражения имели большое положительное значение для наследников Казимира Справедливого, которые упрочили свои позиции в Малой Польше. Роман Мстиславич, в свою очередь, в результате этого похода укрепил союз с Краковом, который сыграл важную роль для волынского князя в разрешении спорных проблем на Руси.

К концу 90-х годов XII в. Волынское княжество значительно усилилось, что дало возможность его князю вновь вернуться к вопросу о галицком столе. В 1199 г. скончался Владимир Ярославич, и галицкий стол стал вакантным. Узнав о претензиях на него Романа Мстиславича, который имел поддержку у городского населения Галича, местное боярство, боявшееся крепкой княжеской власти, стремилось пригласить к себе кого-нибудь из второстепенных русских князей или даже малопольского князя Лешко. Однако Роман Мстиславич, несмотря на противодействие галицкой феодальной верхушки, перечеркнул все ее планы, совершив удачный поход на Галич и присоединив его к Волыни. В этом походе волынского князя, по данным Кадлубека, приняли участие и польские отряды⁸².

Некоторые польские историки, недооценивая тенденциозность материалов хроники Винцентия Кадлубека, считают, что Роман в обмен на помощь польских феодалов признал свою зависимость от Лешко Бялого⁸³. Однако такие утверждения не учитывают реальной расстановки сил, в частности военного и политического превосходства Волынского княжества в его отношениях с Малой Польшей.

С присоединением Галича, а в 1203 г. — Киева могущество «державы» Романа Мстиславича резко возрастает. Кадлубек был вынужден даже заявить, что русский князь в то время «почти всеми русскими областями и князьями управлял»⁸⁴. Однако политическое образование князя Романа, построенное в основном на военных и дипломатических успехах, просуществовало недолго.

19 июня 1205 г. Роман Мстиславич погиб в Польше возле города Завихоста. Это событие получило значительный отклик не только в польских и русских источниках, но даже в хронике французского монаха Альберика из монастыря Триумфониум («Трех источников»). Альберик пишет, что русский король Роман, двигаясь через Польшу в Саксонию, встретился с братьями Лешко и Конрадом и был убит ими, а его воины разбежались или были уничтожены⁸⁵. Исходя из этого сообщения, в литературе часто делается вывод о том, что галицко-волынский князь стремился летом 1205 г. принять участие в борьбе германских феодальных группировок (Вельфов и Гогенштауфенов), направлялся против Оттона, сына Генриха Льва, для поддержки Филиппа Швабского. По дороге он был встречен союзниками Оттона Лешко и Конрадом, которые нанесли русскому князю поражение⁸⁶.

Однако, на наш взгляд, нет оснований слепо доверять сведениям французского хрониста, который не был современником собы-

тий и материал о конфликте Романа с польскими князьями получил из вторых рук. Более объективно поход 1205 г., как справедливо отмечает А. Вилкевич-Вавжиньчикова, освещается в русских летописях⁸⁷.

Столкновение между недавними союзниками возникло, видимо, по инициативе русского князя. Позднее, в 1206 г., во время встречи со вдовой Романа Анной, по свидетельству Галицко-Волынской летописи, краковский князь Лешко заявил, что он не знает причин начавшейся войны с Романом и связывает ее возникновение с происками своего противника, в котором большинство историков видят сына Мешко Владислава Ласкононогого⁸⁸. То, что русский князь был зачинщиком столкновения, подтверждает отсутствие ответных антиволынских действий со стороны Малопольского княжества в первые месяцы после смерти Романа Мстиславича.

Следует отметить, что вряд ли под Завихостом произошло крупное сражение⁸⁹. Русская летопись так описывает обстоятельства смерти Романа: «Иде Роман Галичский на Ляхы и взя 3 города Лядская и ставше же нему над Вислою рекою и отъеха сам в мале дружине от полку своего. Ляхове же наехавше убиша и дружину около него избиша, приехавше Галичане взяша князя своего мртва и несоша и в Галичь»⁹⁰. Таким образом, прямое свидетельство источника дает основание утверждать, что галицко-волынский князь погиб во время рекогносцировки, и сражения между основными силами русской и польской армий не было.

Что касается причин возникновения конфликта между Краковом и Галичем в 1205 г., то они, видимо, связаны с недовольством Романа Мстиславича усилением Лешко Бялого и Конрада, выходящих из-под его влияния. В связи с этим русский князь хотел оказать непосредственное военное давление на Малую Польшу.

Со смертью Романа Мстиславича, безусловно, крупного политического деятеля Руси, созданное им большое, но неустойчивое государственное объединение распалось. Усилившиеся во второй половине первого десятилетия XIII в. в Галичине феодальные усобицы, рост боярского сепаратизма, борьба нескольких русских князей и представляемых ими феодальных «партий» за галицко-волынское наследство, вмешательство в нее иноземных феодалов наложили значительный отпечаток на дальнейшее развитие русско-польских отношений в первой трети XIII в.

3. Внутриполитическая борьба в юго-западных землях Руси и внешняя политика Польши (вторая половина первого — первая половина второго десятилетия XIII в.)

В. И. Ленин отмечал, что «...представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»⁹¹. Это важнейшее положение марксизма ярко подтверждается при

рассмотрении событий, происшедших на Волыни и в Галичине после смерти Романа Мстиславича.

Еще в 70—80-х годах XII в. в Галичине резко усилилось боярство, которое, опираясь на свой мощный экономический потенциал, стало в конце XII — начале XIII в. главной политической силой в княжестве, решительно боролось против сильной княжеской власти⁹².

Осенью 1205 г. в Галичине начались активные боярские выступления, которые были тесно связаны с нападениями на эту землю дружин киевского князя Рюрика и черниговских князей Ольговичей. Бурные события в Юго-Западной Руси привлекают внимание малопольского двора. Весной 1206 г., согласно данным древнерусской летописи, параллельно с наступлением противников умершего Романа Мстиславича на Галич «ляхове наидоша на Володимерь»⁹³. Одновременное нападение на Галичину и Волынь нанесло тяжелый удар по позициям правившей после Романа княгини-регентши Анны. Последняя, не имея достаточно собственных сил, была вынуждена обратиться за помощью к венгерскому королю.

С того времени и до 1245 г., когда князь Даниил Романович со своими сторонниками нанес сокрушительное поражение венгеро-польской армии и их союзнику Ростиславу черниговскому под Ярославом, феодальные правители Венгрии и Польши постоянно вмешивались в дела юго-западных районов Руси. Военный потенциал Венгерского королевства был мощнее, чем у Малопольского княжества. Если венгерская армия совершала постоянные военные вторжения на Русь через Карпаты, то польские феодалы были вынуждены согласовывать свои действия на востоке с конкретной расстановкой сил на политической арене в Юго-Западной Руси, что было причиной постоянного их лавирования, перехода из одного враждующего лагеря в другой.

В 1206 г. предпринятая Лешко попытка осуществить прямую агрессию на Волынь завершилась неудачей из-за противодействия венгров. Польские воеводы, узнав о приближении венгерской армии, предпочли заключить с ее военачальниками перемирие, после чего вернулись домой⁹⁴.

Усиление феодальных мятежей во второй половине 1206 г. привело к резкому ослаблению лагеря сторонников Романовичей (малолетних сыновей князя Романа Даниила и Василька), которые утратили позиции не только в Галичине, но и в «вотчине» — Волыни. Им отказал в помощи недавний союзник — венгерский король Андрей II. В результате княгиня Анна с детьми покинула не только Галич, но и Владимир-Волынский и была вынуждена искать убежище при краковском дворе. Политическая власть в Галичине и Волыни была захвачена представителями рода Ольговичей — сыновьями черниговского князя Игоря Святославича: Владимиром, Романом, Ростиславом, приглашенными галицким боярством⁹⁵.

Лешко Бялый поначалу принял изгнанников доброжелательно. Тогда Романовичи не представляли для Польши опасности, в то же время покровительство русским князьям открывало широкие воз-

возможности для осуществления давления не только на Волынь, но и на Галичину. Помня о столкновении с венграми несколько месяцев назад, а также учитывая опасность для Кракова со стороны великопольского князя Владислава Ласконового, Лешко решил согласовать свои планы с венгерским двором. Из Кракова в Венгрию было направлено посольство (1207 г.), которое предложило королю Андрею организовать совместную помощь Романовичам. Однако вопрос о помощи был лишь формальным предлогом для заключения соглашения между польским послом Владиславом Лысым и королем Венгрии. Договор между Венгрией и Малопольским княжеством согласовывал деятельность сторон на Руси и давал возможность избежать конфликт друг с другом⁹⁶. Б. Влодарский высказал мнение о том, что договаривающимися сторонами был решен вопрос о разделе сфер влияния и установлении их власти на Волыни и в Галичине, однако источники не дают таких данных⁹⁷. Более того, известно, что еще в 1206 г. король Андрей включил Галич и Владимир в свой титул, то есть заявил о претензиях Венгрии на эти древнерусские земли⁹⁸.

Ни в 1207 г., ни в 1208 г. Лешко Бялый не предпринял каких-либо активных усилий для реализации волыньских планов. Возможно, на его политику какое-то влияние оказывали многочисленные дары, присылаемые князем Владимиром, старшим из Игоревичей⁹⁹.

В 1209 г., воспользовавшись вспыхнувшим между Игоревичами конфликтом и занятостью венгерских феодалов галицкими проблемами, Лешко Бялый вместе со своим братом мазовецким князем Конрадом осуществил поход на Волынь, который не вызвал для польских войск серьезных осложнений. Успех военной акции объясняется большим недовольством местного населения Игоревичами, а также привлечением Лешко на свою сторону белзского князя Александра Всеволодовича, племянника Романа Мстиславича. Именно участие последнего в военном предприятии польских феодалов породило надежды волынян, что этот князь продолжит дело Романа, в связи с чем польским отрядам удалось без особых затруднений занять Владимир. Однако вскоре жители столицы Волыни узнали, что белзский князь отражает интересы Лешко и Конрада. Падение авторитета князя Александра, его стремление проводить относительно самостоятельную политику по отношению к Польше заставили польских князей поставить на владимирский трон своего родственника луцкого князя Ингваря. Но этот князь не имел реальной силы, что вынудило Лешко Бялого вернуть Александра во Владимир. Княжеская «чехарда» на Волыни была вызвана антипольской позицией городского населения и служилого боярства. Чтобы успокоить сторонников Романовичей, малопольский князь решил выделить Анне и ее сыну Васильку Берестейскую волость, однако широкая поддержка их волынянами и опасность конфликта заставили краковский двор и, видимо, князя Александра передать вдове Романа Белзское княжество¹⁰⁰.

Таким образом, под давлением городского и боярского населе-

ния Волыни малопольская верхушка пошла на уступки княгине Анне. Польские феодалы добились определенных успехов в этом районе, но они носили временный характер и не привели, как это считает В. Т. Пашуто, к установлению здесь их власти¹⁰¹. Контролировавший значительную часть Волыньской земли Александр Всеволодович тяготился опекой малопольских князей и стремился проводить самостоятельную политику. Но самое главное — в это время создается ядро будущей консолидации Юго-Западной Руси — Белзское княжество княгини Анны и ее сына Василька (Даниил с 1207 г. находился при дворе венгерского короля).

В последующие два года малопольский двор интересовался событиями на Руси, однако каких-то значительных акций на востоке не предпринимал. Позже вспыхнувший конфликт между галицким боярством и правившими в Галичине Игоревичами, а также вмешательство в это столкновение венгерских феодалов заставляют Лешко предпринять более решительные шаги. В 1211 г. в Галичину из Волыни направилась армия польских феодалов, которая совместно с дружинами Василька, Александра и Всеволода (родного брата Александра) стремилась захватить Галич. Помимо серьезного противодействия находившегося в Галичине венгерского войска и отрядов галицких бояр, неудачу выступления, видимо, следует объяснить различием целей его участников, нежеланием волыньских князей быть подручными польского князя.

Активизация Романовичей на Волыни и в Галичине, опасения возможного союза Романовичей с другими князьями Юго-Западной Руси вынуждают Лешко Бялого предпринять меры, чтобы рассорить русских князей, ослабить позиции Анны и ее сына Василька на Волыни. Воспользовавшись изгнанием княгини из Галича, где она пыталась укрепиться, Лешко Бялый помог Александру Всеволодовичу в 1213 г. забрать у Романовичей Белз¹⁰². Вероятно, в ответ на передачу последнего брату Всеволоду Александр согласился на захват польским князем побужских городов Берестья, Угровиска, Верещина, Столпа, Комова, которые приблизительно в то время были заняты малопольскими гарнизонами.

Как видно, для политики краковского князя на Руси характерны значительные колебания от открытых враждебных акций против лагеря Романовичей, которые вели борьбу за объединение Волыни и Галичины и стремились к ликвидации иностранного вмешательства, к компромиссу с этим лагерем. Подобные колебания были связаны, с одной стороны, со стремлением краковских феодалов усилить свое проникновение в юго-западные районы Руси, а с другой — с пониманием, что лагерь Романовичей — серьезная сила в политической жизни Волыни и Галичины, конфликт с которой чреват осложнениями в развитии отношений Руси и Польши.

Изгнание Василька и Анны из Белза не подорвало их позиций, популярность их среди городских слоев населения и феодалов Волыни продолжала расти, что привело к усилению группировки Романовичей. Борьба с последними грозила краковскому двору не только возможными осложнениями на Волыни, но и препятствова-

ла планам вмешательства польских феодалов в Галичину. В то же время в самом Кракове образовалась довольно значительная феодальная группировка польских магнатов, выступающая за сближение с Романовичами. Во главе этой группы стоял крупный политический деятель Малой Польши — воевода Пакослав¹⁰³. Летопись пишет о нем: «Пакослав бо бе приятель и Романовой (т. е. Анне.— А. Г.), и детемь ея»¹⁰⁴.

Усилившийся лагерь Романовичей в середине второго десятилетия XIII в. начал оказывать значительное давление на политический курс Лешко Бялого. Так, уже зимой 1213/14 г. Лешко принял в Кракове «с великою честью» Даниила с матерью¹⁰⁵. Источники не сообщают о содержании переговоров, однако, судя по последующим событиям, стороны договорились о новом совместном походе на Галич.

Весной 1214 г. армии Лешко и Романовичей начинают поход на Галич против узурпировавшего власть в городе боярина Владислава Кормильчича. В галицком походе принял участие пересопницкий князь Мстислав Немой. В ходе военных действий малопольско-волынским полкам удалось взять Буковен, однако противодействие венгерских войск не позволило достигнуть главной цели. После завершения похода Лешко, выполняя, видимо, условия краковских переговоров с Анной и Даниилом, передает Романовичам Тихомль и Перемиль. Но эти города уже не могут удовлетворить волинских князей, которые, сознавая свою силу, добиваются от Кракова возвращения законного (по феодальному праву) Владимира. Чтобы не обострять отношений с Романовичами, правительство Малопольского княжества было вынуждено пойти на уступки, причем за счет интересов князя Александра Всеволодовича, который, видимо, сразу после передачи Владимира вернулся в Белз¹⁰⁶.

Возвращение Владимира-Волинского — крупного политического центра Юго-Западной Руси — Романовичам было поворотным событием как в истории Волыни и Галичины, так и в истории русско-польских отношений первой половины XIII в. Если до конца 1214 г. Малопольское княжество Лешко Бялого могло вмешиваться в дела Руси, используя внутренние смуты и феодальные усобицы русских феодалов, то постепенное восстановление сил сторонников централизации, во главе которых стояли Романовичи, возвращение побуждения боярского сепаратизма, но и для ограничения вмешательства и изгнания иноземных феодалов с восточнославянских земель. В этом крупную роль сыграл союз княжеской власти во главе с Романовичами с городским населением, союз, который должен был помочь, по словам Ф. Энгельса, «королевской власти одержать окончательную победу»¹⁰⁷.

4. Древнерусские и польские княжества во второй половине второго десятилетия — третьем десятилетии XIII в.

В том же 1214 г., когда Романовичи после длительного перерыва вернулись во Владимир-Волинский, малопольский двор принял новую попытку сближения с Венгрией. Это стремление установить контакты с недавним соперником было вызвано не только усилением волинских князей, которое грозило успешному проведению восточной политики краковского правительства потерей захваченных польскими феодалами западноволинских городов, но также обусловлено сохранением интереса Малопольского княжества к проблемам Галичины. В ходе переговоров, которые происходили в галицком городе Спише, венгерский король согласился заключить соглашение с малопольским князем. Летопись сообщает об этом так: «Лестько же посла посла своего Лестьича и Пакослава воеводу (к венгерскому королю Андрею II.— А. Г.), рекый: «Не есть лепо боярину княжити в Галичи, но поими дщерь мою за сына своего Коломана и посади и в Галичи». Улюби же король Андрей свет съ Пакославль и сняся с Лестьком во Зъпиши, и поя дщерь его за сына си»¹⁰⁸. В ходе переговоров фактически решался вопрос о прямом подчинении Галичины иностранным державам. По условиям договора, Малопольскому княжеству должны были быть переданы Перемышльская земля и Любачевская волость.

После переговоров в Спише король Андрей обратился в Рим к папе Иннокентию III с просьбой санкционировать польско-венгерский договор. С конца XII в., как известно, папство начало широкомасштабное наступление против народов восточноевропейского региона. В начале XIII в. на Балканах в результате четвертого крестового похода и падения Константинополя был создан оплот католицизма — Латинская империя, которая вела активную борьбу не только с «обломками» Византийского государства — Никейской и Трапезундской империями, но и с югославянскими православными странами — Болгарией и Сербией. На севере Европы немецкие, шведские и датские феодалы под лозунгом христианизации язычников организовали вторжение в Прибалтику — район интересов восточнославянских князей, что вызвало активное сопротивление Руси крестоносной агрессии. Таким образом, и на севере, и на юге восточнославянский мир столкнулся с фактом открытой феодальной экспансии, которая проводилась не только под предлогом насаждения христианства среди язычников, но и подчинения «престолу св. Петра» православной церкви и насильственного окатоличивания «схизматиков».

Римская курия задолго до 1214 г. проявляла интерес и к юго-восточным землям Руси. Так, в 1207 г., то есть в самом начале польско-венгерского вмешательства в жизнь этого восточнославянского региона, папой Иннокентием III была организована весьма представительная миссия во главе с кардиналом Григорием, который предпринял в Галичине безуспешную попытку проповеди

унии¹⁰⁹. Возвращаясь к событиям 1214 г., следует отметить, что Андрей II, прекрасно зная об устремлениях курии, не преминул вновь поднять вопрос о распространении католицизма в Галичине, который он связывал с коронацией своего сына королем Волыни и Галичины. На следующий год венгерский архиепископ по поручению папы провозгласил сына венгерского правителя Коломана королем.

Спишский договор со стороны краковского двора представлял дипломатическую акцию, недостаточно подкрепленную реальными возможностями, так как Малопольское княжество не имело значительных сил для ведения борьбы на востоке. Не случайно во время или сразу после переговоров с венгерским королем Лешко Бялый решил передать Даниилу Владимир, чтобы этой уступкой добиться сохранения за собой западноволыньских (забужских) и западногалицких городов. Однако относительная слабость позиций Кракова на Руси привела к тому, что враждебный Романовичам договор Польши и Венгрии о разделе Галичины не просуществовал долго. Между его участниками произошел разрыв. Изгнав из Галича воеводу Владислава Кормильчича, король Андрей II приказал ликвидировать польские гарнизоны, стоявшие в Перемышле и Любачеве. В. Т. Пашуто высказал мнение о том, что этот шаг венгерской администрации был связан с нежеланием польского двора оказывать помощь в подавлении народного движения в Галичине¹¹⁰. Однако обращение за содействием в Краков было направлено уже после разрыва с Лешко где-то в середине или во второй половине 1215 г.¹¹¹ Разорвав союз с Малопольским княжеством и попав в тяжелое положение в Галичине, венгерский двор приложил большие усилия, чтобы добиться участия Кракова в подавлении антивенгерской борьбы народных масс в Галиче, причем пытался использовать авторитет римской курии, которая с большим вниманием следила за событиями в юго-западных землях Руси¹¹². Однако добиться каких-либо результатов в этом направлении, даже опираясь на столь авторитетную поддержку, венгерским феодалам не удалось.

Разрыв с Венгрией, усиление власти сторонников Даниила Романовича на Волыни вынудили краковский двор предпринять новые шаги. Для сохранения своих позиций на Руси в 1217—1218 гг. Лешко Бялый устанавливает контакты с новгородским князем Мстиславом Мстиславичем Удалым. Последний начинает борьбу за галицкий стол, который ему удалось занять в 1219 г.¹¹³ В лице нового галицкого князя польские феодалы рассчитывали найти силу, противостоящую как венгерским магнатам, так и волынским Романовичам и их сторонникам. Однако эти надежды не оправдались. Мстислав после прихода к власти в Галичине стал отражать интересы местных феодальных кругов, в частности поддерживал тесные контакты с венгерским двором.

Волынский князь Даниил, видимо, понимал, почему польские феодалы подталкивали Мстислава занять галицкий стол. У молодого князя возник замысел заключить союз с ним, чтобы совмест-

ными усилиями противостоять экспансии иноземных держав. С этой целью был заключен матримониальный союз между Даниилом Романовичем и дочерью Мстислава Анной. Этот брак не принес реальной политической или военной выгоды волынскому правителю. Вместе с тем, вступая в родственные связи с Мстиславом, Даниил Романович, во-первых, показал, что он не отказывается от прав своей семьи на Галичину, а, во-вторых, добровольно брал на себя обязательство по защите этого края от вмешательства извне¹¹⁴.

В 1219 г. волынский князь одним ударом решил развязать две важные проблемы: избавиться от «покровительства» Лешко Бялого и, что более важно, вернуть захваченные польскими магнатами западноволыньские города. Даниил сделал попытку привлечь к борьбе с поляками тестя Мстислава, однако тот занял выжидательную позицию, сославшись на соглашение с Лешко Бялым. Но это обстоятельство не смутило волынского князя. Его дружина выбила польские гарнизоны из забужских городов, а затем нанесла серьезное поражение малопольской армии. Даниил удачно выбрал момент для нанесения удара, воспользовавшись значительными затруднениями, которые испытывал краковский князь из-за вспышки внутривосточной борьбы в Польше¹¹⁵.

Потеряв волыньские земли, малопольский князь Лешко снова идет на соглашение с венгерским королем, отказавшись при этом от своих (по Спишскому договору) прав на западную часть галицких земель. Направлением главного удара венгеро-польской коалиции стала не достаточно сильная в военном отношении Волынь, а Галичина, раздираемая боярскими распрями. Русскому войску, во главе которого стояли Мстислав, Даниил, Александр белзский, не удалось отстоять Галич, однако польские полки так и не рискнули напасть на Волынь¹¹⁶.

Отношения между Волынью и Малой Польшей после галицких событий обострились. В конце 1219 г. Даниил Романович заключил соглашение с литовскими князьями о совместных антипольских действиях. В начале XIII в. Волынь подвергалась многочисленным нападениям прусских и литовских отрядов. «Беда бо бе в земле Володимерьстей от воеванья литовского и ятвяжскаго», — с горечью писал о тех временах галицкий книжник¹¹⁷. Теперь главный удар прибалтийских дружин был направлен против соперника Волынского княжества — польских земель. «Ляхом же не prestaющим пакостящим, и приведе на ня литву, и воеваша ляхы, и много убиства створиша в них»¹¹⁸. О нападениях балтийских племен на Польшу и согласованности их с деятельностью волынского двора имеется упоминание и в польских анналах под 1220 г.: «Поляки потерпели поражение от пруссов и оружием неистовых русов были уничтожены»¹¹⁹.

Уже в 1221 г. папа Гонорий III из-за бедственного положения Польши освободил ее князей от участия в пятом крестовом походе¹²⁰. Важным следствием заключения волыньско-литовского союза был отказ мазовецкого князя Конрада, земли которого больше всего страдали от нападений прибалтийцев, поддерживать восточную

политику Лешко Бялого. Известно, что Конрад в то время предпринял шаги к установлению прочных связей с Даниилом и его братом Васильком ¹²¹.

Воспользовавшись нападением в 1220 г. венгерских полков на Галич, Лешко осуществил поход на Волынь. Дружина Даниила, видимо, оказала сопротивление нападавшим, в связи с чем Лешко предложил волынскому князю начать переговоры. Это предложение было дипломатической уловкой малопольского князя, который отнюдь не хотел прекращения войны с Романовичами, а стремился задержать волынского князя и не дать ему возможности вовремя прийти на помощь Мстиславу Удачливому. Согласно планам польского монарха, после разгрома отрядов галицкого князя малопольская дружина должна была объединиться с венгерским войском и совместным ударом разгромить волынян. Однако Конрад Мазовецкий, недовольный затянувшейся войной на Руси, предупредил Даниила о замысле брата. В результате волынский князь, не дожидаясь окончания переговоров с малопольским правителем, нанес удар венгерским отрядам и помогавшим им польским наемникам в Галичине.

Вскоре после окончания военных действий на Руси польские земли были вновь подвергнуты нападению прибалтийцев. Это обстоятельство заставило краковского князя подписать мир с Волынью (1221 г.), отказаться от поддержки белзского князя Александра, который в ходе войны переметнулся на сторону польских феодалов ¹²². Мирный договор с малопольским князем был важным политическим успехом Даниила Романовича и его сторонников. Установившиеся после его заключения мирные отношения между Малой Польшей и Волынью сохранялись в течение пяти лет. В данный период Даниил мог рассчитывать на помощь малопольского князя, который, однако, не отказался от своих экспансионистских планов на востоке. Так, в 1224 г., когда белзский князь Александр совместно с Мстиславом Удачливым начали военные действия против Романовичей, Даниил добился у малопольского двора военной помощи, благодаря которой смог нанести удар соперникам ¹²³.

В 1226 г. мирный договор Малопольского и Волынского княжеств был нарушен Лешко Бялым, который решил воспользоваться вновь вспыхнувшим в Галичине конфликтом для нанесения удара по Волыни, оказавшейся перед фактом ведения войны на два фронта. Узнав о вторжении на Русь польского войска, Даниил и Василько приложили все усилия, чтобы не допустить объединения венгров и поляков. На реке Буг между малопольскими и волынскими полками произошло сражение, в ходе которого войска Лешко Бялого понесли значительные потери и были вынуждены отступить ¹²⁴.

В связи с этим в Кракове вновь усилилась группировка сторонников невмешательства в дела соседней страны, выступавшая за поддержание дружественных отношений с Волынью. Уже в 1227 г. контакты между Малопольским и Волынским княжествами были налажены, что позволило Даниилу Романовичу в условиях войны

Волыни с Киевским и Черниговским княжествами обратиться за помощью к Лешко Бялому. Причем, если судить из сообщения Галицко-Волынской летописи, эта помощь была значительной. «Даниил же и Василько собравша ляхы много (подчеркнуто нами.— А. Г.), идоста Кыеву со Пакославом и Олександром (белзский князь.— А. Г.) с нима. Сретоша же послы от Володимера (киевского.— А. Г.) и Михаила (черниговского.— А. Г.): Воротислав Петровичь, Юрьи Толигневичь, хотяше мира. Умиришася, и ляхове возворотишася въспяты» ¹²⁵.

Еще более тесные связи между Волынью и Малой Польшей установились после смерти в конце ноября 1227 г. Лешко Бялого, когда к власти в Кракове пришел Конрад, сторонники которого и раньше выступали за дружественные отношения с Романовичами. Теперь это было особенно важно, так как со смертью Лешко обострилась борьба за краковский трон между вдовой умершего князя, матерью малолетнего Болеслава Стыдливого Гремиславой, а также силезским и великопольским правителями Генрихом Бородатым и Владиславом Одоновичем. В 1229 г. князь Конрад обратился к Даниилу и Васильку с просьбой поддержать его в походе против Владислава. Весной того же года волынские князья отправились в Польшу. В Малой Польше к ним присоединились дружина Конрада и отряды краковских феодалов. Лагерь союзников Даниила не был однороден, так как возглавлявшие малопольские отряды воеводы Пакослав и Мстиуй не были сторонниками мазовецкого князя, стремились провозгласить на троне в Кракове малолетнего Болеслава Стыдливого ¹²⁶. Поход объединенной армии проходил успешно. Даниил и Василько с союзниками подошли к крупному великопольскому городу Калишу, который после продолжительной осады сдался. Между великопольскими магнатами и мазовецким князем был подписан мирный договор. В это же время было заключено соглашение русских и польских феодалов, которые договорились в будущих столкновениях не захватывать друг у друга крестьян. «Створиша же межю собою клятву русь и ляхове,— пишет об этом Галицко-Волынская летопись,— аще по семь коли будить межю ими усобица, не воевати ляхом руское челяди, ни руси лядьской» ¹²⁷.

В 1230 г. волынский князь получил значительную помощь от Конрада для отражения нападения венгерских полков на Галичину. Польские отряды приняли участие в походе дружины Даниила, в результате которого Романовичам удалось вернуть себе галицкий стол ¹²⁸.

Союз Даниила и Конрада, казалось бы, так ярко проявившийся во время похода 1229 г. и в меньшей степени — в событиях 1230 г. в Галичине, не получил дальнейшего развития. И это обстоятельство объясняется усилившимся противоборством мазовецкого князя и малопольских магнатов, поддержавших Болеслава Стыдливого. В таких условиях сохранение волынского-мазовецкого союза должно было сделать сторонников Болеслава Стыдливого противниками Волыни, что при неустойчивом положении Конрада в

Кракове имело негативные последствия для древнерусского княжества. Это, конечно, не входило в политические планы волынского князя.

Еще во время похода на Калиш волынские князья стремились не обострять отношений с малопольской феодальной верхушкой. Несколько позже при волынском дворе нашел убежище изгнанный из Кракова Конрадом воевода Пакослав. Вместе с ним на Волынь прибыла группа сандомирских рыцарей, которые вступили в дружину Даниила¹²⁹.

Активные контакты Руси и Польши в конце 20-х — начале 40-х годов XIII в. не прошли мимо внимания римской курии, по-прежнему пристально наблюдавшей за событиями на Руси, стремившейся к ухудшению взаимоотношений двух славянских стран. В частности, в марте 1232 г. папа Григорий IX обратился с посланием к высшим иерархам польской католической церкви с требованием, чтобы польские князья не использовали военную помощь русских союзников. В то же время папский двор выступил с аналогичными письмами, задачей которых было накалить отношения между польским и древнерусским народами. Это свидетельствует не только о враждебности Рима к восточным славянам, но, в известной степени, и о недостаточной реакции на нее в Польше, которая продолжала развивать разнообразные контакты с восточным соседом¹³⁰.

Бесповоротная утрата Конрадом позиций в Малой Польше привела к середине 30-х годов XIII в. к окончательной переориентации Волыни на союз с краковской феодальной верхушкой, во главе которой стояли Болеслав Стыдливый и его мать Гремислава. Одновременно у Волынского княжества резко обострились отношения с Мазовией.

В 1235 г. была оказана польскими отрядами помощь Васильку Романовичу, которую он использовал против захвативших Галич венгерских феодалов. «Зиме же приспевши, иде Василко Галичу, пойма ляхы»¹³¹. В источнике нет упоминания, от кого из польских князей была получена эта помощь, однако можно предположить, что ее оказали волынскому князю сторонники Болеслава Стыдливого, так как другой сосед Волыни, Конрад Мазовецкий, занял враждебную позицию по отношению к Руси¹³². Это проявилось в 1236 г., когда дружина Конрада напала на волынские земли, однако ей не удалось добиться какого-либо успеха. Сначала возле Червена, а затем на Вепше мазовецкие отряды в ходе боевых действий понесли большие потери и были вынуждены вернуться домой¹³³.

В то же время Мазовецкое княжество вмешалось в дела западнорусских земель. Еще в 1228 г. по инициативе ее князя был основан из прибывших из Риги рыцарей-меченосцев орден, который по месту их пребывания в г. Добжине получил название Добжиньского. В 1235 г. часть добжиньских рыцарей вошла в состав усилившегося Тевтонского ордена. Однако значительная часть крестоносцев во главе с магистром Добжиньского ордена Бруно отказалась терять самостоятельность. Именно этот отряд рыцарей решил

использовать Конрад Мазовецкий, который предложил Бруно и его подчиненным поселиться в русском городе Дрогичине¹³⁴. Этим актом мазовецкий двор стремился создать форпост против литовских племен, укрепиться в западнорусских землях, которые входили в сферу влияния волынской администрации¹³⁵.

Вторжение крестоносцев в пределы Руси (1237 г.) представляло серьезную угрозу интересам волынских князей, которые незамедлительно организуют военную экспедицию на север. В марте 1238 г. дружина Даниила нанесла сокрушительный удар по захватчикам, взяв в плен многих рыцарей. Галицко-Волынская летопись рассказывает об этой победе: «Данилови рекъшу: «Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Тепlichemъ, рекомым Соломоничемъ» (в основу устава ордена добжиньцев, как и меченосцев, был положен устав ордена тамплиеров, или «бедных рыцарей Христа и Соломонова храма». — А. Г.). И пойдоста на не в силе тяжьце. Приаста град месяца марта, старейшину их Бруна яша, и вои изоимаша и возъвратися Володимер»¹³⁶. Прекрасно понимая, кто действительный инициатор захвата Дрогичина крестоносцами, Даниил во второй половине 1238 г. организовал поход литовской и новгородской дружин на Мазовию¹³⁷.

В 1237 г. на Русь совершили нападение орды Батые. Нашествие полчищ монголо-татарских ханов привело к установлению в Восточной Европе золотоордынского ига, положило начало новому историческому периоду в истории восточнославянского населения.

* * *

С середины XII в. в развитии русско-польских отношений начался новый период, связанный с наступлением феодальной раздробленности. В 40-х годах XII в. восстановленный киевским и краковским князьями военно-политический союз еще помогал верховным сеньорам Руси и Польши противостоять их противникам, однако уже к рубежу 40—50-х годов этот союз двух великих князей утратил свое значение. Это обстоятельство было связано с неустойчивостью власти киевского и краковского монархов, усилением позиций местных феодалов. Политические контакты между Русью и Польшей с этого времени сводятся к более частным взаимоотношениям соседних русских и польских княжеств — Малой Польши, Мазовии, Галичины и Волыни. Помощь союзников (польских на Руси, русских в Польше) была направлена на поддержку в соседних странах дружественных им феодалов, а также на противодействие экспансии других государств. Неустойчивость политической ситуации в эпоху феодальной раздробленности приводит к определенной нестабильности в развитии русско-польских отношений. Стрелка политического барометра в то время постоянно склонялась в зависимости от внутривосточной обстановки то в сторону Руси, то в сторону Польши.

В 80-х годах XII в. в условиях определенной тенденции к децентрализации в Юго-Западной Руси наблюдалось усиление политического давления Польши, а точнее, Малопольского княжества, которое стремилось распространить свой контроль на Волынь и Галичину. В свою очередь, с начала 90-х годов возрастает влияние Волынского (позже Галицко-Волынского) княжества на политическую жизнь в Польше. Многочисленные усобицы в Галичине и на Волыни, вспыхнувшие в первом десятилетии XIII в., создают благоприятные возможности для активного вмешательства польских феодалов в дела восточнославянских земель. Малопольскому княжеству удалось даже на несколько лет подчинить некоторые западноволыньские города. Однако это завоевание носило временный характер. Условий для широкой экспансии польских феодалов на Русь в то время еще не было. Восстановление Романовичами сильного Волынского княжества в первые десятилетия XIII в. нанесло удар по агрессивным планам малопольских феодалов. Позже, в конце 20-х — начале 30-х годов создались условия для сохранения в целом мирных отношений, однако феодальные усобицы, продолжавшиеся внутри двух стран, обусловили возникновение локальных конфликтов, которые проявились в волыньско-мазовецких столкновениях второй половины 30-х годов XIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кардинальные перемены в социально-экономической жизни восточных и северной («польской») группы западных славян во второй половине I тыс. н. э., прежде всего генезис феодальных отношений и возникновение раннеклассовой государственности, создали необходимые предпосылки для возникновения политических взаимоотношений двух славянских стран. Установление русско-польских межгосударственных связей тесно связано с процессом складывания государственных территорий Древней Руси и Польши. Распространение влияния киевской и гнезненской княжеских администраций соответственно на районы Побужья и Малой Польши привело к оформлению дипломатических контактов сторон в начале 90-х годов X в., около 992 г. Отсутствие четкого этнического размежевания между восточнославянским и западнославянским населением в междуречье Западного Буга, Вепша и Сана, повышенная внешнеполитическая активность раннефеодальных государств обусловили определенные осложнения в развитии русско-польских отношений в конце X — первой трети XI в. Особенно это проявилось во втором десятилетии XI в., в период наибольшей внешнеполитической активности Польского раннефеодального государства, стремившегося распространить свое влияние на восток. Кульминацией стал поход князя Болеслава Храброго в 1018 г. для поддержки угодного польским феодалам князя Святополка в Киеве. Поход 1018 г., хотя и был крупным столкновением между древнерусскими и польскими господствующими кругами, носил в целом «верхушечный» характер и не задевал интересы основной части населения Руси. Анализ событий 1018 г. показывает, что наемное войско Болеслава I Храброго оказалось неспособным вести длительные военные действия на Руси. Это обстоятельство явилось основной причиной быстрого ухода польского войска из столицы Руси и разрыва Болеслава со Святополком.

Захват польскими полками Побужья в конце похода 1018 г. и большого количества пленных из Киева, среди которых было много представителей знати, привел к серьезным осложнениям в развитии отношений Руси и Польши в 20-х — начале 30-х годов XI в. Во второй половине 20-х годов киевский двор оказывал активную поддержку оппозиционным польскому королю Мешко II силам,

а на рубеже 20—30-х годов вступил в войну с западославянским государством, в ходе которой русским дружинам удалось отвоевать завоеванные польскими феодалами восточнославянские земли.

Возвращение Побужья Руси, укрепление позиций Киева в западных землях восточнославянского государства создали условия для стабилизации его связей с Польшей, окончательного разрешения спора двух стран из-за пограничной территории в пользу Древнерусского государства.

С конца 30-х годов XI в. начался новый период в истории отношений двух славянских стран. Важными факторами, повлиявшими на изменение характера русско-польских связей в то время, были: преодоление негативного воздействия противоречий между двумя государствами в конце X — первой трети XI в.; изменения в социально-экономическом развитии раннефеодального общества, связанные с феодализацией дружин, члены которых перестали быть заинтересованными, как раньше, в дальних походах как главным источнике доходов; внешнеполитическая опасность для Польши — со стороны Германской империи, для Руси — со стороны орд кочевников, заставлявшая концентрировать основное внимание в международной деятельности обеих стран на эти направления. Ведущая тенденция в отношениях между Русью и Польшей — стремление киевского и краковского правительств к поддержанию взаимного военного и политического союза. Главной антитезой стабильных политических контактов между двумя государствами явились нарастающие с каждым десятилетием элементы феодальной раздробленности.

Межгосударственный союз Руси и Польши впервые оформился в 1038 г., что позволило Киеву не только преодолеть противоречия с западным соседом, но и укрепить позиции в Прибалтике, а краковскому двору — восстановить территориальное единство своей страны. В 50—60-х годах XI в. поддерживались добрососедские отношения между Русью и Польшей. Так, в 1069 г. дружина польского князя помогла Изяславу Ярославичу вернуть киевский престол, который он утратил в ходе сентябрьского восстания 1068 г. в столице Руси. Важно отметить, что польские воины оказывали поддержку дружинникам Изяслава в репрессиях против участников антикняжеского движения, в чем проявилась классовая солидарность феодальных кругов двух стран.

В 70-х годах XI в. международная позиция Руси и Польши, их взаимоотношения воздействовали на ход ожесточенной борьбы в Центральной Европе, во главе которой стояли германский император и римский папа. Так, осуществленный летом — зимой 1075 г. поход русской и польской дружин в Чехию способствовал укреплению антиимператорских сил в Германии, международного суверенитета Польского государства.

Резкое обострение внутривосточной борьбы на Руси и в Польше в 80—90-х годах XI в. привело к временному прекращению действия военно-политического союза между обоими государствами. Усиление тенденций к децентрализации обусловило появ-

ление полицентризма в конце XI в. во внешней политике Руси, а в начале XII в. — и Польши.

Внутрифеодальные войны на Руси в конце XI в. ослабили ее перед лицом усилившейся военной угрозы со стороны половцев, стремившихся овладеть не только южнорусскими землями, но в значительной мере и Юго-Восточной Польшей. В этой связи начавшаяся в первые годы XII в. активная борьба Древней Руси с кочевниками была объективно важной и для Польского государства. Укрепление позиций центральной власти на Руси и в Польше в то время создало условия для восстановления былого военно-политического союза двух стран. Благодаря этому Болеславу III Кривоустому и его окружению удалось разгромить соперников внутри страны и отразить нападение армии германского императора Генриха V. Несколько позже, во втором десятилетии XII в., русские и польские дружины совершили успешные совместные походы в Прибалтику.

Союз славянских стран в начале XII в. носил в значительной степени полицентрический характер, что в условиях противоборства на Руси двух группировок знати во главе со Святополком и Владимиром Мономахом делало этот союз весьма неустойчивым. Победа сторонников Мономаха в этой борьбе и приход их к власти в Киеве вызвали ухудшение русско-польских отношений на рубеже 10—20-х годов XII в., что, однако, не сказалось в дальнейшем.

С наступлением эпохи феодальной раздробленности тесно связано начало нового этапа в истории взаимосвязей Руси и Польши. Эволюция государственных и общественных институтов в новую историческую эпоху привела к изменениям в характере русско-польских политических отношений уже в 40—70-х годах XII в. В данный период ликвидируются не только союзнические связи между верховными правителями двух стран, но и вообще централизованные взаимоотношения между Русью и Польшей. Наступил период полного господства полицентризма во внешней политике двух славянских государств, который проявился в политических отношениях близлежащих друг к другу древнерусских и польских княжеств — Волыни, Галичины, Малой Польши и Мазовии. Неустойчивость политической ситуации во внутренней жизни обеих стран привела к нестабильности их внешнеполитических взаимоотношений. Так, в 80-х годах XII в. в условиях феодального дробления волыньских земель и острых конфликтов в Галичине наблюдалось возрастание политического давления Малопольского княжества. Однако уже в начале 90-х годов XII в. установилось политическое равновесие, а с середины 90-х годов определенное преобладание Волыни в русско-польских отношениях, что связано с усилением Волынского (с 1199 г. — Галицко-Волынского) княжества Романа Мстиславича.

Вспыхнувшие в середине первого десятилетия XIII в. феодальные усобицы в Юго-Западной Руси, соперничество нескольких древнерусских княжеских семей за «галицко-волыньское наследство» создали условия для вмешательства Малопольского княжества

в дела Волыни и Галичины. Однако успехи польских феодалов, которым, в частности, удалось на несколько лет занять забужские города, носили временный характер. Несмотря на крайне сложную обстановку, на Волыни оформился союз городского населения и служивого боярства с великокняжеской властью, активно борющийся за объединение древнерусских земель. В свою очередь, Малопольское княжество не имело достаточных возможностей для широкой феодальной экспансии на востоке.

Во второй половине 10-х годов XIII в. произошло усиление Волынского княжества, правитель которого Даниил добился изгнания польских гарнизонов из забужских городов, нанес ряд поражений малопольским дружинам. Это обстоятельство заставило малопольские феодальные круги отказаться от планов широкого вмешательства не только в дела Волыни, но и в усобицы в Галичине, где они ранее поддерживали венгерскую феодальную армию. К началу 30-х годов XIII в. вызрели условия для нормализации отношений между древнерусскими и польскими княжествами, что во многом связано с новым усилением Волыни.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что политические отношения Руси и Польши находились в тесной связи с внутренним социально-экономическим и политическим развитием двух славянских стран. Эти отношения в основном сводились к взаимосвязям представителей феодальных классов и проявлялись в военных выступлениях и реже — дипломатических действиях.

В заключение следует еще раз отметить значительную роль политических отношений Древней Руси и Польши X — первой трети XIII в. в истории международных связей европейских государств, их важное место в тысячелетней истории межгосударственных отношений восточнославянских и польского народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ ПВЛ.— Ч. 1.— 406 с.
- ² ПСРЛ.— Спб., 1908.— 2-е изд.— Т. 2.— Стб. 283—715.
- ³ Там же.— Стб. 715—938.
- ⁴ Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950.— 329 с.; Włodarski B. Polska i Ruś: 1194—1340.— Warszawa, 1966.— 326 s., et al.
- ⁵ ПСРЛ.— Л., 1926—1928.— Т. 1, вып. 1/3; ПСРЛ.— Спб., 1862.— Т. 9; НПЛ.— 641 с.
- ⁶ ПКПМ.— 272 с.
- ⁷ Galli Chronicon.— P. 418—478.
- ⁸ MWKP.— 256 s.
- ⁹ Rocznik świetokrzycki dawny // MPH.— 1868.— Т. 2.— P. 774—777; Rocznik kapitulny krakowski // Ibid.— P. 779—801, et al.
- ¹⁰ Thietmari Chronicon.— 516 S.; Lamberti Annales.— Pt. 1 // MGH SS.— 1839.— Т. 3.— P. 22—102; Pt. 2 // Ibid.— 1844.— Т. 5.— P. 134—264; Ortliebi Zwifaltensis Chronicon // MPH.— Т. 2.— P. 2—5; Annales Hildesheimenses // MGH SS.— Т. 3.— P. 22—116; Annales Quedlinburgenses // Ibid.— P. 22—90.
- ¹¹ Chronica Albrici monachi Trium Fontium // MGH SS.— 1874.— Т. 23.— P. 885.
- ¹² Gregorii P. VII ad Demetrium Regem Russorum et reginam uxorem ejus // HRM.— 1841.— Т. 1.— P. 1; Gregorii P. VII ad Boleslaum Ducem Poloniae // Ibid.— P. 2.— 3; Cosmae Chronicon.— P. 1—132; Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH.— 1937.— Vol. 1.— P. 217—506; Chronicon Monacense // SRH.— 1938.— Vol. 2.— P. 58—86; Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия.— М., 1978.— С. 89—104.

Глава I

- ¹ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 170.
- ² См.: Энгельс Ф. Марка // Там же.— Т. 19.— С. 338; о становлении феодализма на Руси и в Польше см.: Горский А. А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // ВМГУ.— 1982.— № 4.— С. 72—80; Лойберг М. Я. К вопросу о становлении феодального государства в Польше // Ежегодник по аграр. истории Вост. Европы за 1966 г.— 1970.— С. 99—103; История крестьянства в Европе.— М., 1985.— Т. 1.— С. 314—372.
- ³ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century.— London, 1899.— P. 77.
- ⁴ Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян в Восточной и Центральной Европе // ИИСБН.— М., 1972.— С. 16—28.
- ⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— С. 164.
- ⁶ Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси (Тезисы) // ИСССР.— 1981.— № 1.— С. 73.

- ⁷ ПВЛ.— М., 1950.— Ч. 1.— С. 24.
- ⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки соц.-полит. истории.— Л., 1980.— С. 25—26; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси.— М., 1980.— С. 99—100, и др.
- ⁹ О расселении восточных славян см.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. 327 с.
- ¹⁰ Житие Мефодия // Сказания о начале славянской письменности.— М., 1981.— С. 99; ср.: Hensel W. U źródeł Polski średniowiecznej.— Wrocław, 1971.— S. 294—296.
- ¹¹ Исаевич Я. Д. Древнепольская народность и ее этническое самосознание // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.— М., 1982.— С. 147.
- ¹² Króla Alfreda opis Germanii // МРН.— 1864.— Т. 1.— Р. 13—14.
- ¹³ Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn-Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego.— Kraków, 1946.— S. 50.
- ¹⁴ Cosmae Chronicon.— L. 2, 37.
- ¹⁵ Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами // ИИСБН.— М., 1972.— С. 115—116; ср.: Labuda G. Kraków biskupi przed r. 1000 // SH.— 1984.— N 3.— S. 410.
- ¹⁶ Исаевич Я. Д. Висляне и лендзяне в IX—X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей.— М., 1981.— С. 156—170; Łowmiański H. Lędzianie // SA.— 1953.— N 1.— S. 112—113.
- ¹⁷ Кучинко М. М. Археологічні пам'ятки IX—XIII ст. в верхів'ях р. Сан // СВУ.— 1973.— Вып. 2.— С. 104—108; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 100; Myśliński K. Polityczna problematyka pogranicza polsko-ruskiego do końca X w. // RL.— 1972.— Т. 15.— S. 143—144.
- ¹⁸ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.— Washington, 1967.— Cap. 7.
- ¹⁹ Łowmiański H. Lędzianie.— S. 112—113.
- ²⁰ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества Древней Руси.— Л., 1983.— С. 63—64; Головки О. Б. Формування державної території Давньої Русі і древлянський союз племен // Друга респ. конф. з іст. краєзнавства.— К., 1982.— С. 278—279.
- ²¹ История Польши: В 3 т.— 2-е изд., дополн.— М., 1956.— Т. 1.— С. 36—37.
- ²² Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // Opis grodów i terytoriów z północnej strony Dunaju czyli t. z. Geograf Bawarski.— Lwów, 1917.— S. 4—5; Hensel W. U źródeł Polski średniowiecznej.— S. 290.
- ²³ Исаевич Я. Д. Древнепольская народность и ее этническое самосознание.— С. 143—150.
- ²⁴ Galli Chronicon.— L. 1, 1.
- ²⁵ Ibid.— L. 1, 1.
- ²⁶ Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn-Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego.— S. 50; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв.— М., 1964.— С. 76; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— М., 1968.— С. 31.
- ²⁷ Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами.— С. 107—124.
- ²⁸ Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава.— М., 1982.— С. 101—203; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 47—72.
- ²⁹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 121; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв.— М., 1959.— С. 39; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси.— С. 295 и др.
- ³⁰ Lamberti Annales // MGH SS.— 1839.— Т. 3.— Pt. 1.— P. 63.
- ³¹ Annales Quedlinburgenses // MGH SS.— Т. 3.— P. 63, et al.; Свердлов М. Б. Латинские источники по истории Древней Руси IX—первой четверти XII в. Германия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1968.— С. 9; Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. // Вопр. языкознания.— 1980.— № 5.— С. 51—52.

- ³² ПВЛ.— Ч. 1.— С. 58.
- ³³ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 33; Kętrzyński S. Polska X—XI wieku.— Warszawa, 1961.— S. 71, et al.
- ³⁴ Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn-Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego.— S. 50; Cosmae Chronicon.— L. 2, 33.
- ³⁵ Kūrbisōwna B. Dagome iudex: Studium krytyczne // PPP.— Т. 1.— S. 394—396; ср.: Cosmae Chronicon.— L. 1, 34; где говорится о присоединении Кракова к Польскому государству в 999 г.
- ³⁶ См. прим. 33.
- ³⁷ Королюк В. Д. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в. // КСИС.— 1952.— Вып. 9.— С. 43—50; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 74—107.
- ³⁸ Kuczyński S. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVIII w.— Warszawa, 1965.— S. 33—118; Kuczyński S. Wschodnia granica państwa Polskiego // PPP.— Poznań, 1962.— Pt. 1.— S. 233—251.
- ³⁹ Myśliński K. Polityczna problematyka pogranicza polsko-ruskiego do końca X w.— S. 129—154; Labuda G. Kraków biskupi przed rokiem 1000.— S. 410.
- ⁴⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96—101.
- ⁴¹ Черепнин Л. В. Повесть временных лет: ее редакции и предшествующие ей летописные списки // ИЗ.— 1948.— Т. 25.— С. 332.
- ⁴² Palacky Fr. Dejiny narodu Ceskeho w Cechach a w Moravach.— Praha, 1848.— D. 1, č. 1.— S. 260—261.
- ⁴³ Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами.— С. 107—142, и др.
- ⁴⁴ Persowski F. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X—XI w.— Wrocław, 1962.— S. 88—91; Labuda G. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski.— Warszawa, 1966.— S. 234.
- ⁴⁵ Annales Quedlinburgenses.— P. 77.
- ⁴⁶ Thietmari Chronicon.— L. 7, 72; 8, 32, et al.; Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris // MGH SS.— 1854.— Т. 11.— 264.
- ⁴⁷ Исаевич Я. Д. Древнепольская народность и ее этническое самосознание.— С. 148. К восточнославянскому этнониму «ляхи» восходит скандинавское наименование поляков «лесум» (Laesum). См.: Islenszk fornrit.— Reykjavik, 1951.— B. 28.— Bl. 70.
- ⁴⁸ Łowmiański H. Początki Polski.— Warszawa, 1967.— Т. 3.— S. 129—130.
- ⁴⁹ ПСРЛ.— 1908.— 2-е изд.— Т. 2.— Стб. 758.
- ⁵⁰ Długosza Jana Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego.— Warszawa, 1961.— Ks. 1/2.— S. 269; Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudska i wszyskiej Rusi.— Warszawa, 1846.— Т. 1.— S. 151.
- ⁵¹ Татищев В. Н. История Российская.— М., 1962.— Т. 1.— С. 112, 118.
- ⁵² Пичета В. И. Образование Польского государства // Слав. сб.— 1947.— Вып. 1.— С. 56; Шекера І. М. Міжнародні зв'язки Київської Русі.— Київ, 1963.— С. 181—186.
- ⁵³ Kūrbisōwna B. Dagome iudex: Studium krytyczne.— S. 394—395.
- ⁵⁴ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 54.
- ⁵⁵ Annales Hildesheimenses // MGH SS.— Т. 3.— P. 69.
- ⁵⁶ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 84.
- ⁵⁷ НПЛ.— М.; Л., 1950.— С. 165.
- ⁵⁸ Rhode G. Die Ostgrenze Polens.— Köln, Graz, 1955.— S. 56.
- ⁵⁹ Florovskii A. V. Cesko-ruske obchodni styky v minulosti (X—XVIII st.).— Praha, 1954.— S. 8, 18.
- ⁶⁰ ПСРЛ.— Спб., 1862.— Т. 9.— С. 64.
- ⁶¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи.— М., 1963.— С. 160—161, 182—187; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.— М., 1980.— С. 186—188, и др.
- ⁶² См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси.— С. 66—69.
- ⁶³ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 86.
- ⁶⁴ Там же.— С. 58.
- ⁶⁵ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 103—104.

- ⁶⁶ *Grabski A.* Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w początkach XI wieku // SO.—1957.—Т. 6.—С. 168—169; *Florowski A. B.* Cesko-ruske obchodni styky v minulosti (X—XVIII st.).—С. 8.
- ⁶⁷ *Zakrzewski S.* Bolesław Chrobry-Wielki.—Warszawa, Kraków, Lwów, 1925.—С. 245.
- ⁶⁸ *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси.—М., 1967.—С. 29.
- ⁶⁹ *Historia Polski.*—Warszawa, 1957.—Т. 1, cz. 1.—С. 190.
- ⁷⁰ *Колесницкий Н. Н.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность.—М., 1977.—С. 49—50; *Grabski A. F.* Bolesław Chrobry.—Warszawa, 1964.—С. 90—100, et al.
- ⁷¹ *Thietmari Chronicon.*—L. 5, 10.
- ⁷² *Karwasińska J.* Komentarz // Piśmiennictwo czasów Bolesława Chrobrego.—Warszawa, 1966.—С. 8—10; *Wojciechowski T.* Szkice historyczne XI wieku.—Warszawa, 1908.—С. 39—41.
- ⁷³ *Гильфердинг А. Ф.* Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром // Рус. беседа.—1856.—№ 1.—С. 8—33.
- ⁷⁴ *Epistola Brunonis ad Henricum regem* // МРН.—1864.—Т. 1.—Р. 224—228; *Оглоблин Н. Н.* Письмо архиепископа Брунона к германскому императору // КУИ.—1873.—Авг.—С. 5—13; ср.: *Алпатов А. М.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XII—XVII вв.—М., 1973.—С. 71—72; *Widera B.* Brun von Querfurt und Russland // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der völkdemokratischen Länder Europas.—Berlin, 1959.—Bd. 3.—С. 365—370; *Воронов А. Д.* О латинских проповедниках в X—XI вв. // ЧИОНЛ.—1879.—С. 1—21; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.—М., 1960.—Кн. 1.—С. 200; *Франко І. Я.* Причинки до історії України — Русі // Збір. творів: В 50 т.—К., 1986.—Т. 47.—С. 417—548.
- ⁷⁵ *Воронов А. Д.* О латинских проповедниках в X—XI вв.; *Ляскоронский В.* К вопросу о местонахождении в пределах России района, в котором проповедовал Брунон в начале XI века // ЖМНП.—1916.—Авг.—С. 274—295; *Zarkzewski S.* Bolesław Chrobry-Wielki.—С. 209—251.
- ⁷⁶ *Грабский А. Ф.* По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. // ВВ.—1958.—Т. 14.—С. 177; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 223; *Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в. // Проблемы международных отношений.—Л., 1972.—С. 288; *Свидерский Ю. Ю.* Борьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст.—К., 1983.—С. 52—53.
- ⁷⁷ См.: *Энгельс Ф.* Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 21.—С. 495.
- ⁷⁸ *Epistola Brunonis ad Henricum regem.*—Р. 224—225.
- ⁷⁹ *Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в.—С. 288; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 215.
- ⁸⁰ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник: Опыт анализа.—М., 1957.—С. 79—82; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—С. 34—35; *Зінчук Я. П.* Міжнародні відносини в період німецько-польської війни 1003—1018 рр. // Пр. Одес. ун-ту.—1962.—Т. 152: Сер. іст. наук.—Вип. 9.—С. 192; *Widera B.* Brun von Querfurt und Russland.—С. 365—367.
- ⁸¹ *М. А. Алпатов* (Русская историческая мысль и Западная Европа.—С. 75—77) и *Ю. Ю. Свидерский* (Борьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст.—С. 52—53) полагают, что деятельность Бруно была тесно связана с интересами Германии. Однако это мнение противоречит данным источников, которые свидетельствуют о тесной связи архиепископа с польским двором.
- ⁸² *Karwasińska J.* Komentarz.—С. 19—20.
- ⁸³ *Epistola Brunonis ad Henricum regem.*—Р. 225.
- ⁸⁴ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio.—Cap. 37; *Kuczyński S.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.—С. 47; *Dąbrowski K.*; *Nadgrodska-Majchrzyk T.*; *Trzyjarski E.* Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie.—Warszawa, 1975.—С. 63.
- ⁸⁵ *Epistola Brunonis ad Henricum regem.*—Р. 225.

- ⁸⁶ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник.—С. 81; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.—М., 1968.—С. 218; *Grabski A. F.* Bolesław Chrobry.—С. 252—253.
- ⁸⁷ *Epistola Brunonis ad Henricum regem.*—Р. 225.
- ⁸⁸ См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—С. 35; *Grabski A. F.* Bolesław Chrobry.—С. 252—253.
- ⁸⁹ *Annales Quedlinburgenses.*—Р. 80; *Thietmari Chronicon.*—L. 6, 91.
- ⁹⁰ См., например: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв.—С. 51—52; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа.—С. 74—78.
- ⁹¹ *Рапов О. М.*, *Ткаченко Н. Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского // ВМГУ.—1980.—№ 3.—С. 61.
- ⁹² *Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. // МС.—М., 1961.—С. 119—120.
- ⁹³ *Thietmari Chronicon.*—L. 6, 91.
- ⁹⁴ *Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в.—С. 292.
- ⁹⁵ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 214. В литературе высказывается предположение о связи похода Болеслава на Русь с заключением брака между Владимиром и внучкой Оттона I (*Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в.—С. 291; *Назаренко А. В.* О датировке Любечской битвы // ЛХ за 1984 г.—1985.—С. 18), однако имеющиеся источники не дают оснований для преувеличения политических последствий указанного династического союза и тем более для проведения параллели между событиями 1012—1013 и 1017—1018 гг.
- ⁹⁶ *Łowmiański H.* Studia nad wczesną Słowiańszczyzną // КН.—1960.—N. 3.—С. 751; *Головки А. Б.* К вопросу о роли «Червенских градов» в истории восточного и западного славянства в IX—первой трети XI в. // Древнерусское государство и славяне.—Минск, 1983.—С. 108.
- ⁹⁷ *Epistola Brunonis ad Henricum regem.*—Р. 225.
- ⁹⁸ *Thietmari Chronicon.*—L. 4, 5; 6, 91.
- ⁹⁹ *Roepell R.* Geschichte Polens.—Hamburg, 1840.—Bd. 1.—С. 145.
- ¹⁰⁰ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник.—С. 82; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 217—219, и др.
- ¹⁰¹ *Grabski A. F.* Bolesław Chrobry.—С. 253, et al.
- ¹⁰² *Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в. // ИИСВН.—С. 150—151; *Свердлов М. Б.* Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского // ДГ за 1975 г.—1976.—С. 110.
- ¹⁰³ *Annalista Saxo* // MGH SS.—1844.—Т. 6.—Р. 665, 673—674.
- ¹⁰⁴ Первые тринадцать лет XI в. фактически обойдены вниманием в древнерусском летописании, поскольку относящиеся к этому времени упоминания в «Повести временных лет» взяты из княжеского помянника и отмечают лишь факты смерти представителей княжеской династии. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах.—СПб., 1908.—С. 152—153.
- ¹⁰⁵ *Греков Б. Д.* Борьба Руси за создание своего государства.—Л., 1945.—С. 69.
- ¹⁰⁶ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 226.
- ¹⁰⁷ *Королюк В. Д.* Русь и Польша в первые 15 лет XI века // УЗИС.—1963.—Т. 23.—С. 32; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв.—С. 53—54, и др.
- ¹⁰⁸ *Thietmari Chronicon.*—L. 7, 73.
- ¹⁰⁹ См.: *Рапов О. М.*, *Ткаченко Н. Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского.—С. 62.
- ¹¹⁰ *Thietmari Chronicon.*—L. 7, 73.
- ¹¹¹ *Grabski A. F.* Bolesław Chrobry.—С. 253.
- ¹¹² *Свердлов М. Б.* Дания и Русь в XI в. // Исторические связи Скандинавии и России.—Л., 1970.—С. 84.
- ¹¹³ *Thietmari Chronicon.*—L. 8, 32.
- ¹¹⁴ *Grabski A. F.* Bolesław Chrobry.—С. 206—213.
- ¹¹⁵ ПВЛ.—Ч. 1.—С. 90.
- ¹¹⁶ Там же.—С. 90—96; НПЛ.—С. 15, 168—177.
- ¹¹⁷ *Thietmari Chronicon.*—L. 7, 72; 8, 31—33.

- ¹¹⁸ *Saga* об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия.— М., 1978.— С. 89—104.
- ¹¹⁹ Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника.— Спб., 1872.— С. 198; Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.— Киев, 1884.— Ч. 1.— С. 85—87; см. также: Голубовский П. В. Хроника Дитмара как источник для русской истории // КУИ.— 1878.— № 9.— С. 27—40, и др.
- ¹²⁰ Ляскоронский В. Титмарові повідомлення про руські справи.— К., 1927.— С. 138—143.— Отд. отт.
- ¹²¹ Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи // Изв. АН СССР. Сер. 6.— 1926.— Т. 20, № 12.— С. 1061—1086; ср.: Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье.— М., 1978.— С. 295.
- ¹²² Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 168.
- ¹²³ Grabski A. F. Bolesław Chrobry.— S. 256—267; см. также рецензию Т. Васильевского: КН.— 1959.— N 3.— С. 941.
- ¹²⁴ См., например: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982.— С. 414, и др.
- ¹²⁵ Алешковский М. Х. Повесть временных лет.— М., 1971.— С. 129—131; см. также: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.).— М., 1986.— С. 13—36.
- ¹²⁶ Łowmiański H. Świętopelk w Brześciu w roku 1019 // ESP.— Poznań, 1970.— S. 238, et al.
- ¹²⁷ Рапов О. М. Принятие христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ.— 1984.— № 6.— С. 44.
- ¹²⁸ Назаренко А. В. О датировке Любечской битвы.— С. 13—19; ср.: Головки А. Б. Политические отношения Руси и Польши в начале XI в. // Вопр. истории СССР.— 1981.— Вып. 26.— С. 113.
- ¹²⁹ Thietmari Chronicon.— L. 7, 74.
- ¹³⁰ Сага об Эймунде.— С. 91.
- ¹³¹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 90—91.
- ¹³² Сага об Эймунде.— С. 96—98; ср.: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 95.
- ¹³³ Thietmari Chronicon.— L. 8, 32; о нападениях печенегов и пожарах в Киеве сообщают и русские летописи. См.: ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96.
- ¹³⁴ Thietmari Chronicon.— L. 8, 32; ПВЛ.— Ч. 1.— С. 90—96.
- ¹³⁵ Сага об Эймунде.— С. 99; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 168.
- ¹³⁶ Thietmari Chronicon.— L. 7, 65.
- ¹³⁷ НПЛ.— С. 15, 180.
- ¹³⁸ Galli Chronicon.— L. 1, 6; Balzer O. Genealogia Piastów.— Warszawa, 1895.— S. 41—43.
- ¹³⁹ Thietmari Chronicon.— L. 8, 1.
- ¹⁴⁰ Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki.— S. 291; Грабский А. Ф. По поводу польско-византийских отношений в начале XI века // ВВ.— 1958.— Т. 14.— С. 181; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 35—36.
- ¹⁴¹ Thietmari Chronicon.— L. 8, 31; Грабский А. Ф. По поводу польско-византийских отношений в начале XI века.— С. 179.
- ¹⁴² Котляр М. Ф. Ярослав Мудрый // УИЖ.— 1978.— № 6.— С. 89—101.
- ¹⁴³ Karłowicz J. Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego.— Poznań, 1872.— 32 s.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ.— 1-е изд.— Спб., 1843.— Т. 2.— С. 263.
- ¹⁴⁵ См., например: Головки О. Б. Русьско-польські відносини в радянській історіографії (1956—1980) // Пробл. слов'янознавства.— 1984.— Вып. 30.— С. 104—105.
- ¹⁴⁶ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96—97; Thietmari Chronicon.— L. 7, 65; 8, 31—33; Galli Chronicon.— L. 1, 7, 10.
- ¹⁴⁷ Thietmari Chronicon.— L. 8, 31—33; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 245—246; Grabski A. F. Bolesław Chrobry.— S. 261—262.
- ¹⁴⁸ Thietmari Chronicon.— L. 8, 32; Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn-Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego.— Kraków, 1946.—

- S. 50; ср.: Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego // RW.— 1934.— Т. 3.— С. 91.
- ¹⁴⁹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96; Thietmari Chronicon.— L. 8, 31; Galli Chronicon.— L. 1, 7, 10.
- ¹⁵⁰ Данные поздней Тверской летописи об обороне Киева сторонниками Ярослава (ПСРЛ.— Спб., 1853.— Т. 15.— С. 136—137) не подтверждаются сведениями более ранних и достоверных источников. Использование М. А. Алпатовым устаревшего перевода хроники Титмара привело его к многочисленным неточностям в изложении событий лета 1018 г. на Руси (См.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа.— С. 81—82, 87).
- ¹⁵¹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96—97.
- ¹⁵² Thietmari Chronicon.— L. 8, 31; ср.: Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Русские известия Титмара Мерзебургского.— С. 65.
- ¹⁵³ Сага об Эймунде.— С. 100—103.
- ¹⁵⁴ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 99.
- ¹⁵⁵ Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego.— S. 90.
- ¹⁵⁶ Thietmari Chronicon.— L. 8, 32.
- ¹⁵⁷ См., например: Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Русские известия Титмара Мерзебургского.— С. 65.
- ¹⁵⁸ Поннэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии // ВВ.— 1968.— Т. 28.— С. 87.
- ¹⁵⁹ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI—XVII вв.— Киев, 1976.— С. 248.
- ¹⁶⁰ Там же.— С. 248—249.
- ¹⁶¹ Мауродин В. В. Образование Древнерусского государства.— М., 1945.— С. 355; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XII в.— С. 154—155, и др.
- ¹⁶² Thietmari Chronicon.— L. 8, 32; о дружественных отношениях киевской знати и Святополка см.: Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.— С. 88; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 37.
- ¹⁶³ Thietmari Chronicon.— L. 8, 32.
- ¹⁶⁴ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96—97.
- ¹⁶⁵ Thietmari Chronicon.— L. 8, 33.
- ¹⁶⁶ Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki.— S. 305; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 237—241, и др.
- ¹⁶⁷ Королюк В. Д. О последнем периоде правления Болеслава Храброго // ИЗ.— 1946.— Т. 19.— С. 142—148.
- ¹⁶⁸ ПСРЛ.— 1982.— Т. 37.— С. 27; ср.: Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 264.
- ¹⁶⁹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 97.
- ¹⁷⁰ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 258; Тихомиров М. Н. Древняя Русь.— М., 1975.— С. 90—91; Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ.— Ч. 2.— С. 346.
- ¹⁷¹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 96—97.
- ¹⁷² См., например: Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 244; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 111—112.
- ¹⁷³ НПЛ.— С. 15, 180; ср.: Thietmari Chronicon.— L. 7, 65.
- ¹⁷⁴ ПСРЛ.— 1915.— Т. 4, ч. 1, вып. 1.— С. 108; Thietmari Chronicon.— L. 8, 31; Galli Chronicon.— L. 1, 7.
- ¹⁷⁵ Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись» // ВИ.— 1956.— № 10.— С. 55—56.
- ¹⁷⁶ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 97.
- ¹⁷⁷ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 157; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 236—240.
- ¹⁷⁸ Thietmari Chronicon.— L. 7, 72—74.
- ¹⁷⁹ НПЛ.— С. 15; ср.: ПВЛ.— Ч. 1.— С. 97.
- ¹⁸⁰ ПКПМ.— С. 101—105; ПСРЛ.— Т. 15.— С. 137.
- ¹⁸¹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 97.
- ¹⁸² Савич А. А. Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та.— 1941.— Т. 2, вып. 1.— С. 97—108; Сверд-

лов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XI в.— С. 153.

¹⁸³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.— С. 439—440; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 112; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания.— М., 1977.— С. 204, и др.

¹⁸⁴ ПКПМ.— С. 101—105; *Galli Chronicon*.— L. 1, 7, 10; *Thietmari Chronicon*.— L. 7, 65; 8, 31—33.

¹⁸⁵ *Karłowicz J.* Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego.— S. 19; Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.— С. 94; см. также прим. 183.

¹⁸⁶ *Historia Polski*.— Т. 1, cz. 1.— С. 199.

¹⁸⁷ Королюк В. Д. О последнем периоде правления Болеслава Храброго.— С. 142—148.

¹⁸⁸ Головкин А. Б. Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X—первой трети XII в. // КЗЗР.— Минск, 1982.— С. 32—33.

¹⁸⁹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 99—100.

¹⁹⁰ Там же.— С. 99.

¹⁹¹ Зинчук Я. П. Міжнародні відносини в період німецько-польської війни 1003—1018 рр.— С. 94; Королюк В. Д. Древнепольское государство.— М., 1957.— С. 48; *Łowmiański H.* Świętopelk w Brześciu w roku 1019.— S. 244.

¹⁹² Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.— С. 121; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в.— С. 153; Кузьмин А. Г. Начало новгородского летописания // ВИ.— 1977.— № 1.— С. 69.

¹⁹³ *Łowmiański H.* Świętopelk w Brześciu w roku 1019.— S. 244.

¹⁹⁴ *Thietmari Chronicon*.— L. 4, 58.

¹⁹⁵ *Ibid.*— L. 8, 1; *Historia Polski*.— Т. 1, cz. 1.— С. 199; *Lewicki A.* Mieszko II // RAU.— 1876.— Т. 5.— С. 117; *Łowmiański H.* Dynastia Piastów we wczesnym średniowieczu // PPP.— Poznań, 1962.— Т. 1.— С. 136.

¹⁹⁶ *Roepell R.* Geschichte Polens.— S. 161; *Bresslau H.* Jahrbucher der Deutschen Reiches unter Konrad II.— Leipzig, 1887.— Bd. 2.— S. 5—6; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в.— С. 157.

¹⁹⁷ *Borawska D.* Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w.— Warszawa, 1964.— S. 78—80; *Łowmiański H.* Dynastia Piastów we wczesnym średniowieczu.— S. 136.

¹⁹⁸ *Lewicki A.* Mieszko II.— S. 147; ср.: *Historia Polski*.— Т. I, cz. 1.— С. 202; *Labuda G.* Utrata Moraw przez państwo polskie w XI w. // SDPCz.— Wrocław, 1960.— Т. 1.— S. 93—124, et al.

¹⁹⁹ *Annales Hildesheimenses*.— S. 98.

²⁰⁰ *Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris*.— P. 264, 269—270; ср.: Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в.— С. 156—157.

²⁰¹ *Annales Quedlinburgenses*.— P. 90; *Annales Augustani* // MGH SS.— 1839.— Т. 3.— P. 125; *Brunvilarensis monasterio fundacio* // MGH SS.— 1854.— Т. 9.— P. 403.

²⁰² *Ex Petri Damiani Vita Sancti Romualdi* // MGH SS.— 1841.— Т. 4.— P. 850; ср.: *Borawska D.* Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w.— S. 91.

²⁰³ *Manteuffel T.* Państwo polskie a papieżstwo oraz ruch monasteryczny na Zachodzie w XI w. // PPP.— Poznań, 1962.— Т. 1.— S. 259.

²⁰⁴ *Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris*.— P. 264.

²⁰⁵ *Annales Quedlinburgenses*.— P. 90.

²⁰⁶ *Thietmari Chronicon*.— L. 4, 58; ср. *Łowmiański H.* Dynastia Piastów we wczesnym średniowieczu.— S. 128.

²⁰⁷ *Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris*.— P. 264. S. 153—158.

²⁰⁸ *Annales Hildesheimenses*.— P. 97—98; *Lewicki A.* Mieszko II.— S. 153—158.

²⁰⁹ *Annales Hildesheimenses*.— P. 98; Королюк В. Д. Западные славяне в Киевской Руси.— С. 273.

²¹⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 101.

²¹¹ *Islenzk forrrit*.— В. 28.— В1. 70; ср.: Джаксон Т. Н. Творческая активность автора «Хеймскринглы»: Проблема авторского присутствия в повествовании // ДГ за 1981 г.— 1983.— С. 166—167.

²¹² ПВЛ.— Ч. 1.— С. 101.

²¹³ *Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris*.— P. 269.

²¹⁴ *Ibid.*

²¹⁵ *Annales Hildesheimenses*.— P. 98.

²¹⁶ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 101.

²¹⁷ *Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris*.— P. 269.

²¹⁸ *Annales Hildesheimenses*.— P. 98; *Brunvilarensis monasterio fundacio*.— P. 403; *Michatowski R.* Święta moc fundatoru klasztoru: Niemcy XI—XII w. // KH.— 1984.— N 1.— S. 15.

²¹⁹ *Annales Hildesheimenses*.— P. 98.

²²⁰ *Dowiat J.* Bela I węgierski w Polsce: 1031/1032 — 1048 // PH.— 1965.— Т. 56.— Z. 1.— S. 12.

²²¹ *Annales Augustani*.— P. 125.

²²² *Annales Hildesheimenses*.— P. 98.

²²³ *Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris*.— P. 270.

²²⁴ *Annales Hildesheimenses*.— P. 99.

²²⁵ *Borawska D.* Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w.— S. 73, et al.

²²⁶ Королюк В. Д. Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия — М., 1952.— С. 71—75; Кузьмин А. Г. Начало новгородского летописания.— С. 70.

²²⁷ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 101. Находки могильников с древнерусско-варяжским погребальным инвентарем начала XI в. в Центральной Польше не могут служить доказательством в пользу утверждения о большом походе князей Руси на Польшу в 1031 г., поскольку их появление связано с пребыванием в стране киевских пленных Болеслава Храброго (о раскопках см.: Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в центральной Польше // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.— С. 213—218). О пребывании древнерусских военнопленных в Польше, кроме летописей, имеется информация в Киево-Печерском патерике (См.: ПКПМ.— Спб., 1911.— С. 101—105).

²²⁸ Моця О. П. Населения Поросся за даними некрополів // Археологія.— 1979.— Вип. 30.— С. 27—36.

²²⁹ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь.— С. 260; Исаевич Я. Д. «Грады» Червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами.— С. 98; *Grabski A. F.* *Bolesław Chrobry*.— S. 268.

²³⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 58, 97, 101.

²³¹ *Hensel W.* U źródeł Polski średniowiecznej.— S. 216; *Kunysz A.* *Przemyski F.* Przemysł w starożytności i średniowieczu.— Rzeszów, 1966.— S. 96.

²³² *Jehuda b. meir ha-Kohen* // Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów Śródkowej i Wschodniej Europy.— Wrocław, Warszawa, 1956.— S. 36—37.

²³³ Исаевич Я. Д. О древнейшей топонимике Прикарпатья и Верхнего Побужья // Славянские древности.— Киев, 1980.— С. 77.

Глава II

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 152.

² *Galli Chronicon*.— L. 1, 19; *Historia Polski*.— Warszawa, 1957.— Т. 1, cz. 1.— S. 204—206; *Borawska D.* Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w.— Warszawa, 1964.— S. 139—151.

³ *Galli Chronicon*.— L. 1, 19.

⁴ *Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII ст. // МС.—М., 1961.—С. 123; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—М., 1968.—С. 39; *Dziwulski W.* Sprawa Mieclawa (Masława) // РН.—1965.—Т. 56.—З. 3.—1965.—С. 473.

⁵ *Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв.—С. 123.

⁶ *Annalista Saxo* // MGH SS.—1844.—Т. 6.—Р. 683—684.

⁷ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 305—307; *Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в. // ИИСБН.—М., 1972.—С. 159; *Kuczyński S.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.—Warszawa, 1965.—С. 119; *Kętrzyński S.* Polska X—XI wieku.—Warszawa, 1961.—С. 437—439; *Balzer O.* Genealogia Piastów.—Warszawa, 1899.—С. 89.

⁸ *Annalista Saxo*.—Р. 684.

⁹ *Rocznik Krasieński* // МРН.—1878.—Т. 3.—Р. 130; ср.: *Balzer O.* Genealogia Piastów.—С. 84.

¹⁰ *ПСРЛ*.—1915.—Т. 4, ч. 1, вып. 1.—С. 116.

¹¹ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси.—С. 39; *Kuczyński S.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.—С. 118—120, et al.

¹² См. подробнее: *Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв.—С. 122—124; *Dziwulski W.* Sprawa Mieclawa (Masława).—С. 468—483; *Gierlach B.* Z problematyki państwa Mieclawa // RM.—1976.—Т. 6.—С. 359—410, et al.

¹³ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—С. 40; *Королюк В. Д.* Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. // Слав. архив.—М., 1958.—Вып. 1.—С. 5—18; *Gierlach B.* Z problematyki państwa Mieclawa.—С. 359—381, et al.

¹⁴ *Королюк В. Д.* Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в.—С. 5—18; *Bieniak J.* Źródła ruskie do sprawy Mieclawa // SZ.—1963.—Т. 8.—С. 96—111.

¹⁵ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 103—104.

¹⁶ *Там же*.—С. 104.

¹⁷ *ПСРЛ*.—СПб., 1851.—Т. 5.—С. 137—138.

¹⁸ *НПЛ*.—С. 181.

¹⁹ *ПСРЛ*.—Т. 4, ч. 1, вып. 1.—С. 116.

²⁰ *Там же*.

²¹ *Там же*; ср.: *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // НЭ.—1963.—Т. 4.—С. 143.

²² *Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв.—С. 122; *Łowmiański H.* Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów // РН.—1950.—Т. 41.—С. 160.

²³ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 103; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь.—С. 302; *Зверуго Я. Г.* Киев и земли Белорусского Понеманья // КЗЗР.—Минск, 1982.—С. 109—110, и др.

²⁴ *Balzer O.* Genealogia Piastów.—С. 84.

²⁵ *ПСРЛ*.—Т. 4, ч. 1, вып. 1.—С. 116.

²⁶ *Gierlach B.* Z problematyki państwa Mieclawa.—С. 407.

²⁷ *Литаврин Г. Г.* Война Руси против Византии в 1043 г. // ИИСБН.—С. 178—222; *Брюсова В. Г.* Русско-византийские отношения середины XI в. // ВИ.—1972.—№ 3.—С. 51—62.

²⁸ *Королюк В. Д.* Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в.—С. 5—18; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси.—С. 40.

²⁹ *Annales Altahenses maiores*.—Hannoverae, 1864.—Р. 47; ср.: *Bieniak J.* Państwo Mieclawa.—Warszawa, 1963.—С. 194—195; *Kętrzyński S.* Polska X—XI w.—С. 467.

³⁰ *Galli Chronicon*.—L. 1, 20.

³¹ См. подробнее: *Головко А. Б.* Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X—первой трети XII в. // КЗЗР.—С. 33—34.

³² *Энгельс Ф.* Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 21.—С. 495.

³³ *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действи-

тельность.—М., 1977.—С. 92—94; *Лозинский С. Л.* История папства.—М., 1986.—С. 140—141.

³⁴ *Annales Hildesheimenses* // MGH SS.—1839.—Т. 3.—Р. 90; *Brunvillarensis monasterio fundacio* // MGH SS.—1854.—Т. 11.—Р. 403, et al.

³⁵ *Historia Polski*.—Warszawa, 1957.—Т. 1, cz. 1.—С. 208; *Grudziński T.* Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy Środkowej i Wschodniej.—Toruń, 1959.—С. 4—5; *Wojciechowski T.* Szkice historyczne XI wieku.—Warszawa, 1970.—С. 158—172.

³⁶ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 109.

³⁷ *Karłowicz J.* Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego.—Poznań, 1872.—С. 52; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—С. 41, и др.

³⁸ *Ткаченко М.* Повстання в Києві в 1068—69 рр. // Наук. зап. Ін-ту історії і археології АН УРСР.—1943.—Вип. 1.—С. 148—149; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв.—М., 1953.—С. 60—61; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси.—С. 41, и др.

³⁹ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 116; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-германские отношения 60—70-х годов XI в. // ССЛ.—1971.—№ 2.—С. 32.

⁴⁰ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 116.

⁴¹ Ср.: *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ.—1985.—№ 11.—С. 19—35, где автор высказывается в пользу конфликта Ярославичей в 1068—1069 гг.

⁴² *Рапов О. М.* О датировке народных восстаний на Руси XI века в Повести временных лет // ИСССР.—1979.—№ 2.—С. 141; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI в.—С. 32.

⁴³ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 116.

⁴⁴ *Там же*.—С. 159; ср.: *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI в.—С. 32.

⁴⁵ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 116.

⁴⁶ *Брайчевський М. Ю.* Повстання 1068—69 рр. у Києві // УІЖ.—1979.—№ 1.—С. 81.

⁴⁷ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 116, 128.

⁴⁸ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—С. 41; *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь.—М., 1976.—С. 99—100; *Брайчевський М. Ю.* Повстання 1068—69 рр. у Києві.—С. 82, и др.

⁴⁹ *ПВЛ*.—Ч. 1.—С. 116; *Мавродин В. В.* Народные движения против иностранных захватчиков в Древней Руси.—Л., 1945.—С. 28—31.

⁵⁰ *Długosza Jana* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego.—Warszawa, 1969.—Ks. 3/4.—С. 129—132; *Karłowicz J.* Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego.—С. 18—32; *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.—Киев, 1884.—Ч. 1.—С. 109; *Grabski A. F.* «Повесть временных лет» jako źródło do dziejów Polski w świetle literatury // KIPR.—1955.—N 1/27.—С. 285, et al.

⁵¹ *Długosza Jana* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego.—Ks. 3/4.—С. 129—131; *Kuczyński S.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.—Warszawa, 1965.—С. 130; *Manteuffel T.* Polska wśród nowych państw Europy // Polska pierwszych Piastów.—Warszawa, 1970.—С. 31.

⁵² *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza.—Kraków, 1887.—С. 130—131.

⁵³ *История Польши*: В 2 т.—2-е изд., дополн.—М., 1956.—Т. 1.—С. 53; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв.—М., 1957.—С. 60—61; *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник.—М., 1957.—С. 176—177.

⁵⁴ *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян.—М., 1879.—С. 4.

⁵⁵ *ПСРЛ*.—СПб., 1862.—Т. 9.—С. 46; *Приселков М. Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.—СПб., 1913.—С. 142—146; *Соболевский И. А.* Отношение Руси к разделению церквей // Изв. Рос. Акад. наук.—1914.—№ 2.—С. 95—102.

⁵⁶ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.—С. 130—131; *Мурьянов М. Ф.* Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. //

- Феодальная Россия во всемирно-историческом развитии.— М., 1972.— С. 221.
- ⁵⁷ ПКЛМ.— С. 133.
- ⁵⁸ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 122.
- ⁵⁹ Там же.— С. 122; *Lamberti Annales.*— Pt. 2 // MGH SS.— 1844.— Т. 5.— Р. 219.
- ⁶⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 122.
- ⁶¹ Там же.— С. 96, 115, 132, 136.
- ⁶² Там же.— С. 122; *Lamberti Annales.*— Pt. 2.— Р. 219; *Gregorii P. VII ad Boleslaum Ducem Poloniae* // HRM.— 1841.— Т. 1.— Р. 3.
- ⁶³ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 131; *Lamberti Annales.*— Pt. 2.— Р. 230.
- ⁶⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.: В 2 ч.— М., 1953.— Ч. 1.— С. 184.
- ⁶⁵ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 131.
- ⁶⁶ Там же.— С. 159.
- ⁶⁷ Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI в.— С. 33.
- ⁶⁸ *Wojciechowski T. Szkice historyczne XI wieku.*— S. 197; *Lamberti Annales.*— Pt. 2.— Р. 232.
- ⁶⁹ *Гатищев В. Н.* История Российская.— М., 1962.— Т. 2.— С. 91; *Линиченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.— С. 119; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.— М., 1960.— Кн. 1.— С. 559; *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк.— С. 158.
- ⁷⁰ *Шайтан М. Э.* Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной ист.-географ. комис.— 1927.— Т. 24 (1).— С. 3—36; *Grudziński T.* Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy Śródkowej i Wschodniej.— S. 96; ср.: *Головко А. Б.* Проблема военного и политического союза в отношениях Руси и Польши (30-е годы XI—30-е годы XII в.) // ССЛ.— 1986.— № 4.— С. 52—59.
- ⁷¹ *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк.— С. 161—162.
- ⁷² *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв.— С. 67—69; *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст.— С. 66.
- ⁷³ *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи.— Саратов, 1963.— С. 202, 216; *Коларов Х.* Титулатура и полномочия владетельской власти в Болгарии // *Etudes balkaniques.*— 1978.— N 3.— S. 96—97; *Ostrogorski G.* The Byzantine emperor and the hierarchical world order // *Slavon. and East Europ. Rev.*— 1956.— Vol. 35, N 84.— P. 10—11.
- ⁷⁴ *Gregorii P. VII ad Boleslaum Ducem Poloniae.*— P. 2—3; *Gregorii P. VII ad Demetrium Regem Russorum et reginam uxorem ejus* // HRM.— 1841.— Т. 1.— Р. 1.
- ⁷⁵ *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв.— С. 54; *Яцкевич А. Е.* Политические взаимоотношения Руси и Польши с X по XII столетие: Автореферат дисс. канд. истор. наук.— Львов, 1950.— С. 12; *Dzieje Polski średniowiecznej* / *Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.*— Kraków, 1926.— Т. 1.— S. 101, et al.
- ⁷⁶ *Kętrzyński S.* Polska X—XI wieku.— S. 501.
- ⁷⁷ *Grudziński T.* Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy Śródkowej i Wschodniej.— S. 116.
- ⁷⁸ *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность.— С. 86.
- ⁷⁹ *Łowmiański H.* Król Bolesław i biskup krakowski Stanisław // SH.— 1979.— Z. 2(85).— S. 187.
- ⁸⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 132—133.
- ⁸¹ *Wojciechowski T.* Szkice historyczne XI wieku.— S. 249—285; *Historia Polski.*— Т. 1.— S. 218—219, et al.
- ⁸² *Labuda G.* Piastowie twórcami państwa polskiego // *Piastowie w dziejach Polski.*— Wrocław, 1975.— S. 29—31; *Kętrzyński S.* Na marginesie „Genealogii Piastów” // PH.— 1930—1931.— N 29.— S. 171—173; *Dowiat J.* Polska — państwem średniowiecznej Europy.— Warszawa, 1968.— S. 186.
- ⁸³ *Galli Chronicon.*— L. 1, 28.

- ⁸⁴ *Ibid.*— L. 1, 29.
- ⁸⁵ *Annales Augustani.*— P. 133.
- ⁸⁶ *Cosmae Chronicon.*— L. 2, 37.
- ⁸⁷ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 135.
- ⁸⁸ Там же.— С. 135—136.
- ⁸⁹ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.— С. 135.
- ⁹⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 136.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Rocznik świętokrzyski dawny* // MPH.— 1868.— Т. 2.— Р. 773; *Rocznik kapitulny krakowski* // *Ibid.*— P. 785; ср.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.— С. 157, 332, 422.
- ⁹³ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 137.
- ⁹⁴ *Historia Polski.*— Т. 1, cz. 1.— S. 215; *Labuda G.* Piastowie twórcami państwa Polskiego.— S. 29—31.
- ⁹⁵ *Galli Chronicon.*— L. 2, 1, 4.
- ⁹⁶ *Ibid.*— L. 2, 16.
- ⁹⁷ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 141.
- ⁹⁸ *Летописец Переяславля-Суздальского.*— М., 1851.— С. 51.
- ⁹⁹ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* // SRH.— 1937.— Vol. 1.— P. 412—414, 424—425; *Chronicon Monacense* // *Ibid.*— 1938.— Vol. 2.— P. 80; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.— С. 53; *Пашуто В. Т.* Древняя Русь и Венгрия // *Славяне и Русь.*— М., 1968.— С. 349.
- ¹⁰⁰ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 177; см. также: *Хрущов И. П.* Сказания о Васильке Ростиславиче // *ЧИОНЛ.*— 1879.— № 1.— С. 44—62.
- ¹⁰¹ *Шайтан М. Э.* Германия и Киев в XI в.— С. 19; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.— С. 44.
- ¹⁰² *Galli Chronicon.*— L. 2, 19.
- ¹⁰³ *Herbordi Vita Ottonis babenbergensis* // MPH.— 1868.— Т. 2.— Р. 74.
- ¹⁰⁴ *Roepell R.* Geschichte Polens.— Hamburg, 1840.— Bd. 1.— S. 227—228.
- ¹⁰⁵ *Malecki A.* Z przeszłości dziejowej.— Kraków, 1897.— Т. 1.— S. 107.
- ¹⁰⁶ *Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в.— С. 161.
- ¹⁰⁷ *Herbordi Vita Ottonis episcopi babenbergensis.*— P. 74.
- ¹⁰⁸ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 178.
- ¹⁰⁹ См., например: *Maleczyński K.* Bolesław III Krzywousty.— Warszawa, 1974.— S. 27, et al.
- ¹¹⁰ *Włodarski B.* Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102—1138) // *Z. nauk. Uniw. M. Kopernika w Toruniu: Nauki humanist-społecz.*— 1966.— Z. 20: Historia 2.— S. 44—45.
- ¹¹¹ *История Польши.*— Т. 1.— С. 55; *Dzieje Polski.*— Warszawa, 1976.— S. 120.
- ¹¹² ПВЛ.— Ч. 1.— С. 183; ср.: *Balzer O.* Genealogia Piastów.— S. 121.
- ¹¹³ *Galli Chronicon.*— L. 2, 23.
- ¹¹⁴ *Ibid.*— L. 2, 36.
- ¹¹⁵ *Ibid.*— L. 2, 37.
- ¹¹⁶ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 186.
- ¹¹⁷ *Galli Chronicon.*— L. 2, 38.
- ¹¹⁸ *Maleczyński K.* Bolesław III Krzywousty.— S. 64; *Włodarski B.* Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 44—45.
- ¹¹⁹ Ср.: *Dzieje Polski średniowiecznej* / *Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.*— S. 44—45.
- ¹²⁰ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.— С. 47, и др.
- ¹²¹ *Попова Л. М.* Комментарии // *Галл Аноним.* Хроника или деяния князей или правителей польских.— М., 1961.— С. 158.
- ¹²² *Galli Chronicon.*— L. 2, 37, 38; ПВЛ.— Ч. 1.— С. 186.
- ¹²³ *Galli Chronicon.*— L. 3, 2.
- ¹²⁴ *Ibid.*— L. 3, 4.
- ¹²⁵ *Maleczyński K.* Bolesław III Krzywousty.— P. 109; *Włodarski B.* Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 45.
- ¹²⁶ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.— С. 48; *Dzieje Polski średniowiecznej* / *Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.*— S. 120.

- ¹²⁷ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 195.
¹²⁸ ПСРЛ.— 1926—1928.— Т. 1, вып. 1/3.— Стб. 290.
¹²⁹ Galli Chronicon.— L. 2, 42; 3, 24.
¹³⁰ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 48.
¹³¹ Попова Л. М. Комментарии.— С. 163.
¹³² Rocznik świętokrzyski dawny.— S. 774.
¹³³ Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty.— S. 141.
¹³⁴ Galli Chronicon.— L. 2, 1; ср.: Попова Л. В. Комментарии.— С. 152.
¹³⁵ Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII—начала XIII в. // Польша и Русь.— М., 1974.— С. 30—32.
¹³⁶ ПСРЛ.— Т. 1.— Стб., 291—293; Там же.— Спб., 1908.— Т. 2.— Стб. 284—287.
¹³⁷ Там же.— Т. 2.— Стб. 284.
¹³⁸ Там же.— Стб. 285; Rocznik kapitulny krakowski.— P. 797.
¹³⁹ ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 292.
¹⁴⁰ Там же.— Т. 2.— Стб. 286.
¹⁴¹ Там же.
¹⁴² Там же.— Т. 1.— Стб. 292; Там же.— Т. 2.— Стб. 286, и др.
¹⁴³ Ortliebi Zwifaltensis Chronicon // МРН.— 1868.— Т. 2.— P. 3; см. также: Herbordi Vita Ottonis episcopi babenbergensis.— P. 74—75.
¹⁴⁴ МВКР.— S. 158—164.
¹⁴⁵ Ср.: Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 51.
¹⁴⁶ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 287.
¹⁴⁷ МВКР.— S. 161—162.
¹⁴⁸ Roepell R. Geschichte Polens.— S. 288.
¹⁴⁹ Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.— С. 150; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 152; Kürbis V. Komentarz // МВКР.— S. 161.
¹⁵⁰ Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty.— S. 220; Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 55; Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII веках.— М., 1978.— С. 48—49.
¹⁵¹ МВКР.— S. 158—164; Długosza Jana Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego.— Ks. 3/4.— S. 367.
¹⁵² ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 288.
¹⁵³ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство.— К., 1984.— С. 72.
¹⁵⁴ Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty.— S. 220; Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 55—56.
¹⁵⁵ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 450.
¹⁵⁶ Chronici Hungarici compositio saeculi XIV.— P. 448, 451; Chronicon Monacense.— P. 81; ср.: Canonicus Wissegradensis Continuatio Cosmae // FRB. 1874.— Т. 2.— P. 215—216.
¹⁵⁷ Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty.— P. 220; Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 55—56; ср.: Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.— С. 148.
¹⁵⁸ История Польши.— Т. 1.— С. 58; Пашуто В. Т. Русско-польские взаимоотношения (с середины XI до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения.— М., 1968.— С. 19, и др.
¹⁵⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 300; Balzer O. Genealogia Piastów.— S. 149—151.
¹⁶⁰ Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego.— S. 57.

Глава III

- ¹ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды.— М., 1975.— С. 8—14; Польша и Русь.— М., 1974.— 299 с.; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков.— Киев, 1980.— 223 с. и др.

- ² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 53.
³ ПСРЛ.— Спб., 1908.— Т. 2.— Стб. 304—305.
⁴ Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów (Ze stosunków polsko-ruskich XII wieku) // ESP.— Poznań, 1970.— S. 351.
⁵ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 308—313.
⁶ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.— М., 1963.— С. 144. Данное исследование использовалось автором для проверки летописных дат, которые в различных летописных сводах отличаются на один-два года.
⁷ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— М., 1968.— С. 141; Historia polityczna Polski.— Kraków, 1920.— Cz. 1.— S. 103.
⁸ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.— С. 59.
⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 313.
¹⁰ Ortliebi Zwifaltensis Chronicon // МРН.— 1872.— Т. 2.— P. 4—5.
¹¹ Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów.— S. 350—351.
¹² Ortliebi Zwifaltensis Chronicon.— P. 4—5.
¹³ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 153; Kuczyński S. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.— Warszawa, 1965.— S. 24.
¹⁴ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 313.
¹⁵ Miśkiewicz B. Walki wewnętrzne w Polsce w latach 1142—1146 // ESP.— S. 367.
¹⁶ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 313.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Historia polityczna Polski.— S. 105, et al.
¹⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 315.
²⁰ Там же.— Стб. 318.
²¹ Там же.
²² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 154; Smolka S. Mieszko Stary i jego wiek.— Warszawa, 1959.— S. 227.
²³ МВКР.— S. 169.
²⁴ Ibid.— S. 170.
²⁵ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 318.
²⁶ Kamiński A. Wizna na tle pogranicza polsko-rusko-jaćwieskiego // RB.— 1961.— Т. 1.— S. 9—61.
²⁷ Smolka S. Mieszko Stary i jego wiek.— S. 228; Kuczyński S. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.— S. 24—25; Dzieje Polski średniowiecznej // Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.— Kraków, 1926.— S. 142.
²⁸ Labuda G. Zabiegi o utrzymanie jedności państwa polskiego w latach 1138—1146 // KH.— 1959.— N 4.— S. 1157; Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów.— S. 354; Miśkiewicz B. Walki wewnętrzne w Polsce w latach 1142—1146.— S. 368.
²⁹ МВКР.— S. 170.
³⁰ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 319.
³¹ Labuda G. Zabiegi o utrzymanie jedności państwa polskiego w latach 1138—1146.— S. 1162.
³² ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 319.
³³ Annales Magdeburgenses // MGH SS.— 1859.— Т. 16.— P. 188; ср.: Vincentii Pragensis Chronica // FRB.— 1872.— Т. 2.— P. 418.
³⁴ Włodarski B. Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich // Zapiski hist. T-twa nauk. w Toruniu.— 1959.— Т. 24.— S. 27.
³⁵ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 155.
³⁶ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.— М., 1960.— С. 201—206.
³⁷ Щавелева Н. И. Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому // ДГ за 1975 г.— 1976.— С. 113—121.
³⁸ Annales Magdeburgenses.— P. 188.
³⁹ См., например: Wörn D. Die politischen und kulturellen Beziehungen Russland zum Westen // Slavistische Studien.— Köln, Wien, 1983.— S. 635—648, где, правда, преувеличивается прогрессивность влияния западной культуры на развитие Древней Руси.
⁴⁰ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 668; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 220—221.

⁴¹ Пашуто В. Т. Международное значение Древней Руси // IX Междунар. съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов.— М., 1983.— С. 59—60.

⁴² ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 384—385.

⁴³ Там же.— Стб. 387.

⁴⁴ Там же.— 1926—1928.— Т. 1.— Вып. 1/3.— Стб. 327.

⁴⁵ Там же.— Стб. 336.

⁴⁶ Там же.— Стб. 345.

⁴⁷ Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów.— S. 360.

⁴⁸ ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 526, 547, 556, 579.

⁴⁹ МВКР.— С. 180; Kuczyński S. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.— S. 26; Kürbis V. Komentarz // МВКР.— С. 180.

⁵⁰ Фридрих Барбаросса. Письмо Вибальду (название условное.— А. Г.) // МРН.— 1868.— Т. 2.— Р. 22.

⁵¹ Kuczyński S. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.— S. 27.

⁵² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 158. Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów.— S. 362.

⁵³ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 497.

⁵⁴ Там же.— Стб. 495, 533.

⁵⁵ Там же.— Стб. 527.

⁵⁶ Kuczyński S. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.— S. 27.

⁵⁷ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 564.

⁵⁸ Котляр М. Ф. Волинська земля: З історії складання державної території Київської Русі // Історія та історіографія України.— К., 1985.— С. 38.

⁵⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 564.

⁶⁰ Historia polityczna Polski.— Cz. 1.— S. 124.

⁶¹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 571; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 333.

⁶² Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 409.

⁶³ МВКР.— С. 201—203; см. также: Rocznik świętokrzyski dawny.— P. 799; Kürbis V. Komentarz.— S. 201.

⁶⁴ Kürbis V. Komentarz.— S. 203; Caban W. Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego // RB.— 1974.— Т. 12.— S. 201.

⁶⁵ Татищев В. Н. История Российская.— М., 1963.— Т. 3.— С. 127—128; Historia polityczna Polski.— Cz. 1.— S. 129; Caban W. Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego.— S. 200—201; Włodarski B. Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego // KH.— 1969.— N 1.— S. 9.

⁶⁶ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 660—661.

⁶⁷ МВКР.— С. 203—204.

⁶⁸ Gorski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią.— Lwów, 1875.— S. 33; Smolka S. Mieszko Stary i jego wiek.— S. 334.

⁶⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 662.

⁷⁰ Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A. Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII—XIII w. // Ateneum Wilenskie.— 1937.— Т. 3.— S. 11.

⁷¹ МВКР.— С. 203—204.

⁷² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 162; Gorski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią.— S. 27.

⁷³ Włodarski B. Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego.— S. 16.

⁷⁴ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 667.

⁷⁵ МВКР.— С. 203—204.

⁷⁶ Ibid.— S. 210—211; ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 702.

⁷⁷ МВКР.— С. 204—205.

⁷⁸ Ibid.— S. 219—220.

⁷⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 687.

⁸⁰ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950.— С. 18, 26; Боровський Я. Є. «Похвальне слово» Мойсея, ігумена Видубицького монастиря // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XIV—XVIII ст.— К., 1981.— С. 54—58.

⁸¹ Rocznik krakowski // МРН.— 1868.— Т. 2.— Р. 835; Rocznik Traski // Ibid.—

Т. 2.— Р. 835; Rocznik kapitulny krakowski.— P. 800; Rocznik górnośląski // МРН.— 1878.— Т. 3.— Р. 715.

⁸² МВКР.— Р. 222—223.

⁸³ Włodarski B. Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego.— S. 17, et al.

⁸⁴ МВКР.— Р. 223—224.

⁸⁵ Chronica Albrici monachi Trium fontium // MGH SS.— 1874.— Т. 23.— P. 885.

⁸⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 166; Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники // ЛХ за 1975.— 1976.— С. 62; Włodarski B. Polska i Ruś: 1196—1320.— Warszawa, 1966.— S. 21—22.

⁸⁷ Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A. Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII—XIII w.— S. 20.

⁸⁸ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 723; Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники.— С. 62. В Великопольской хронике имеется весьма тенденциозная информация о разгроме большого войска Романа Мстиславича, отказавшегося платить дань краковским князьям, отрядом польских воинов. См.: Kronika Wielkopolska.— Warszawa, 1965.— S. 201.

⁸⁹ См.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— С. 143, прим. 3; Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A. Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII—XIII w.— S. 20.

⁹⁰ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 425.

⁹¹ Ленин В. И. О брошюре Юниуса // Полн. собр. соч.— Т. 30.— С. 6.

⁹² Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство.— С. 84—85; Панов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси XII—XIII вв. // Польша и Русь.— М., 1974.— С. 195—198.

⁹³ ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 427. События русско-польских отношений первой трети XIII в. реконструируются в основном по материалам русских источников (прежде всего Галицко-Волынской летописи), поскольку польские источники практически не сохранили по этой проблеме каких-либо сведений. См.: Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Długosza.— Poznań, 1983.—

308 s.

⁹⁴ ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 427.

⁹⁵ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 716—719.

⁹⁶ Там же.— Стб. 719; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— С. 135.

⁹⁷ Włodarski B. Polska i Ruś.— S. 35; Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego.— Lwów, 1925.— S. 32.

⁹⁸ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 242, 348.

⁹⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 719.

¹⁰⁰ Там же.— Стб. 720—721.

¹⁰¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— С. 196.

¹⁰² ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 729; см. подробнее: Головки А. Б. Объединительные процессы на Руси в первой половине XIII в. (на примере Волыни и Галичины) // Вопр. истории СССР.— 1983.— Вып. 28.— С. 113.

¹⁰³ Włodarski B. Polska i Ruś.— S. 65.

¹⁰⁴ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 731.

¹⁰⁵ Там же.— Стб. 729.

¹⁰⁶ Там же.— Стб. 730—731.

¹⁰⁷ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— С. 412.

¹⁰⁸ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 731.

¹⁰⁹ Innocentii P. III litterae Archiepiscopis, Episcopis et universis tam clericis laicis per Rutheniam constitutis // HRM.— 1841.— Т. 1.— Р. 3—4; Свідерський Ю. Ю. Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст.— К., 1983.— С. 52—53.

¹¹⁰ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— С. 201.

¹¹¹ Włodarski B. Polska i Ruś.— S. 62.

¹¹² См. подробнее: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— С. 201.

¹¹³ ПСРЛ.— Спб., 1856.— Т. 7.— С. 126; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси.— Киев, 1985.— С. 140.

¹¹⁴ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 732.

¹¹⁵ Там же.— Стб. 732; Włodarski B. Polska i Ruś.— S. 71—74.

¹¹⁶ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 733—735.

¹¹⁷ Там же.— Стб. 721.

¹¹⁸ Там же.— Стб. 735.

¹¹⁹ Rocznik Krasin'skich // МРН.— 1878.— Т. 3.— Р. 132.

¹²⁰ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae.— Romae, 1860.— Т. 1.— Р. 12—

13; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— С. 104.

¹²¹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 736—737; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— С. 249. Об экспорте оружия из Киева в Юго-Восточную Прибалтику см.: Зоценко В. М. Экспорт зброї з Києва в Південно-Східну Прибалтику // Археологія.— 1983.— Вип. 44.— С. 47—61.

¹²² ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 739.

¹²³ Там же.— Стб. 745.

¹²⁴ Там же.— Стб. 750.

¹²⁵ Там же.— Стб. 753—754.

¹²⁶ Там же.— Стб. 757; Włodarski B. Polska i Ruś.— S. 103.

¹²⁷ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 757.

¹²⁸ Там же.— Стб. 761.

¹²⁹ Włodarski B. Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich.— Lwów, 1936.— S. 16—18.

¹³⁰ Gregorii P. IX ad Archiepiscopis Gneznensem et alios Praelatos Polonos // HRM.— 1841.— Т. 1.— Р. 33; Sielicki F. Kontakty polsko-ruskie w świetle źródeł XIII wieku // Studia Polono-Slavica orientalia: Acta Litteraria.— Wrocław, 1974.— N 1.— S. 65—67.

¹³¹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 774.

¹³² Włodarski B. Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich.— S. 23.

¹³³ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 775.

¹³⁴ Łowmiański H. Początki i rola zakonów rycerskich nad Bałtykiem w wieku XIII i XIV // Polska w okresie rozdrobnienia feudalnego.— Warszawa, 1974.— S. 238.

¹³⁵ Котляр М. Ф. Волинська земля.— С. 28.

¹³⁶ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 776.

¹³⁷ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

ВВ	— Византийский временник.— М.
ВИ	— Вопросы истории.— М.
ВМГУ	— Вестник Московского университета. Серия история.— М.
ДГ	— Древнейшие государства на территории СССР.— М.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.— М.; Спб.
ИЗ	— Исторические записки.— М.
ИИСБН	— Исследования по истории славянских и балканских народов.— М., 1972.
ИССР	— История СССР.— М.
КЗЗР	— Киев и западные земли Руси в IX—XIII вв.— Минск, 1982.
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения.— М.
КУИ	— Университетские известия.— Киев.
ЛХ	— Летописи и хроники.— М.
МС	— Международные связи России до XVII в.— М., 1961.
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего извода.— М.; Л., 1950.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика.— М.
ПВЛ	— Повесть временных лет.— М., 1950.— Ч. 1—2.
ПКПМ	— Патерик Киево-Печерского монастыря.— Спб., 1911.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
СВУ	— Середні віки на Україні.— К.
ССл	— Советское славяноведение.— М.
УЗИС	— Ученые записки Института славяноведения.— М.
УІЖ	— Український історичний журнал.— К.
ЧИОНЛ	— Чтения Исторического общества Нестора-летописца.— Киев.
Cosmae Chronicon	— Cosmae Chronica Voemorum // Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum.— Hannoverae, 1851.— Т. 9.
ESP	— Europa — Słowiańszczyzna — Polska.— Poznań, 1970.
FRB	— Fontes Rerum Bohemicarum.— Praha, 1874.— Т. 2.
Galli Chronicon	— Chronicae Polonorum // Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum.— Hannoverae, 1851.— Т. 9.
HRM	— Historica Russiae Monumenta.— Petropoli, 1841.— Т. 1.
КН	— Kwartalnik historyczny.— Warszawa.
KIPR	— Kwartalnik In-tu Polsko-Radzieckiego.— Warszawa.
MGH SS	— Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum.— Hannoverae, 1839—1874.— Т. 3—28.
МРН	— Monumenta Poloniae Historica.— Leopoli, 1864—1879.— Т. 1—3.
MWKP	— Mistrza Wincentego Kronika Polska.— Warszawa, 1974.
PH	— Przegląd historyczny.— Warszawa.
PPP	— Początki Państwa Polskiego.— Poznań, 1962.— Т. 1.
RAU	— Rozprawy Akademii Umijetności.— Warszawa.
RB	— Rocznik Białostocki.— Białostok.

RL
RM
RW
SA
SDPCz
SH
SO
SRH
SZ
Thietmari Chronicon

— Rocznik Lubelski.— Lublin.
— Rocznik Mazowiecki.— Warszawa.
— Rocznik Wołyński.— Równe.
— Slavia antiqua.— Warszawa:
— Studia z dziejów polskich i czechosłowackich.— Wrocław.
— Studia historyczne.— Warszawa.
— Slavia orientalis.— Warszawa.
— Scriptores Rerum Hungaricarum.— Budapestini, 1937—
1938.— Vol. 1—2.
— Studia Zróżdloznawcze.— Poznań.
— Thietmar von Merseburg. Chronik.— Berlin, 1962.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Третья четверть IX в.

60-е годы X в.

960—992
973

980—1015
981

Около 992

1003—1018
1008

1013, август—сентябрь

Конец 1013 —
начало 1014
Около 1014
1014—1015
1015—1019

1017—1018, 1019—1054

1017, осень

1018, январь

1018, июль

1018, 22 июля

1018, 14 августа

Присоединение Побужья (восточнославянской территории между Западным Бугом, Вепшем и Саном) к Вислянскому княжеству, а затем — Великоморавскому государству. Первое упоминание (Ибрагима ибн-Якуба) о русско-польской границе.

Правление польского князя Мешко I. Свидетельство Учредительной грамоты Пражской епископии о восточных границах Чешского княжества по р. Буг и Стырь.

Правление князя Владимира на Руси. Поход киевского князя Владимира на «Червенские грады» (Побужье).

Обострение взаимоотношений Руси и Польши из-за Побужья. Пребывание польского посольства в Киеве. Установление межгосударственных связей Руси и Польши.

Польско-германские войны. Миссия архиепископа Бруно Кверфуртского в Восточную Европу.

Поход войска Болеслава Храброго (992—1025 гг., до весны 1025 г. польский князь, затем король Польши) и печенегов на Русь.

Брак Святополка, сына Владимира, и дочери Болеслава Храброго.

Заговор Святополка против Владимира.

Набеги печенежских орд на Русь.

Внутриполитическая борьба наследников Владимира.

Правление князя Ярослава Владимировича в Киеве.

Поход дружины Ярослава на Польшу. Союз русского князя с германским императором Генрихом II против Болеслава Храброго.

Будийшинский мир между Польшей и Германской империей.

Начало похода войска Болеслава Храброго на Русь.

Битва на реке Буг между войсками Болеслава и Ярослава Владимировича.

Вступление Болеслава и его союзника Святополка в Киев.

* Даты по истории русско-польских отношений выделены.

1018, сентябрь
 1022
 1028—1031
 1030
 1031, осень
 1038—1039
 1039—1058
 1038, 1040
 1041
 1043
 1047
 1054—1068, 1069—1073,
 1077—1078
 1069, апрель—май
 1069, середина апреля
 1073, середина
 1074, конец
 1074, конец —
 1075, начало
 1075, весна
 1075, апрель
 1075, июль—август —
 1076, февраль
 1076, декабрь
 1076—1077, 1078—1093
 1077, январь
 1079
 Середина 80-х годов XI в.
 Вторая половина
 80-х — 90-е годы XI в.
 90-е годы XI в.
 1092
 1093—1113
 1097
 1102—1138
 1102—1108
 1102—1103
 Зима 1106/1107

Уход армии Болеслава Храброго из Киева, захват польскими феодалами «Червенских градов». Летописная статья о походе Ярослава на Берестье.
 Война Германской империи и Польши.
 Поход дружины Ярослава на Белз (Побужье).
 Совместные военные выступления Руси и Германии против Польши. Возвращение «Червенских градов» Руси.
 Установление русско-польского военно-политического союза. Брак польского князя Казимира и русской княжны Марии-Добронегги.
 Княжение Казимира I Восстановителя в Польше.
 Походы Руси в Прибалтику.
 Первый поход русских дружин в Мазовию.
 Русско-византийский конфликт.
 Совместный поход Руси и Польши на мазовецкие земли.
 Княжение Изяслава Ярославича в Киеве.
 Помощь польского князя Болеслава II Смелого (1058—1079 гг.) Изяславу Ярославичу в восстановлении на киевском столе.
 Соглашение Болеслава и Изяслава с младшими Ярославичами у г. Сутейска.
 Второе бегство Изяслава в Польшу.
 Изгнание Изяслава из Польши.
 Переговоры киевского князя Святослава Ярославича (1073—1076 гг.) и Болеслава Смелого о совместном походе русских и польских дружин в Чехию.
 Посольство германского императора Генриха IV в Киев.
 Письма римского папы Григория VII Болеславу и Изяславу Ярославичу.
 Поход русской и польской дружин в Чехию.
 Провозглашение Болеслава Смелого королем Польши. Смерть киевского князя Святослава Ярославича.
 Княжение Всеволода Ярославича в Киеве.
 Помощь польского двора Изяславу в возвращении киевского трона.
 Изгнание Болеслава Смелого из Польши.
 Политические контакты правительства Владислава-Германа (1079—1102 гг.) с волынским князем Ярополком.
 Конфликт русских князей из рода Ростиславичей с Польшей.
 Феодалные усобицы в Польше.
 Поход теребовльского князя Василька на Польшу.
 Княжение Святополка Изяславича в Киеве.
 Переговоры Давыда Игоревича волынского и Святополка Изяславича при посредничестве Владислава-Германа.
 Княжение Болеслава III Кривоустого в Кракове.
 Война наследников Владислава-Германа в Польше.
 Установление военно-политического союза Святополка и Болеслава Кривоустого.
 Пребывание Збигнева, противника Болеслава Кривоустого, в Киеве.

1107

1108—1114
 1109

1113—1125
 1119—1123
 Около 1124

Первая половина
 30-х годов XII в.
 1138—1146
 1139—1146
 1140

1142

1142, 1145

1144

1147
 1157

1159, 1168—1169

1173

1174

1177—1194
 1182
 1191

Первая половина
 90-х годов XII в.
 1195, 13 сентября

1199
 1205, 19 июня
 1206, апрель

1209

1211

1213

1214

1219

Участие волынского князя Ярослава Святополковича в переговорах Болеслава III и Збигнева.
 Походы Руси и Польши в Прибалтику.
 Помощь русских князей польским феодалам в отражении нападения германской армии.
 Правление Владимира Мономаха в Киеве.
 Пограничный конфликт Руси и Польши.
 Поход перемышльского князя Володаря на Польшу.
 Участие князей Галичины в конфликте польского князя Болеслава III и венгерского короля Бельи II.
 Княжение Владислава II в Кракове.
 Правление Всеволода Ольговича в Киеве.
 Участие польских феодалов в походе Всеволода Ольговича на Волынь.
 Брак Звениславы, дочери Всеволода Ольговича, и Болеслава Кудрявого, сына Владислава II.
 Установление союза верховных князей Руси и Польши.
 Походы дружин киевского князя Всеволода в Польшу на помощь Владиславу II против его младших братьев.
 Участие польских отрядов Владислава II в походе Всеволода Ольговича на Волынь.
 Поход польских и русских полков в Прибалтику.
 Помощь русских феодалов польским союзникам в отражении агрессии войск Фридриха Барбароссы.
 Поддержка польскими союзниками галицкого князя Ярослава Владимировича (1153—1187 гг.) во внутривосточной борьбе на Руси.
 Бегство в Польшу Владимира, сына Ярослава Владимировича.
 Политические контакты Ярослава Владимировича с краковским князем Мешко III (1173—1177 гг.).
 Правление Казимира Справедливого в Кракове.
 Поход малопольской дружины на Берестье.
 Помощь волыньских князей Романа и Всеволода Казимиру в борьбе с великопольским князем Мешко.
 Походы малопольских и волыньских дружин в Прибалтику.
 Битва на р. Мозгаве великопольской армии Мешко Старого с войском малопольских князей Казимировичей и их союзника Романа Мстиславича.
 Объединение Волыни и Галичины.
 Гибель Романа Мстиславича под Завихостом.
 Нападение малопольской дружины князя Лешко Бялого на Волынь.
 Поход Лешко Бялого и мазовецкого князя Конрада на Владимир-Волынский.
 Совместное выступление польской армии и дружин волыньских князей на Галичину.
 Изгнание польским князем Лешко Бялым Романовичей из Белза.
 Неудачный поход польской и волыньской дружин на Галич. Спишский договор Венгрии и Польши.
 Возвращение Владимира Романовичами.
 Конфликт Волыни и Малой Польши из-за забужских городов. Борьба волыньского князя Даниила Романовича с венгеро-польским вторжением в Галичину.

- 1220 Поход Лешко Бялого на Волынь. Переговоры Даниила с мазовецким князем Конрадом.
 1221 Мир Волыни и Малой Польши.
 1224 Помощь польской дружины Даниилу Романовичу в борьбе с галицким князем Мстиславом Удалым и белзским князем Александром.
 1226 Последний поход Лешко Бялого на Русь.
 1228 Возникновение ордена добжинских рыцарей.
 1229 Поход волыньских и мазовецкого князей на Калиш.
 1230 Участие польских дружин в походе Даниила на Галич. Новое объединение Волыни и Галичины.
 1235 Помощь малопольского отряда Васильку в борьбе за освобождение Галича.
 1236 Отражение волыньскими отрядами нападения мазовецкого войска Конрада.
 1237—1238 Использование Конрадом в своей антиволыньской политике добжинских рыцарей. Разгром отряда крестоносцев в Дрсгичине.
 1237—1240 Нашествие полчищ монголо-татарских ханов на Русь.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австрия 69
 Альта 27

Балканы 6, 10, 93
 Белгород 50
 Белз, Белзское княжество 8, 36, 83, 90—92, 127
 Берестово 23, 31
 Берестье, Берестейское княжество 10, 33, 50, 62, 83, 91, 112
 Болгария 55, 93, 116
 Буг Западный 8, 27, 28, 31, 39, 96, 101, 125
 Будишин 26
 Буковен 92

Великоморавское государство 8, 9, 125
 Венгрия 14, 36, 48, 53, 55, 57, 60, 61, 64, 66, 67, 69, 80, 84, 85, 89, 90, 93, 94, 117
 Венеция 95, 116
 Вепш 8, 39, 98, 101
 Верещин 91
 Византия 15, 29, 45, 46, 52, 114
 Визна 77
 Висла 64, 65
 Вислица 68, 69
 Висляньское княжество 7, 8, 125
 Владимир-Волыньский 68, 79, 82, 86, 90, 92, 93
 Владимиро-Суздальское княжество 73
 Волынь, Волыньское княжество 4, 27, 49, 56, 57, 59, 60, 67, 68, 74, 82, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 94—99, 103, 104, 121, 122, 127, 128
 Волынь (город) 27

Галицко-Волыньская Русь, Галицко-Волыньское княжество 82, 103, 105, 117, 120—122
 Галич 81, 83—98, 127, 129
 Галичина, Галицкое княжество 4, 68, 70, 80, 82, 84, 88, 89, 91—97, 99, 103, 104, 127, 128
 Германия, Германская империя, Свя-

щенная Римская империя 5, 9, 10, 13, 14—22, 25, 26, 29, 36, 38, 42, 43, 48, 49, 53—55, 58, 60, 64—70, 82, 84, 85, 102, 103, 108, 113, 114, 116, 125, 126
 Глогов 54
 Гнезно, Гнезненское княжество 7, 9, 12, 13, 32
 Гопляньское княжество 7
 Дания 109
 Днепр 9
 Днестр 8
 Добжин 98
 Дорогобуж 58
 Дрсгичин 99, 128

Завихост 5, 87, 88, 127

Италия 16, 35

Кавказ 15
 Карпаты 60, 89
 Кведлинбург 10
 Киев, Киевская земля 9, 13—21, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 40, 43, 46, 49—51, 53, 55, 56, 59, 60, 64, 66, 69—72, 75—79, 81, 87, 97, 102, 111, 115, 117, 125, 126
 Константинополь 7, 46, 55, 93
 Краков 8, 11, 47, 49, 53—55, 62, 64, 66, 71, 77, 78, 81—83, 85, 86, 90, 92, 94, 96, 98, 106, 107, 126

Латинская империя 93
 Лендзяньское княжество (см. Висляньское княжество)
 Ленчица 75
 Листвен 33
 Литва 19, 43, 77
 Лужицы 26, 36
 Луцк 79, 83
 Любачевская волость 93

Мазовия 10, 43—47, 83, 86, 98, 99, 126
 Майнц 53, 58
 Мерзебург 20, 21, 38, 70

Мозгава 86, 127
Моравия 37, 107, 112
Мохнач 34

Никейская империя 93
Новгород, Новгородская земля 24, 28,
31, 33, 49, 57, 59

Перемиль 92
Перемышль, Перемышльское княжество
8, 10, 11, 39, 58, 68, 93, 106, 113
Переяславль, Переяславльское княже-
ство 25
Побужье 8, 11, 13, 14, 20, 39, 40, 101,
102, 113, 125

Поволжье 15
Полоцк 50
Польша 3—7, 9—26, 29—49, 51—91, 94,
95, 99—122, 125—128

Польша Великая, Великопольское кня-
жество 9, 10, 42, 46, 47, 82

Польша Малая, Малопольское княже-
ство 8, 11, 13, 16, 40, 42, 46, 47, 58,
72, 73, 82, 83, 85—90, 92, 94—97, 100,
103, 104, 127, 128

Полянское княжество (в Польше) 7, 10
Поморье, Поморское княжество 43, 46,
65, 66

Поросье 39
Прибалтика 20, 45, 46, 65, 66, 77—79,
86, 93, 127

Прикарпатье 85, 113
Причерноморье Северное 15, 25, 45
Пруссия 10, 19, 20, 43, 66, 78

Рига 98
Рим 48, 52, 55, 64, 93, 98
Россия 3, 108, 116
Рось 37

«Русская земля», Полянская земля 7,
117
Русь, Киевская Русь, Древняя Русь 3—

46, 48—53, 55—94, 96, 98—122, 125—
128

Саксония 54, 87
Сан 8, 39, 101, 106, 125
Сербия 93
Силезия 13, 16, 46, 52, 54, 64
Скандинавия 22, 28, 105, 109, 110
Словакия 37
Спиш 93
Стоп 91
Стырь 8
Суздаль 24
Сутейск 49, 50

Теребовль, Теребовльское княжество
58, 68

Тихомль 92
Трапезундская империя 93
Туров, Туровское княжество 22, 59
Тюрклянд 25

Угровия 91
Унструт 54

Франция 16, 48

Хорватия 55

Червен 8, 10, 11, 39, 67, 81, 98
«Червенские грады» 11, 12, 20, 30, 32,
36, 38—40, 43, 51, 106, 107, 126
Чернигов, Черниговское княжество 56,
73, 97

Черск 75
Чешское (Пражское) княжество, Чехия
8, 9, 11—15, 22, 36, 37, 46, 48, 49, 51,
52, 54, 58, 60, 67, 69, 70, 102, 107, 126

Ярослав 39, 89
Ятвягия 10, 20

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александр Всеволодович, волынский князь XIII в. 90—92, 95—97, 128
Алексеев Л. В. 119
Алешковский М. X. 24, 110
Алпатов М. А. 108, 109
Альберик, французский хронист XIII в. 5, 87, 105, 121
Альфред, англосаксонский король и писатель IX в. 106
Анастасий (Настас), киевский вельможа рубежа X—XI вв. 30
Андрей II, венгерский король XII в. 89, 90, 93, 94
Андрей Владимирович, волынский князь начала XII в. 67
Андрих, чешский князь X в. 14, 15
Анна, волынская княгиня начала XIII в. (жена Романа Мстиславича) 88—92
Анна, волынская княгиня середины XIII в. (жена Даниила Романовича) 95
Балдвин, краковский епископ начала XII в. 64
Бальцер О. (Balzer O.) 110, 117
Батый, монгольский хан середины XIII в. 99
Бела II, венгерский король первой половины XII в. 69, 70, 126
Беняк Я. (Bieniak J.) 114
Бережков Н. Г. 74, 119
Бернард Клервоский, католический деятель середины XII в. 78
Бесприм, польский князь XI в. 34, 35
Болеслав I Храбрый, польский князь, король конца X—первой половины XI в. 11—14, 16, 18—32, 34, 36, 39, 43, 49, 101, 125, 126
Болеслав II Смелый, польский князь, король второй половины XI в. 43, 48—58, 60—62, 126
Болеслав III Кривоустый, польский князь начала XII в. 4, 60, 63—70, 73, 103, 126, 127
Болеслав IV Кудрявый, польский князь

середины XII в. 70, 74—76, 78, 79, 81, 127
Болеслав Высокий, польский князь середины XII в. 74, 77
Болеслав Стыдливый, польский князь середины XIII в. 97, 98
Борис Владимирович, древнерусский князь начала XI в. 23—25, 28, 30
Борис Вячеславич, древнерусский князь второй половины XI в. 56
Борис Коломанович, древнерусский князь середины XII в. 69, 70
Боравская Д. (Borawska D.) 35, 112, 113
Боровский Я. Е. (Боровский Я. Е.) 120
Брайчевский М. Ю. (Брайчевский М. Ю.) 51, 115
Бресслау Х. (Bresslau H.) 35, 112
Бржетислав, чешский князь первой половины XI в. 46
Бруно Кверфуртский, архиепископ начала XI в. 12—19, 22, 108, 109, 125
Бруно, магистр ордена добжинских рыцарей 98, 99
Брюсова В. Г. 114
Брячислав, полоцкий князь первой трети XI в. 25, 47

Василько Романович, волынский князь первой половины XIII в. 89—91, 97, 98, 128
Василько Ростиславич, теребовльский князь конца XI—первой трети XII в. 4, 60—62, 68, 126
Верхуслава, киевская княжна середины XII в. 70
Вёрн Д. (Wörn D.) 119
Видера Б. (Widera B.) 18, 108
Вилкевич-Вавжиньчикова А. (Wilkie-wicz-Wawrzyszczukowa A.) 88, 121
Винцентий Кадлубек, польский хронист конца XII—начала XIII в. 4, 49, 67, 76, 77, 83, 84, 86, 123
Випо, придворный капеллан и биограф

в Германии XI в. 12, 35—38, 107, 112, 113
 Владимир Всеволодович Мономах, древнерусский князь второй половины XI — первой четверти XII в. 4, 42, 49, 54, 57—59, 62, 63, 66—69, 71, 77, 103, 127
 Владимир Игоревич, древнерусский князь начала XIII в. 89
 Владимир Святославич, киевский князь конца X — начала XI в. 10, 11, 13—15, 18, 20—24, 26, 31, 125
 Владимир Ярославич, галицкий князь конца XII в. 83, 85, 87
 Владимирко Володаревич, галицкий князь середины XII в. 68—70, 75, 76, 78
 Владислав-Герман, польский князь конца XI в. 43, 57—64, 126
 Владислав II, краковский князь середины XII в. 73—78, 127
 Владислав Кормильчич, галицкий боярин первой половины XIII в. 92, 94
 Владислав Ласконогий, польский князь начала XIII в. 88, 90
 Владислав Лысый, польский посол начала XIII в. 90
 Владислав Одонович, польский князь первой половины XIII в. 97
 Владислав, венгерский король конца XI в. 58
 Власт Петр, краковский вельможа XII в. 67, 77
 Влодарский Б. (Włodarski B.) 4, 43, 62, 65, 68, 70, 74, 75, 78, 80, 90, 105, 117—122
 Войтех (Адальберт), католический деятель конца X в. 17
 Войцеховский Т. (Wojciechowski T.) 54, 57, 108, 114, 116
 Володар Ростиславич, перемышльский князь рубежа XI—XII вв. 60, 62, 67, 68, 127
 Воронов А. Д. 108
 Вратислав, чешский князь XI в. 58
 Вратислав Петрович, киевский боярин XIII в. 97
 Всеволод Большое Гнездо, владимиро-суздальский князь рубежа XII—XIII вв. 85
 Всеволод Всеволодович, волынский князь первой половины XI в. 91
 Всеволод Давыдович, муромский князь середины XII в. 69
 Всеволод Мстиславич, древнерусский князь первой половины XII в. 70
 Всеволод Мстиславич, волынский князь второй половины XII в. 83—85, 127
 Всеволод Ольгович, киевский князь середины XII в. 73—77
 Всеволод Ярославич, киевский князь

второй половины XI в. 48—50, 54, 56—58
 Всеслав, полоцкий князь второй половины XI в. 47—50
 Высокый С. А. 48, 111
 Галл Аноним, польский хронист начала XII в. 4, 10, 27, 30, 32, 43, 49, 51, 60, 64—66, 106, 113, 114, 116, 117, 123
 Гейза II, венгерский король XII в. 69
 Генрих II, германский король, император начала XI в. 18, 19, 21, 25
 Генрих III, германский король, император середины XI в. 43
 Генрих IV, германский король, император второй половины XI в. 52—56, 58, 60, 126
 Генрих V, германский король, император первой половины XII в. 65, 103
 Генрих Лев, германский герцог начала XIII в. 87
 Генрих, польский князь середины XII в. 79
 Генрих Бородатый, польский князь первой половины XIII в. 97
 Герборд, германский хронист начала XII в. 60, 61, 117, 118
 Герлах Б. (Gierlach B.) 114
 Гильфердинг А. Ф. 17, 108
 Глеб Владимирович, древнерусский князь начала XI в. 24, 30, 32
 Голубовский П. В. 109
 Гонорий III, римский папа первой половины XIII в. 95
 Горский А. А. 105
 Горский К. (Gorski K.) 120
 Грабский А. (Grabski A.) 14, 17, 25, 39, 108—110, 115
 Греков Б. Д. 3, 21, 109
 Греков И. Б. 118
 Гремислава, польская княгиня середины XIII в. 97, 98
 Григорий VII, римский папа XI в. 16, 54—56, 105, 116, 126
 Григорий IX, римский папа XIII в. 98, 122
 Григорий, католический деятель начала XIII в. 93
 Гродецкий Р. (Grodecki R.) 116
 Грудзинский Т. (Grudziński T.) 55, 115, 116
 Давыд Игоревич, волынский князь второй половины XI в. 58—60
 Дамиани Петр, итальянский хронист XI в. 35
 Даниил Романович, древнерусский князь XIII в. 4, 89, 91, 92, 94—99, 104, 127, 128
 Джаксон Т. 113
 Дзевульский Т. (Dziewulski T.) 114

Дитрих, польский князь XI в. 38
 Длугош Ян, польский хронист XV в. 13, 51, 68, 69, 107, 115
 Довят И. (Dowiat J.) 37, 57, 113, 116
 Домбровский К. (Dąbrowski K.) 108
 Евдоксия, древнерусская княжна второй половины XI в. 92
 Евпраксия, древнерусская княжна второй половины XI в. 58
 Закжевский С. (Zakrzewski S.) 25, 29, 108, 110, 111
 Збигнев, польский князь начала XII в. 60, 63—65, 126, 127
 Збислава, древнерусская княжна середины XII в. 74, 75
 Зверуг Я. Г. 114
 Земовит, польский князь X в. 10
 Земомысл, польский князь X в. 10
 Зинчук Я. П. (Zinчук Я. П.) 108
 Зоценко В. Н. (Зоценко В. М.) 122
 Иван Берладник, древнерусский князь XII в. 81
 Игорь, древнерусский князь X в. 15
 Игорь Ольгович, древнерусский князь середины XII в. 76, 77
 Изяслав Мстиславич, древнерусский князь середины XII в. 74, 76, 78—80
 Изяслав Ярославич, волынский князь XI в. 48—57, 102, 126
 Ильин Н. Н. 23, 24, 31, 33, 108—110, 115
 Ингварь, волынский князь начала XIII в. 90
 Инггерда, шведская принцесса XI в. 22
 Иннокентий III, римский папа XIII в. 93, 121
 Иоанн, киевский митрополит начала XI в. 29
 Исаевич Я. Д. (Исаевич Я. Д.) 12, 39, 106, 107, 113
 Кабан В. (Caban W.) 83, 120
 Казимир I, польский князь середины XI в. 30, 39, 42—47, 126
 Казимир II Справедливый, малопольский князь XII в. 4, 82—87, 127
 Каминьский А. (Kamiński A.) 119
 Каргалов В. В. 3, 108
 Карвасиньская И. (Karwasinśka J.) 108
 Карлович И. (Karłowicz J.) 26, 51, 110, 112, 114, 115
 Кентжиньский С. (Kętrzyński S.) 107, 114, 116
 Клосс Б. М. 107
 Ковальский Т. (Kowalski T.) 106, 107, 110

Козьма Пражский, чешский хронист начала XII в. 8, 11, 105—107, 117
 Коломан, венгерский принц XIII в. 93, 94
 Коларов Х. 116
 Колесницкий Н. Н. 114, 116
 Конрад II, германский король, император первой половины XI в. 34—38
 Конрад Мазовецкий, польский князь первой половины XIII в. 86—88, 95—98, 127, 128
 Константин VII Багрянородный, византийский император и писатель X в. 9, 106, 108
 Королюк В. Д. 3, 11, 14, 17, 29, 31, 33, 39, 44, 46, 105—112
 Котляр Н. Ф. (Котляр М. Ф.) 110, 120, 122
 Кохен, Иехуда бен меир ха, талмудический писатель XI в. 39, 113
 Крипякевич И. П. (Крипякевич И. П.) 118, 121
 Кузьмин А. Г. 33, 112, 113
 Куниш А. (Kunisz A.) 113
 Кучинко М. М. (Kucinko M. M.) 106
 Кучиньский С. (Kuczyński S.) 11, 81, 107, 108, 114, 115, 119, 120
 Кучкин В. А. 49, 54, 115, 116
 Кюрбис Б. (Kürbis B.) 83, 118, 120
 Ламберт Герсфельдский, немецкий хронист XI в. 5, 10, 53, 54, 105, 116
 Левицкий А. (Lewicki A.) 35, 112
 Лев Романович, галицкий князь второй половины XIII в. 4
 Ленин В. И. 88, 121
 Лешко I, польский князь X в. 10
 Лешко Бялый, краковский князь начала XIII в. 86—97, 127, 128
 Лимонов Ю. А. 68, 118
 Линниченко И. А. 23, 68, 109, 111, 112, 116, 118
 Литаврин Г. Г. 3, 114
 Лихачев Д. С. 111
 Ловмянский Г. (Łowmiański H.) 35, 106, 107, 110, 112, 114, 122
 Лозинский С. П. 115
 Лойберг М. Я. 105
 Лябуда Г. (Labuda G.) 37, 57, 107, 112, 116, 119, 121
 Ляскоронский В. Г. 108, 109
 Лященко А. И. 23, 110
 Мавродин В. В. 3, 111, 115
 Малецкий А. (Malecki A.) 62, 117
 Малечиньский К. (Maleczyński K.) 65, 66, 68, 70, 117, 118
 Мантейфель Т. (Manteuffel T.) 112, 115
 Мария-Добронегга, древнерусская княжна XI в. 45, 125
 Маркс К. 6, 72, 105, 119

Матвей, краковский епископ середины XII в. 78
Мельникова Е. А. 110
Меслав, мазовецкий князь XI в. 43, 44, 46, 47
Мефодий, религиозный деятель IX в. 8
Мешко I, польский князь X в. 10—12, 125
Мешко II, польский король первой половины XI в. 34—38, 42, 43, 101
Мешко, сын Болеслава Смелого 58—60
Мешко III Старый, польский князь XII в. 74, 76, 79, 82, 84—86, 127
Миколай, краковский воевода конца XII в. 83, 85
Михаил, черниговский князь XIII в. 97
Мишкевич Б. (Miškiewicz B.) 119
Михаловский Р. (Michalowski R.) 113
Моця А. П. (Моця О. П.) 113
Мстислав Владимирович, древнерусский князь XI в. 25, 33, 34—39
Мстислав Владимирович, киевский князь первой половины XII в. 42, 63, 69
Мстислав Изяславич, древнерусский князь середины XII в. 80, 81
Мстнуй, малопольский боярин XIII в. 97
Мурьянов М. Ф. 115
Мышлиньский К. (Myśliński K.) 106, 107
Надгродска-Майхжик Т. (Nadgrodska-Majchzyk T.) 108
Назаренко А. В. 24, 106, 109, 110
Насонов А. Н. 59, 117
Настасья, наложница галицкого князя Ярослава Владимировича, XII в. 81
Николай Мирликийский, христианский святой 52
Оглоблин Н. Н. 108
Одон, польский князь XII в. 81
Олаф, шведский король начала XI в. 22
Олег, древнерусский князь рубежа IX—X вв. 7, 8, 15
Олег Святославич, древнерусский князь XI в. 54, 56
Олег Ярославич, галицкий князь XII в. 81, 84
Олисава-Гертруда, польская княжна XI в. 45
Ольга, древнерусская княгиня X в. 9
Ольдржих, чешский князь начала XI в. 15
Ортлис Цвифальтенский, германский хронист XII в. 5, 67, 75, 105, 118
Острогорский Г. (Ostrogorski G.) 126
Оттон II, германский король, император второй половины XII в. 10
Оттон III, германский король, император конца X—начала XI в. 13, 16, 34
Оттон, германский герцог XIII в. 87
Оттон, польский князь первой половины XI в. 34—38
Пакослав, краковский вельможа первой половины XIII в. 92, 93, 98
Палацкий Ф. (Palasky F.) 12, 107
Пасхалий II, римский папа начала XII в. 64
Пашуто В. Т. 3, 4, 18, 26, 44, 46, 60, 69, 91, 94, 105—111, 114, 115, 117—122
Персовский Ф. (Persowski F.) 113
Пичета В. И. 107
Плетнева С. М. 109
Попель, древнепольский князь IX в. 9, 10
Попов А. И. 115
Попова Л. М. 65, 66, 117, 118
Поппе А. (Poppe A.) 28, 111
Предслава, древнерусская княжна начала XI в. 25, 31
Приселков М. Д. 111
Рамм Б. Я. 109, 115, 116
Рапов О. М. 20, 109—111, 115, 121
Рейнберн, епископ начала XI в. 17, 21, 22
Репель Р. (Roepell R.) 21, 35, 68, 109, 112, 117, 118
Рикса, древнерусская княгиня середины XII в. 70
Рихеза, польская княгиня первой половины XI в. 37
Роде Г. (Rhode G.) 107
Роман Игоревич, галицкий князь начала XIII в. 89
Роман Мстиславич, галицко-волинский князь начала XIII в. 5, 83—89, 127
Ростислав Володаревич, галицкий князь XII в. 69, 70
Ростислав Игоревич, черниговский князь XIII в. 89
Ростислав Мстиславич, древнерусский князь середины XII в. 76, 78, 81
Рудольф Швабский, германский король второй половины XI в. 54
Рыбаков Б. А. 3, 7, 23, 31, 105, 107, 110
Рыдзевская Е. А. 105, 110
Рюрик Ростиславич, киевский князь начала XIII в. 84, 89
Савич А. А. 111
Сахаров А. Н. 3, 106, 107
Свердлов М. Б. 17, 33, 35, 106, 108, 109, 111, 112, 117
Свидерский Ю. Ю. (Свідерський Ю. Ю.) 17, 108, 111, 121
Святослав Всеволодович, древнерусский князь XII в. 75

Святослав Игоревич, древнерусский князь X в. 10
Святослав Мстиславич, червенский, а позже берестейский князь XII в. 81, 83
Святослав Ярославич, древнерусский князь XI в. 48—50, 53, 54, 56, 126
Святополк Изяславич, киевский князь конца XI—начала XII в. 57, 59, 60, 62—66
Святополк Ярополкович (Владимирович), древнерусский князь начала XI в. 11, 20—34, 125
Седов В. В. 106
Селицкий Ф. (Sielicki F.) 122
Семкович А. (Semkowicz A.) 51, 115
Сецех, краковский воевода конца XI в. 60, 63
Сильвестр II, римский папа X в. 16
Скарбимир, польский воевода первой половины XII в. 64, 66, 67
Смолька С. (Smolka S.) 117, 120
Соболевский И. А. 115
Соколов Н. П. 116
Соловьев С. М. 108, 116
Соломея, польская княгиня середины XII в. 76, 77
Стефан, венгерский король конца X в. 14
Стрыйковский М., польский хронист XVI в. 13, 107
Счанецкий М. (Sczanecki M.) 33
Татищев В. Н. 13, 54, 83, 107, 116, 120
Тжыярский Е. (Trzyjarski E.) 108
Титмар Мерзебургский, германский хронист начала XI в. 5, 6, 16, 19—24, 27, 30—34, 105, 107, 109—112, 124
Тихомиров М. Н. 111, 115
Ткаченко Н. Г. 109, 111
Ткаченко Н. Н. (Ткаченко М. Н.) 115
Толочко П. П. 118
Туни, польский религиозный деятель начала XI в. 17
Удальрих, чешский князь XI в. 36, 37
Феодосий Печерский, православный деятель второй половины XI в. 116
Филипп Швабский, германский король, император XIII в. 87
Флоровский А. Б. (Florovski A. B.) 14, 107, 108
Фома Ратиборич, древнерусский боярин XII в. 67

Фортинский Ф. Я. 23, 110
Фридрих I Барбаросса, германский король, император второй половины XII в. 16, 79, 81, 85, 120, 127
Фридрих II Гогенштауфен, германский король, император середины XIII в. 16
Фроянов И. Я. 106
Харальд, норвежский король XI в. 36
Хенсель В. (Hensel W.) 106, 113
Хорошев А. С. 110
Хрущов И. П. 117
Черепнин Л. В. 11, 107, 118
Шайтан М. Э. 55, 60, 116, 117
Шахматов А. А. 32, 109, 112
Шекера И. М. (Шекера I. M.) 107
Щавелева Н. И. 119, 121
Эзон, германский палатин первой половины XI в. 37
Эйлив, руководитель варяжской дружины XI в. 36
Эймунд, руководитель варяжской дружины XI в. 23—25, 105, 110, 111
Энгельс Ф. 7, 41, 72, 82, 92, 105, 108, 113, 114, 119—121
Юдифь, польская княгиня конца XI в. 60
Юрий Долгорукий, древнерусский князь XII в. 78—80
Юрий Толигнеевич, древнерусский боярин XIII в. 97
Яжджевский К. 113
Якимович Я. (Jakimowicz R.) 111
Якуб, Ибрагим ибн, арабский писатель X в. 8, 11, 27, 125
Янин В. Л. 114, 116
Ярополк Изяславич, волинский князь XI в. 55, 57—59
Ярополк Святославич, древнерусский князь X в. 10
Ярослав Владимирович, древнерусский князь первой половины XI в. 22, 23, 25—38, 42, 44, 48, 125, 126
Ярослав Владимирович, галицкий князь второй половины XII в. 80—84, 127
Ярослав Святополкович, волинский князь XII в. 64—67
Яцкевич А. Е. 116

ОГЛАВЛЕНИЕ

М	Предисловие	3
М	Глава I.	
М	Раннефеодальные Русь и Польша в период становления их государственных отношений (конец X — первая треть XI в.)	6
М	1. Установление межгосударственных отношений Руси и Польши в конце X в.	6
М	2. Политические отношения Руси и Польши в начале XI в.	15
М	3. Киевский поход Болеслава Храброго (1018 г.) и его итоги	26
М	4. Развитие политических связей Руси и Польши в 20-х — первой половине 30-х годов XI в.	32
М	Глава II.	
М	Древнерусское и Польское раннефеодальные государства в период стабилизации их политических связей (конец 30-х годов XI — 30-е годы XII в.)	41
М	1. Военно-политический союз Руси и Польши в конце 30-х — 40-х годах XI в.	41
М	2. Развитие русско-польских связей в 60—70-х годах XI в.	47
М	3. Русско-польские отношения в последнем двадцатилетии XI в.	56
М	4. Русь и Польша в первой трети XII в.	63
М	Глава III.	
М	Политические связи древнерусских и польских княжеств в эпоху феодальной раздробленности (40-е годы XII — первая треть XIII в.)	72
М	1. Изменение характера русско-польских отношений в 40—70-х годах XII в.	72
М	2. Русь и Польша в последнем двадцатилетии XII — начале XIII в.	82
М	3. Внутривосточная борьба в юго-западных землях Руси и внешняя политика Польши (вторая половина первого — первая половина второго десятилетия XIII в.)	88
М	4. Древнерусские и польские княжества во второй половине второго десятилетия — третьем десятилетии XIII в.	93
М	Заключение	101
М	Примечания	105
М	Список сокращений, принятых в примечаниях	123
М	Хронологический указатель	125
М	Географический указатель	129
М	Именной указатель	131